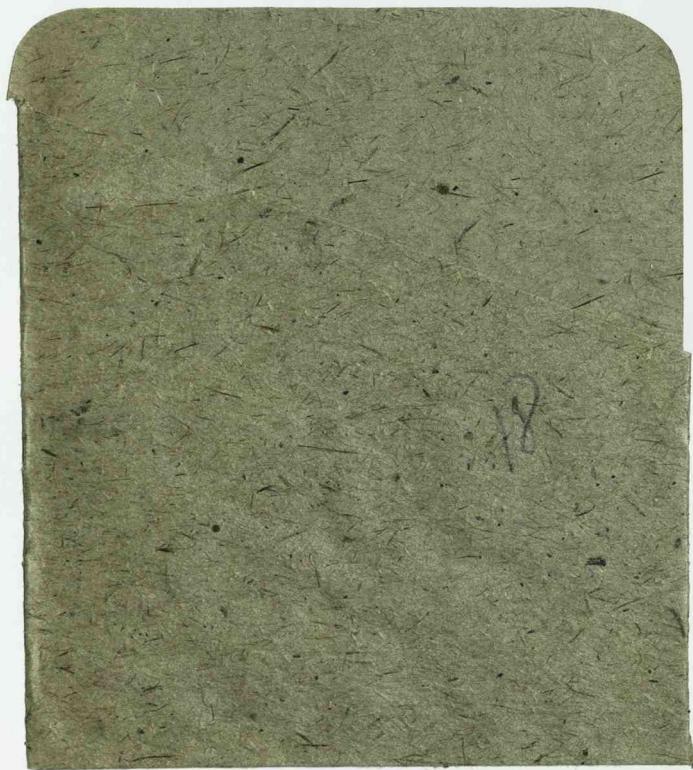

КРД
1427317

НОВОЕ О ЕСЕНИННЕ

Исследования, открытия, находки

83,3 (2=14c) 7-8
НГУ

Государственный музей-заповедник С.А. Есенина
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Рязанский государственный педагогический университет
имени С.А. Есенина

НОВОЕ О ЕСЕНИНЕ

Исследования, открытия, находки

Статьи и материалы научной конференции,
посвященной 106-летию со дня рождения С.А. Есенина,
2 октября 2001 г.

1427317

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

Рязань
Константиново
2002

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
Н74

Печатается по решению Ученого совета
Государственного музея-заповедника
С.А. Есенина

Редакционная коллегия

Ю.Л. Прокушев – д-р филол. наук, руководитель Есенинской научной группы Института мировой литературы им. А.М. Горького, *ответственный редактор*;
О.Е. Воронова – д-р филол. наук, проф., руководитель Есенинского научного центра Рязгоспединиверситета им. С.А. Есенина, *ответственный редактор*;
Н.И. Шубникова-Гусева – д-р филол. наук, член Есенинской научной группы Института мировой литературы им. А.М. Горького;
А.Н. Захаров – канд. филол. наук, ученый секретарь Есенинской научной группы Института мировой литературы им. А.М. Горького;
С.И. Субботин – канд. хим. наук, член Есенинской научной группы Института мировой литературы им. А.М. Горького;
З.М. Дикун – директор Государственного музея-заповедника С.А. Есенина;
А.В. Сафонов – канд. филол. наук, доц., зав. кафедрой литературы Рязгоспединиверситета им. С.А. Есенина;
К.П. Воронцов – заместитель директора по научной работе Государственного музея-заповедника С.А. Есенина;
Н.Н. Бердянова – ученый секретарь Государственного музея-заповедника С.А. Есенина.

Рецензенты:

В.М. Мирошников – д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. С.А. Есенина);
И.В. Грачева – канд. филол. наук, доц. (РГПУ им. С.А. Есенина).

Н74 Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки: Статьи и материалы научной конференции, посвященной 106-летию со дня рождения С.А. Есенина, 2 октября 2001 г. / Отв. ред. Ю.Л. Прокушев, О.Е. Воронова. – Рязань, 2002. – 292 с.

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы современного есениноведения, намечаются перспективы фундаментальных исследований; анализируются художественно-философские основы творчества великого русского поэта, истоки, традиции, связи его эстетических исканий с широким историко-культурным контекстом; публикуются новые материалы, разыскания и находки, содержащие малоизвестные биографические сведения; освещаются вопросы сохранения наследия С.А. Есенина иувековечения его памяти.

Сборник предназначен для широкого круга филологов, преподавателей вузов и школ, работников науки и культуры, студентов, а также всех интересующихся творчеством С.А. Есенина.

© Государственный музей-заповедник
С.А. Есенина, 2002
© Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, 2002
© Рязанский государственный
педагогический университет, 2002
© Феоктистов С.А., 2002

ISBN 5-94334-030-0

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Предлагаемое научное издание органично дополняет серию сборников-спутников Полного собрания сочинений С.А. Есенина, «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина» и других академических проектов Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ). В нем представлены материалы научной конференции «Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки», состоявшейся 2 октября 2001 года на базе Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Константинове. Есенинские научные чтения впервые проходили не в академических залах или университетских аудиториях, а в родном селе великого русского поэта, и это являлось их отличительной особенностью.

Состав конференции был, как всегда, представительным и отражал крепнущее содружество трех научных коллективов: академического (ИМЛИ РАН), университетского (РГПУ им. С.А. Есенина) и музеиного (ГМЗЕ).

Единство благородной цели, координация действий, высокая результативность совместной работы – таковы слагаемые этого плодотворного сотрудничества, направляемого его главным стратегом, инициатором масштабных проектов «академической Есенинианы», руководителем Есенинской группы Института мировой литературы Юрием Львовичем Прокушевым – председателем Всероссийского писательского комитета, доктором филологических наук, Почетным гражданином города Рязани.

Вступительной статьей Ю.Л. Прокушева, содержащей глубокий анализ современного состояния есенинской науки и обширную программу новых фундаментальных исследований, открывается сборник. В нем четыре раздела: «Художественно-философские основы поэтического мира С.А. Есенина. Истоки, традиции, связи», «Разыскания. Найдки. Новые материалы», «Память о С.А. Есенине. Проблемы сохранения наследия поэта», «Заметки и наблюдения».

В сборнике представлены научные доклады и сообщения сотрудников Есенинской группы ИМЛИ – известных есенинове-

дов Н.И. Шубниковой-Гусевой, А.Н. Захарова, С.И. Субботина, Ю.Б. Юшкина, В.А. Дроздкова, Л.М. Шалагиновой, М.В. Скорыхова, Е.А. Самоделовой.

Публикуются статьи и выступления ученых Рязанского государственного педагогического университета С.А. Есенина: руководителя Есенинского научного центра РГПУ О.Е. Вороновой, заведующего кафедрой литературы А.В. Сафонова, преподавателей Ю.В. Лазарева, А.В. Шапуриной, студентов Д.В. Жулина и Н.Н. Бессоновой.

Государственный музей-заповедник С.А. Есенина представил материалы, подготовленные заместителем директора музея по научной работе К.П. Воронцовым, главным хранителем Л.А. Архиповой, научными сотрудниками В.И. Астаховым, Л.В. Калининой, О.Л. Аникиной, Н.Н. Бердяновой, В.С. Титовой.

Печатаются статьи других исследователей из Москвы, Рязани, Мурманска: Н.М. Мосуновой, Н.В. Обыденкина, В.Е. Кузнецовой.

Включены в состав сборника и статьи зарубежных исследователей – Э. Мекша (Латвия), В. Соболева (Украина).

Завершен выпуск Полного академического собрания сочинений С.А. Есенина в 7 томах (9 книгах). Полным ходом идет работа над четырехтомной «Летописью» жизни и творчества великого поэта. Впереди – «Есенинская энциклопедия», тома «Литературного наследства», мемуарный свод «Жизнь Есенина, рассказанная его современниками», полная научная библиография С.А. Есенина в 5 томах, «Словарь поэтического языка С.А. Есенина», «Словарь рифм С.А. Есенина» и другие впечатляющие проекты.

Научная Есениниана продолжается...

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРУДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЛЕДИЯ ЕСЕНИНА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю.Л. Прокушев

(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

Погаснет день, мелькнув пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

Сергей Есенин. Голубень (1916)

Так уж устроена наша жизнь, что порой обычный день может стать для нас памятным и знаменательным. Таким днем для судьбы творческого наследия Сергея Есенина, его бессмертного поэтического слова стал один из обычных предновогодних дней 2001 года. 30 декабря к «выпуску в свет» был подписан сигнальный экземпляр третьей книги седьмого тома Полного собрания сочинений Сергея Есенина. Первое (пока единственное) академическое издание русского поэта XX века было, таким образом, полностью завершено. Кто-то может сказать: ну а что тут особенного? Но истина – конкретна. Вспомним, что долгое время мы располагали всего лишь тремя академическими изданиями русских поэтов-классиков XIX века: Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Академический Есенин стал четвертым! Согласимся с тем, что уже один этот факт говорит о многом.

Это знаменательное событие стало примечательной «есенинской вехой» в богатейшей истории отечественной словесности со времен «Слова о полку Игореве», «Задонщины», М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина... Вместе с тем, трудно переоценить значение и благотворную роль академического Есенина, как и других наших поэтов-классиков, для культуры и духовности современной России. Заметим однако, что, несмотря на настойчивые и многолетние ходатайства Всероссийского Есенинского писатель-

ского комитета, литературной общественности до настоящего времени государственная премия, носящая его светлое имя, к великому сожалению, так и не была установлена. Полагаем, что с выходом академического издания поэта эта вопиющая несправедливость будет устранена.

Из сказанного выше уже очевидно, что в настоящее время *главным фундаментальным научным трудом* в исследованиях творчества Есенина является академическое собрание сочинений поэта.

В процессе подготовки и по мере выпуска его очередных томов мне, как главному редактору, а также членам есенинской научной группы Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ), ученым-филологам, литературоведам, писателям, критикам неоднократно доводилось выступать в печати, на Международных научных конференциях, проводимых по нашей инициативе ежегодно в Институте мировой литературы, а также на родине поэта – в Рязани и Константинове.

Материалы этих представительных есенинских форумов нашли свое конкретное отражение в научных сборниках-спутниках академического собрания «Новое о Есенине», таких, как «О Русь, взмахни крылами...», «Есенин академический», «Столетие Сергея Есенина», «Пушкин и Есенин», «Издания Есенина и о Есенине (до и после столетия поэта)». Помимо этого, подготовлены к выпуску сборники «Новое о Есенине. Исследования, открытия, находки» и «Мировое значение Есенина».

Эти серьезные печатные научные труды, как и другие коллективные сборники и монографии известных ученых-филологов, широко и убедительно представляющие очевидные достижения современного отечественного и зарубежного есениноведения, имеют единую научную концепцию: Есенин – великий национальный поэт России, один из гениальных художников Слова XX века. Они стали надежным фундаментом и одним из научных источников в процессе подготовки академического Есенина, как и опыт, накопленный не одним поколением есениноведов в процессе подготовки и выпуска восьми собраний сочинений С. Есенина.

Все это позволяет мне теперь, когда полное собрание сочинений Есенина завершено, попытаться выделить хотя бы кратко с позиций главного редактора и руководителя научной есенинской группы, те главные моменты и характерные особенности, которые дают представление о масштабах содеянного, о новаторской сути академического издания С. Есенина, а также о перспективах дальнейших фундаментальных исследований и новых трудов, посвященных гениальному поэту, его жизни, творчеству, судьбе.

Прежде всего немного истории и статистики. Порой цифры говорят сами за себя лучше всяких слов.

В октябре 1989 года состоялось первое заседание есенинской группы, созданной в ИМЛИ для подготовки и выпуска академического Полного собрания сочинений поэта.

В 1995 году к 100-летию со дня рождения поэта был выпущен первый том академического собрания. Во время выступления 2 октября 1995 года на открытии памятника Есенину в Москве на Тверском бульваре я был счастлив положить этот том к подножью монумента.

За 6 лет (1996–2001) вышло еще шесть томов академического собрания, включая седьмой том в трех книгах. Всего же объем научного комментария к девяти книгам собрания составил более двухсот авторских листов.

С начала работы над «Собранием» в октябре 1989 года до ее завершения и выпуска последней книги состоялось свыше пяти сот совместных заседаний Есенинской группы, текстологической комиссии, редколлегии издания. Каждый вторник по несколько часов проходили заседания, ставшие своеобразным постоянно действующим есенинским научным семинаром, на котором рассматривались и обсуждались различные составительские, текстологические, комментаторские проблемы и вопросы, начиная с выбора основного источника текста, датировки произведений и кончая установлением окончательной редакции одной строфы, строчки, слова, а иногда и одной буквы в слове.

Таким образом, научные заседания Есенинской группы заняли два года «чистого» времени! Не говоря уже о повседневной научно-исследовательской и поисковой работе каждого из членов

группы на протяжении более чем десяти лет, зачастую без выходных и отпусков. Именно такая напряженная целенаправленная работа, такой эффективный, организованный научный труд, а главное, такая самоотдача при работе над каждым томом и изданием в целом позволили начать и завершить работу над ПСС Есенина в предельно сжатые сроки, обеспечивая и сохраняя ее высокий научный и профессиональный уровень. Это неоднократно отмечалось Ученым советом ИМЛИ, видными учеными-филологами, литературной критикой.

Теперь об очевидных особенностях и новизне издания, о том, чем принципиально отличается оно от всех предыдущих Собраний сочинений поэта.

Впервые в академическом собрании С.А. Есенина представлено и прокомментировано все ныне известное творческое наследие поэта, более того, каждый автограф Есенина, включая дарственные надписи, наброски отдельных строф и строк, прозаические отрывки, деловые бумаги, заявления. Учтены и прокомментированы все автографы-подписи поэта и др.

Впервые все тексты произведений поэта сверены фронтальными с их автографами или другими первоисточниками.

Впервые все тексты печатаются полностью, без каких-либо купюр, сокращений, устраниены допущенные в предыдущих изданиях редакционные ошибки и искажения, другие неточности.

Впервые в Собрании наиболее полно выражена последняя творческая воля автора.

Впервые в результате тщательного изучения рукописей поэта и других прижизненных изданий в академическом Есенине дается полный свод всех вариантов его произведений, наглядно свидетельствующий, как напряженно, порой мучительно, поэт работал над словом. Становится понятным сказанное Есениным однажды: «Осужден я на каторге чувств вертеть жернова поэм». Свод вариантов академического издания окончательно похоронил злую «легенду» о том, что в отличие от А.С. Пушкина С. Есенин писал легко, пел, как жаворонок, «сочинял» свои стихи чуть ли не сходу. На деле же Есенин по-пушкински тщательно работал над словом. Достаточно обратиться хотя бы к черновому автографу «Пугачева», к «Песне о великом походе» и другим произведениям поэта.

Впервые в академическом Есенине представлен развернутый историко-литературный, текстологический и реальный комментарий.

Впервые в таком объеме представлен обзор критической литературы об отдельных произведениях поэта и его творчестве в целом, особенно – материалы прижизненной критики, посвященной Есенину, включая зарубежную.

Впервые в собрание введены разделы «Рукою Есенина», «Афиши выступлений поэта», «Есенин в фотографиях», «Задуманное и неосуществленное» и др.

Теперь о самом главном и значительном. Выход академического собрания сочинений Есенина ознаменовал собой полное и окончательное завершение сложного, многотрудного и длительного по времени (начиная с 50-х годов) процесса возрождения Есенина и возвращение его творчества и имени родному народу после многолетнего запрета и отторжения животворной поэзии великого рязанца от духовной плоти России.

При этом хотелось бы подчеркнуть особо, что со страниц академического собрания зримо, убедительно встает образ Есенина – поэта и человека высокой духовности, образованности и народной культуры, образ гениального художника Слова с его эстетическими, философско-мировоззренческими, религиозными, историческими взглядами. Достаточно всего лишь обратиться к знаменитому трактату Есенина об искусстве – «Ключи Марии», впервые обстоятельно и всесторонне прокомментированному в академическом собрании, чтобы наглядно убедиться в этом. Встает также высокий гражданский образ поэта со своим видением мира, своей оценкой важнейших государственных, общественно-политических, а также литературных событий, происходивших при его жизни в России и за рубежом. Вот лишь один характерный пример, казалось бы, частный, но говорящий о многом. «Железный Миргород» – такими увиделись Соединенные Штаты Есенину во время пребывания там в начале 20-х годов, в пору их «благополучного процветания». Поэт был потрясен царящей в стране бездуховностью американцев, «погруженных всецело» в свой бизнес.

Невозможно переоценить исторически-объективного значения академического собрания Есенина еще в одной важнейшей области нашей духовности и культуры. Это наш родной русский язык с его богатейшей словесной палитрой, звонким многоголосием, эмоциональной энергией и метафорической образностью. Есенин как выдающийся мастер словесной живописи в своем творчестве сохранил богатство красок, родниковую чистоту, национальный характер и народность русского слова, русского языка, особенно литературного. Более того, в XX веке он стал одним из истинных новаторов-языкотворцев, гениально обогатив русский язык новыми дивными красками. В наше смутное время могучий язык Есенина, с наибольшей полнотой представленный в его академическом собрании, надежно ограждает нас духовно от воинственно-бездонного жаргона и словесного хлама, всеядной маскультуры, а также от назойливых попыток «реформировать» нашу отечественную словесность.

Поэтический образный язык Есенина – это достойное продолжение пушкинских художественных традиций. Бессмертный язык двух гениев России два века надежно и свято охраняет нашу национальную самобытность и духовность. Хочется верить, что так будет и впредь – в наступившем XXI веке. Пусть постоянным и твердым гарантом в этом святом и благородном деле станет академическое собрание Сергея Есенина.

Более полно во всём сказанном нетрудно убедиться, обратившись к стихам и поэмам, прозе и литературно-критическим выступлениям Есенина, его письмам, автографам и документам, составившим основной корпус академического собрания, и к обширным, подробным текстологическим, историко-литературным и реальным комментариям, содержавшимся в каждом томе.

Академическое собрание окончательно кладёт конец ещё одной, едва ли не самой распространённой и, может быть, самой несправедливой и расхожей «легенде» о том, что Есенину, по сравнению, скажем, с Александром Блоком и некоторыми другими поэтами «серебряного века», недоставало образованности, интеллигентности, городской культуры, что он недостаточно учился, совершенствовался как поэт, что писал он в основном «от нутра»,

что он не более чем поэт-«самородок». Говорилось все это весьма настойчиво как при жизни Есенина, так и после его кончины, и не только недоброжелателями поэта, но и современниками, казалось бы, относящимися к нему по-доброму, дружески. Вспомним по этому поводу суждения критика, редактора «Красной нови» Александра Воронского. В своей статье «Об отошедшем», предпосланной знаменитому трехтомному «Собранию стихотворений», составленному еще при жизни самим поэтом, он настойчиво подчеркивал, что Есенин «писал нутром, всем своим существом». И хотя здесь было много положительного, критик считал, что в этом «таилась и прямая опасность». И следовало безоговорочное заключение: «Опасность была в том, что *творчество от одного нутра, без надлежащей культуры, без упорной работы над собой* (выделено мной – Ю.П.) брало непомерно много сил...». Казалось, что говорится все это как бы с явным сочувствием и даже тревогой, болью за Есенина, его творческую судьбу. Но суть была одна и та же: не хватало поэту «надлежащей культуры», образованности. Вот и вынужден он был писать «от нутра», быстро исчерпал себя, свой талант и погиб.

Позднее, в середине 50-х годов, мне неоднократно доводилось беседовать о Есенине с прославленным скульптором, другом поэта Сергеем Тимофеевичем Коненковым. Рассказывая о своих встречах с Есениным, высоко оценивая его поэтический дар и стихи, он в то же время сетовал на досадное обстоятельство по поводу того, что Есенину не хватало образованности и культуры, добавляя при этом: «Скажем, как Блоку»; что не его виной, а бедой были условия деревенского детства, воспитания и учёбы в юношеские годы. Я пытался убедить Сергея Тимофеевича в обратном. Знакомил с открытыми мной в те годы неизвестными письмами к Григорию Панфилову, рассказывал об учёбе Есенина во второклассной учительской школе в Спас-Клепиках, Народном университете Шанявского, занятиях в Суриковском кружке, работе в типографии Сытина. Он слушал с интересом. Но чувствовалось, что он по-прежнему считал друга Сережу Есенина непревзойденным русским поэтом-самородком...

Вспоминая все это в наши дни, невольно задумываешься: если бы в то время Воронский и Коненков смогли ознакомиться с

академическим собранием сочинений Есенина, что бы они тогда говорили о «недостаточности» у поэта «надлежащей культуры», образованности, знаний, упорной, до последних дней жизни работы над словом, совершенствованием своего мастерства? Можно предположить, что они как друзья поэта, наверное, были бы искренне рады, что их прежние представления о Есенине, уровне его культуры и образованности, мягко говоря, далеки от истины, которая всегда конкретна.

В завершение нашего разговора об академическом собрании сочинений Есенина я, как главный редактор, выражаю самую сердечную благодарность и кланяюсь всем тем подвижникам, кто стоял у истоков его рождения, кто вопреки всем объективным и субъективным трудностям, с душой, наполненной светлой любовью к неповторимо-прекрасному поэту, нашей национальной гордости, год за годом издавал его замечательные произведения, кто смог до конца и с честью выполнить эту святую и благороднейшую миссию.

Считаю необходимым назвать тех, кто внес свой вклад, свои профессиональные знания, свой научный и издательский опыт в создание Первого академического издания русского художника слова XX века.

Это текстологи, составители, комментаторы – ведущие научные сотрудники ИМЛИ: Н.И. Шубникова-Гусева, А.Н. Захаров, А.А. Козловский, С.И. Субботин; доктор филологических наук, профессор Т.К. Савченко; член редколлегии, старший научный сотрудник С.П. Кошечкин; старшие научные сотрудники М.В. Скородов, Е.А. Самоделова, В.А. Дроздков; научные сотрудники Н.Г. Юсов, Ю.Б. Юшкин; научные редакторы томов – член-корреспондент РАН, председатель текстологической комиссии РАН и ИМЛИ, научный редактор 3, 4, 6 томов Л.Д. Громова, члены редколлегии Н.В. Есенина, С.П. Есенина, Ф.Ф. Кузнецов, Н.Н. Скотов, В.В. Сорокин, Г.И. Ломидзе, Л.А. Озеров; научный редактор 1 тома А.М. Ушаков; рецензенты томов – доктора филологических наук Н.Н. Воробьев, В.В. Петелин, А.Н. Чагин; кандидат наук В.Н. Дядичев, литературовед А.П. Зеименков, библиофил и поэт Юрий Паркаев, редакторы томов Т.С. Шеханова и В.Г.Шитарева,

историк Л.М. Шалагинова, филолог, член «Радуницы» В.Е. Кузнецова, художник Б.А. Лавров, технический редактор Л.Н. Золотухина, корректор Л.М. Марченко, программист Т.И. Мишутина, подготовившая к печати оригинал-макеты всех томов, и др.

* * *

Выше говорилось о характерных чертах и особенностях, об очевидной новизне самого содержания, структуры, композиции академического собрания сочинений. Но этим далеко не ограничивается его значение в современном есениноведении и шире – во всей филологической науке и отечественной словесности. В связи с этим коснемся лишь одного важного и существенного момента. В процессе подготовки ПСС Есенина воспользовалось новое талантливое поколение, в основном молодых ученых, ставших за истекшее десятилетие опытными текстологами, составителями, комментаторами. Вместе с есениноведами, подготовившими и выпустившими в прошлые годы не одно собрание сочинений, они составили единый научный дееспособный исследовательский коллектив – Есенинскую группу ИМЛИ, объединив вокруг работы над «Собранием» практически все наиболее подвижные силы ученых-есениноведов в России и за рубежом. Достаточно обратиться к авторскому составу Международных есенинских конференций ИМЛИ и сборников-спутников «Новое о Есенине». Без преувеличения можно сказать, что благодаря академическому собранию, особенно теперь, когда оно завершено, в ИМЛИ им. А.М. Горького сложился единый научный центр мирового есениноведения. Отрадно также заметить, что накопленные учеными в ходе подготовки «Собрания» архивные материалы, выдвинутые ими новые концепции и идеи позволили ряду молодых ученых защитить кандидатские диссертации, более опытным – докторские исследования, посвященные актуальным проблемам творческого наследия великого русского поэта. Так, в 2000 году успешно защитила докторскую диссертацию и на ее основе выпустила объемную монографию «Сергей Есенин и русская духовная культура» рязанский ученый-есениновед О.Е. Воронова, активно сотрудничающая с есенинской группой; в 2002 году защитила докторскую диссертацию

цию Н.И. Шубникова-Гусева, ранее опубликовавшая содержательную научную монографию «Поэмы Сергея Есенина», вобравшую в себя обширный текстологический и commentаторский материал подготовленного ею третьего тома «Собрания»; в декабре 2002 года состоится защита докторской диссертации «Художественно-философский мир Сергея Есенина» ученого секретаря есенинской группы А.Н. Захарова, участвовавшего в подготовке 5, 6, 7 томов «Собрания». Несколько ранее, в 1999 году, мне довелось защитить докторскую диссертацию по научному докладу «Сергей Есенин. Жизнь. Творчество. Эпоха».

Согласимся: четыре докторские диссертации за четыре года на академическом есенинском «поле» – высокий научный «урожай».

Без ложной скромности можно сказать, что в современном есениноведении мы имеем действительно весьма значительные реальные научные достижения и результаты как в издании наследия великого русского поэта, так и в изучении жизни, творчества, эпохи Есенина. Вместе с тем было бы в высшей степени опрометчиво и недальновидно посчитать, что все уже сделано, изучено, напечатано. Вот почему в процессе завершения академического издания вполне закономерно встал вопрос: что можно и нужно делать дальше? На каких новых фундаментальных научных есенинских программах и изданиях следует сосредоточить внимание современного есениноведения? И в первую очередь: как с наибольшей отдачей использовать в новых научных программах и капитальных трудах о поэте мощный исследовательский потенциал коллектива ученых, выпустивших академическое собрание и обладающих уникальным «банком данных» о поэте? В процессе работы в этом коллективе был накоплен богатейший и плодотворнейший опыт всестороннего изучения наследия поэта, его жизни, творчества – год за годом, месяц за месяцем, день за днем. Научный комментарий к томам – это тысячи конкретных фактов и источников текстологического, литературоведческого, биографического, исторического, библиографического характера. Так, лишь комментарий к тому писем поэта составляет более 30 авторских листов. Учитывая все это, еще в 1996–1997 годах мною как главным редактором и руководителем научной есенинской групп-

пы был разработан план дальнейших фундаментальных научных программ и исследований наследия Есенина на 1998–2005 годы. Это, в первую очередь, создание «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина», поначалу трехтомной, ставшей в процессе работы четырехтомной, объемом 150–160 авторских листов. Параллельно с этим пойдет накопление и систематизация материалов для «Библиографии Сергея Есенина» в 5 томах. Далее – два есенинских тома литературного наследства, «Есенинская энциклопедия» (по типу Лермонтовской), затем многотомное издание «Жизнь Сергея Есенина, рассказанная его современниками»; словарь языка Есенина и словарь рифм поэта. Кроме того, выпуск в 2-х томах (каждый объемом 40–45 авторских листов) критических материалов о поэте: очерков, статей, рецензий, заметок, отзывов и интервью, опубликованных при жизни и после смерти Есенина в периодической печати (журналы, альманахи, газеты и др.). И последнее – публикация с комментариями протоколов заседаний есенинской группы, текстологической комиссии и редколлегии академического собрания сочинений за 1989–2001 годы.

В 1998 году Ученый совет ИМЛИ им. А.М. Горького РАН рассмотрел и одобрил предложенный нами перспективный научно-исследовательский план работы есенинской группы по подготовке и выпуску фундаментальных трудов, посвященных поэту, определив при этом в качестве первоочередной задачи создание «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина».

Первый том «Летописи» (составители С.И. Субботин и М.В. Скороходов) был подготовлен и утвержден на Ученом совете ИМЛИ в декабре 2000 года. После этого рукопись тома (основной каркас и «приложение») стали готовить к печати. В 2002 году был получен издательский грант РГНФ РАН, в настоящее время подготовлен оригинал-макет тома. Первый том «Летописи», согласно плану финансирования по гранту, должен быть издан в декабре 2002 – январе 2003 г.

Второй том «Летописи» (1917–1920 гг.). Авторы-составители В.А. Дроздков и А.Н. Захаров. В 2001 году том утвержден на Ученом совете института. Планируется получение издательского гранта на 2003 год и издание тома в том же году.

Третий том «Летописи» (1921–1924 гг.). Авторы-составители А.Н. Захаров и Т.К. Савченко. В ноябре 2002 года том будет представлен на утверждение Ученым советом института. В случае благоприятных финансовых возможностей 3 том «Летописи» будет издан в первой половине 2004 года.

Четвертый том «Летописи» (1924–1925 гг.). Авторы-составители Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов и Ю.Б. Юшкин. В январе 2003 года том будет представлен на Ученый совет института. Он будет напечатан в конце 2004 – начале 2005 года. К 110-й годовщине со дня рождения поэта «Летопись жизни и творчества С.А. Есенина» при благоприятных финансовых возможностях, будет завершена.

Возникает вопрос: что позволило в такие сжатые сроки подготовить столь объемную, многотомную «Летопись» поэта? В прошлом даже «Летописи», выходившие вслед за академическим изданием писателя, готовились куда в более удлиненные по времени сроки. Так было с «Летописью» А.И. Герцена, так происходит в настоящее время с «Летописью» А.П. Чехова: пока сравнительно недавно вышел лишь ее содер жательный первый том.

Отметим по поводу сжатых сроков несколько моментов. Прежде всего – тщательную организационно-творческую подготовку создания будущей «Летописи» С.А. Есенина. Были изучены, проанализированы не только все важнейшие «Летописи», посвященные русским писателям и поэтам, учтены их «плюсы» и «минусы». Серьезным этапом подготовки явилось и проведение впервые в отечественном литературоведении научно-практической конференции «Какой должна быть “Летопись” поэта?», позволившей обсудить, прояснить и получить конкретные ответы на ряд принципиальных методических и методологических проблем, связанных с жанровыми особенностями «Летописи». После этого была разработана методическая инструкция, позволяющая унифицировать и сделать по существу, по форме и стилю «Летопись» единой. Опуская многие подробности, отметим лишь такие принципиально важные моменты. Впервые работа по созданию всех четырех томов велась одновременно и фронтально. По каждому тому были созданы самостоятельные научные кол-

лектиды, тесно связанные творчески и организационно между собой. Как и при подготовке академического Есенина, еженедельно по вторникам проходят заседания есенинской группы, всех авторов-составителей и членов редколлегии «Летописи».

Теперь о самом главном – о содержании «Летописи», ее историзме, объективности, полноте и новизне, прежде всего, документального материала – ее фундаментальной основы. Особо подчеркнем: в «Летописи» ни одно событие, ни один факт, связанный с жизнью и творчеством Есенина, его семьей, литературным окружением поэта и т.д., не исключается, не опускается и не купируется. Полнота и предельная объективность в подаче и изложении тех или иных фактов и событий – незыблемый, непоколебимый принцип всей «Летописи» от первой до последней ее страницы.

Стремлением к полноте «Летописи» было мотивировано моё предложение, как главного редактора, ввести в «Летопись» раздел «Приложение», где собраны важнейшие документы (биографические сведения о поэте, его родных и близких, его учителях, наставниках, издателях, а также краткие сведения об истории родного села поэта и Константиновском земском училище, Спас-Клепиковской школе, университете Шанявского, ранее неизвестные документы о военной службе Есенина в Федоровском городке и многие другие, ещё не публиковавшиеся материалы, о которых говорится в «Летописи» или которые в ней цитируются частично, выборочно), приводимые полностью в виде ксерокопий, фотокопий или машинописного воспроизведения их текста. Достаточно сказать, что «Приложение» первого тома «Летописи» содержит более двухсот таких материалов. Всего же в разделе «Приложения» предполагается поместить и напечатать около тысячи таких архивных документов, фотокопий автографов поэта и других материалов, дающих наиболее объективное представление о жизни, творчестве, судьбе поэта, его времени и эпохе.

Следует сказать, что такой тип «Приложения» в структуре летописи жизни и творчества писателя, поэта появится впервые. Таковы некоторые сведения о создаваемой ныне «Летописи» Есенина. Более подробный разговор о ее особенностях и новизне, полагаем, состоится после выхода первого тома, а в дальнейшем – по ее

1427317

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. ГОРЬКОГО

завершении, как это происходит в настоящее время с уже завершенным академическим собранием сочинений поэта.

От «Летописи» к полной «Библиографии Есенина»

Теперь, когда работа над всеми четырьмя томами «Летописи» решительно «перешагнула через экватор», вплотную и реально встал вопрос о подготовке в рамках есенинской группы ИМЛИ очередного, запланированного ранее, фундаментального научно-исследовательского проекта, связанного с дальнейшим изучением творчества поэта, его литературного наследия, а именно: «Полной пятитомной библиографии С.А. Есенина». В январе-июне 2002 года нами такой научный проект с учетом опыта ПСС Есенина и «Летописи» был разработан, а затем обсужден и одобрен есенинской группой. После этого принято решение: приступить к начальному подготовительному этапу работы над «Полной библиографией С.А. Есенина». Планируется в 2005 году выпустить первый том к 110-й годовщине рождения поэта, а вслед за ним – последующие тома.

Для того, чтобы иметь более конкретное представление о научном проекте, его параметрах и содержании, приводим его целиком, кроме отдельных частных деталей.

Проект

О композиционной структуре, составе, содержании пятитомной библиографии Сергея Есенина, организации работы над ее подготовкой и предполагаемых источниках финансирования

Первый том содержит полный свод библиографических данных об издании только на русском языке всех завершенных поэтических и прозаических произведений Есенина, его литературно-критических статей и выступлений, а также всех других напечатанных до настоящего времени автографов поэта (дарственных надписей, отдельных стихотворных строк, прозаических отрывков и набросков, деловых бумаг и др.), которые были напечатаны на родине Есенина и за рубежом. Все они даются в соответствующих разделах первого тома, в строго хронологической последовательности.

Второй том составляют библиографические сведения о публикации и издании произведений поэта, включая собрания сочине-

ний Есенина, в переводах на иностранные языки. Заметим, что Есенин – один из самых переводимых и читаемых поэтов XX века. В разные годы переводы его произведений печатались более чем на ста тридцати языках.

Третий том включает в себя полный свод библиографических сведений о литературе, посвященной жизни и творчеству Есенина (от фундаментальных научных исследований до информационных заметок) на русском языке, опубликованных на родине поэта и за рубежом (с первых рецензий и статей 1915 года до настоящего времени).

Четвертый том составляют библиографические сведения о литературе, посвященной Есенину, публикуемые в разные годы в разных странах на иностранных языках, а также в свое время на языках народов Советского Союза и современной России.

Пятый том включает библиографические сведения о Есенине в музыке, живописи, скульптуре, театре, кино, телевидении, радио, Интернете и других СМИ, а также библиографию о государственных и народных музеях поэта, увековечивании памяти Есенина на родине и за рубежом.

Каждый том состоит из *основного библиографического корпуса* и *«Приложения»* к нему. Помимо этого, содержится необходимый справочно-комментаторский материал, вступительная статья и указатели. В *«Приложении»*, в соответствии с содержанием тома, публикуются полностью документы, связанные с историей издания произведений Есенина, его собраний сочинений, включая академическое, особенно – с прижизненными книгами поэта. Найдут свое место в *«Приложении»* наиболее выразительные в художественном отношении обложки книг Есенина, выпущенные в разные годы на его родине и за рубежом, автографы поэта, иллюстрации художников к его произведениям, материалы, связанные с темой *«Есенин и искусство»* (в *«Приложении»* к пятому тому). В качестве примера сошлемся на такие два примечательных и поучительных документа, конкретно иллюстрирующих, как порой противоречиво и неоднозначно решался вопрос издания произведений Есенина, а именно: известное ныне Постановление идеологической комиссии ЦК КПСС об издании произведений Есенина и Первое Постановление Отделения языка и литературы Академии наук СССР об издании академического собрания сочинений Есенина и утверждение его редакции во главе с М.А. Шолоховым (1968 г.).

Объем каждого тома библиографии составит 35–40 авторских листов. Учитывая опыт работы над выпуском в предельно сжатые сро-

ки ПСС Есенина в 7 томах (9 книгах), а также над подготовкой четырехтомной «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина», предполагается работу над всеми пятью томами «Библиографии Есенина» начать и вести *одновременно и фронтально*, создав для этого, прежде всего из научных сотрудников есенинской группы ИМЛИ, самостоятельные авторские коллективы по каждому из томов отдельно, как это ранее осуществлялось при издании ПСС Есенина и осуществляется в настоящее время в работе над «Летописью».

Авторские коллективы, созданные для подготовки отдельных томов «Библиографии», будут взаимно связаны организационно и творчески, и в случае необходимости взаимозаменяемы и дополняемы один другим, как это было в период подготовки томов ПСС Есенина и «Летописи». При этом любой вопрос или любая проблема, касающиеся определенного тома, будут рассматриваться на заседании *всей* есенинской группы и редколлегии «Библиографии», после чего должно приниматься единое коллегиальное решение.

Следует сказать ещё об одном важном вопросе, позволяющем осуществить именно такой организационно-творческий процесс работы над подготовкой будущей «Библиографии» и сроках ее выполнения.

Имеется в виду что за двенадцать лет работы в научной есенинской группе ИМЛИ, в ходе подготовки и издания ПСС Есенина и развернувшейся в настоящее время работы над четырехтомной «Летописью» был создан огромный источникопедический потенциал, насчитывающий многие тысячи библиографических единиц данных об издании произведений Есенина на родине и за рубежом, об огромной разножанровой литературе, посвященной жизни и творчеству поэта на русском и иностранных языках. Этот уникальный материал – надежная научная база, главный научный источник выверенных точных библиографических данных.

Как и в процессе создания академического Есенина и «Летописи», предполагается в работе над пятитомной библиографией взять на вооружение, творчески и широко используя, *все* ныне известные библиографические издания, посвященные Есенину как на его родине, так и за рубежом, другие источники и материалы, связанные с данным разделом есениноведения.

Сказанное выше предполагает возможность реально начать в ходе завершения работы над «Летописью» организационно-творческую и методическую подготовку к созданию пятитомной библиографии таким

образом, чтобы к 110-й годовщине со дня рождения поэта выпустить в 2005 году первый том, а за ним в сжатые сроки – остальные тома.

Подготовка и реализация этого фундаментального научного проекта может быть решена при одном очень важном моменте, а именно: привлечении, помимо штатных научных сотрудников есенинской группы и других подразделений ИМЛИ, опытнейших библиографов (прежде всего в области есениноведения) из других научно-исследовательских организаций, библиотечных центров, государственных архивов и частных есенинских собраний, начиная с Российской государственной библиотеки («Ленинка»), Библиотеки иностранной литературы, Библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург), Рязанской областной библиотеки им. А.М. Горького, Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Константинове, МГУ, ГЛМ, РГАЛИ, ИРЛИ, РГПУ и др.

Наконец, о возможном *финансовом обеспечении работы* над пятитомной «Библиографией». Научно-исследовательская работа Есенинской группы ИМЛИ проводится в рамках бюджетных средств, выделяемых РАН институту. Частично подготовка и реализация исследовательского проекта «Пятитомная библиография Есенина» может проводиться за счет средств, выделяемых по гранту РГНФ, как в дальнейшем и сама публикация томов библиографии может осуществляться по издательскому гранту РГНФ. Частичное финансирование издательских расходов возможно за счет средств, выделяемых по Государственной программе финансирования изданий в области русской литературы по линии Роскомпечати.

Существует еще один возможный и реальный источник финансирования: имеется договоренность о частичном финансировании фундаментальных исследовательских работ, связанных с дальнейшим изучением наследия Есенина, и их издания с руководством администрации Рязанской области, при условии, что *часть тиража* будущих фундаментальных изданий о Есенине, включая пятитомную «Библиографию», будет поступать в распоряжение рязанцев, а Рязань обязуется предусмотреть выделение средств на издание трудов о Есенине в ежегодных бюджетах области.

Выше кратко говорилось о первом томе «Библиографии». Теперь более подробно и конкретно рассмотрим возможную композиционную структуру, состав и содержание основных разделов первого тома, сопутствующий им справочно-комментаторский материал, а также предполагаемый характер «Приложений» к данному тому.

Первый том в композиционно-структурном отношении может, как нам представляется, состоять из следующих разделов, каждый из которых строится по жанрово-хронологическому принципу.

Первый раздел включает все изданные к настоящему времени собрания сочинений поэта (включая академическое), выходящие на русском языке в России и за рубежом. Во всех случаях подробно расписывается содержание каждого тома. Собрания сопровождаются кратким комментарием, содержащим историю издания, характеристикой их отличительных особенностей, а также недостатков, важнейшими отзывами и высказываниями критики и др. В конце каждого издания собрания сочинений приводится полностью вся известная библиография статей, рецензии, критические отзывы о данном издании.

Второй раздел включает издания избранных произведений Есенина (однотомники, двухтомники и др.). Каждое издание сопровождается необходимым комментарием (по теме собрания сочинений) и всеми известными печатными откликами в связи с выходом данного издания.

Третий раздел включает все известные поэтические сборники Есенина, начиная с первого издания «Радуницы».

Расписывается состав каждого сборника, дается развернутая аннотация и свод рецензий и отзывов в печати.

Четвертый раздел включает издания отдельных поэтических произведений Есенина («Пугачев», «Песнь о великом походе», «Анна Снегина» и др.). Каждое издание сопровождается историко-литературным комментарием, наиболее характерными отзывами критики, библиографией, связанной с данным изданием.

Пятый раздел включает библиографические сведения о публикации поэтических подборок и циклов стихов Есенина в литературных журналах, сборниках, антологиях и других подобных изданиях (например, «Голос жизни», «Скифы» и др.), с указанием их состава, комментариями и библиографическими сведениями.

Шестой раздел включает *первые* публикации всех известных в настоящее время отдельных стихотворений Есенина, их повторные перепечатки при его жизни. Многочисленные перепечатки их после смерти поэта не учитываются.

Седьмой раздел включает все подарочные и миниатюрные издания поэтических произведений поэта.

Восьмой раздел включает библиографические сведения о всех прозаических художественных, публицистических и литературно-

критических произведениях Есенина. Каждое сопровождается необходимым комментарием, библиографией его издания и переиздания.

Девятый раздел включает все библиографические сведения о публикации эпистолярного наследия поэта.

Десятый раздел включает библиографические сведения о всех без исключения опубликованных отдельных автографах Есенина (дарственные надписи, наброски строк и строф, прозаические отрывки, деловые бумаги и др.).

Том открывается общей вступительной статьей: «О библиографии Сергея Есенина. Особенности. История. Современность».

В разделе «Приложения» приводятся, как уже сказано выше, важнейшие документальные материалы, связанные с изданием произведений Есенина, автографы поэта, фотографии, обложки изданий и художественные иллюстрации.

Том сопровождается указателем произведений Есенина и именным указателем, указателем изданий и печатных органов, где публиковался Есенин. Остается заметить, что при обсуждении Проекта в июле 2002 года на заседании Есенинской группы было решено, кто *конкретно* из ее состава будет отвечать за подготовку определенного, более близкого ему в научно-библиографическом плане раздела первого тома.

Автор проекта «Библиография Сергея Есенина»
Юрий Прокушев (январь–июнь 2002 г.)

Публикуя настоящий Проект, полагаем, что таким образом будет предоставлена возможность высказать свое мнение и пожелания всем тем, кто заинтересован в его осуществлении в короткие сроки на высоком научном уровне. При этом отметим, как один из важных моментов «Проекта», что осуществлять его будут прежде всего ученые-филологи, есениноведы, знающие *досконально* творчество поэта, его жизнь, судьбу. Каждый из них не только располагает самой полной библиографией Есенина, используемой им при создании академического собрания и «Летописи», но и способен глубоко и широко проанализировать, прокомментировать произведения поэта, начиная от издания его собрания сочинений и кончая публикацией отдельного стихотворения; каждый готов сопроводить его сжатой, емкой, выразительной и точной аннотацией, заметкой, а в случае необходимости – высококвали-

фицированной аналитической статьей и др. Само собой разумеется, что есенинская научная группа будет работать над изданием «Библиографии» в живом, творческом контакте и активной взаимопомощи с научными организациями и крупнейшими библиотеками, о которых говорилось выше. Убеждены, что такое взаимотворческое объединение библиографических усилий «с двух сторон», несомненно, даст ощутимый научный результат в процессе подготовки и издания «Полной библиографии С.А. Есенина».

О Есенинской комиссии ИМЛИ РАН (вместо заключения)

Создание новых фундаментальных трудов и исследований о Сергеев Есенине, его бесценном художественном наследии, а также опыт подготовки академического собрания и «Летописи» поэта выдвигает *насущную объективную потребность* организационно-творческого объединения усилий ученых, представляющих отечественное и зарубежное есениноведение.

Исходя из этого, Ученый совет нашего института сравнительно недавно принял принципиально важное решение о создании, по типу Пушкинской, Есенинской комиссии ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, призванной координировать и определять *основные стратегические направления* фундаментальных исследований, посвященных великому поэту России.

Следует отметить, что в научном мире нет места для излишней конкуренции. Поэтому, несмотря на то что в последние годы от «атмосферы языческого ханжества» в научных обсуждениях дистанцировался и оправдывался от своего прошлого, Есенин, тем не менее, оставил в своем наследии неизгладимые следы в истории русской культуры. И это второе значение, о котором говорилось выше, единой Православной Церкви, Божией Господиной и Святой Матроны Московской, а также и всем православным людям, недопустимо отрицать. А это, в свою очередь, означает, что в дальнейшем изучении творчества Есенина, как и в оценке его места в истории русской культуры, должны участвовать как православные, так и православные ученые, а также и представители других конфессий и религий. И это, в свою очередь, означает, что в дальнейшем изучении творчества Есенина, как и в оценке его места в истории русской культуры, должны участвовать как православные, так и православные ученые, а также и представители других конфессий и религий.

Художественно-философские основы поэтического мира С.А. Есенина: истоки, традиции, связи

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ЕСЕНИНА

А.Н. Захаров

Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва

За последние полвека имя Есенина очищено от множества легенд и полуправд, он признан *великим русским национальным поэтом мирового масштаба*. Однако еще одно качество есенинских произведений даже горячими поклонниками его поэзии называется очень редко и пока подробно не обосновано. Я имею в виду *философский* характер творчества Есенина. А без убедительного доказательства этого тезиса поклонники «сложных» поэтов не поверят в глубину и масштабность «простых, понятных всем стихов рязанского певца “страны березового ситца”», каковы они его считают до сих пор. Даже выход полного собрания сочинений Есенина, первого академического издания русского поэта XX века, пока не убедил их в сложности и многогранности его образного мира.

Ещё Дмитрий Веневитинов писал, что «истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами»¹. С.Л. Франк справедливо считал, что «между художником и мыслителем существует органическое духовное сродство, в силу которого все подлинные и великие представители каждой из этих двух форм творчества, не только как личности, в большей или меньшей степени сочетают в себе оба духовных начала, но и имеют в себе именно их внутреннее единство, ибо оба рода творчества истекают в конечном итоге из одного источника,

¹ Веневитинов Д. Сочинения. М., 1982. С. 138.

разветвлениями которого они являются»². Примерно то же самое, но более лаконично ученый сказал о Гете: «...В качестве поэта он есть мыслитель и в качестве мыслителя он – художник»³. Таким образом, каждый великий писатель совмещает в себе художника, философа и ученого.

В философии существуют два равноправных начала: *аналитическое и художественное*. «До Аристотеля философия основывалась большей частью на художественных образах и интуитивных озарениях. Но и интуитивное озарение является важнейшим элементом философского постижения мира»⁴. «Метод художественно-образного философствования породил мощное и разветвленное течение в мировой и отечественной культуре, ничуть не уступающее, а порою и превосходящее аристотелевскую традицию понятийно-аналитического мышления»⁵.

Так, «художественная философия Пушкина является продолжением той линии литературного жизненуздрия, с которой связаны имена Горация и Монтеня, Шекспира и Вольтера (в его «Философских повестях»), Вальтера Скотта и Гёте»⁶. При этом автор книги о Пушкине справедливо отмечает: «Это, собственно, не “философия” в том смысле, в каком это слово обыкновенно употребляется в настоящее время, а экзистенциальное “любомудрие”, т.е. философия в исконном значении этого слова»⁷.

Русская философия отличается от западноевропейской: «Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, сияющая радугой мыслей, облеченный в плоть и кровь живых образов художественного творчества. Всегда отзывающая к настоящему, преходящему, временному, русская художественная литература».

² Франк С.Л. Космическое чувство в поэзии Тютчева // Русская мысль. СПб., 1913. Ноябрь. С. 4–8.

³ Франк С.Л. О сущности художественного познания (Гносеология Гете) // Вопросы теории и психологии творчества. – Харьков, 1914. Т. 5. – С. 105–106.

⁴ Реалистическая философия... – СПб., 1999. – С. 24.

⁵ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 28–29.

⁶ Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. – СПб., 1998.

⁷ Там же.

ра в то же время всегда была сильна мыслью о вечном, непреходящем: почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумирающими и значительными проблемами человеческого духа; с проклятыми вопросами она почти никогда не расставалась. Но какой роскошью линий и красок, какой дивной прелестью образов и картин развертывалась эта работа в художественно-философских бессистемных системах русских писателей, в их, казалось бы, таких далеких от философии повестях, романах и стихотворениях. За последнее время многие стали понимать, что истинную русскую философию следует искать больше всего именно здесь. Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Салтыков, Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Успенский, Короленко, Чехов – все это подлинная наша философия, философия в красках и образах живого, дышащего слова»⁸.

Аналогичную точку зрения на русскую философию высказал и А.Ф. Лосев: «В связи с этой “живостью” русской философской мысли находится тот факт, что художественная литература является кладезем самобытной русской философии. В прозаических сочинениях Жуковского и Гоголя, в творениях Тютчева, Фета, Льва Толстого, Достоевского, Максима Горького часто разрабатываются основные философские проблемы, само собой в их специфически русской, исключительно практической, ориентированной на жизнь форме. И эти проблемы разрешаются здесь таким образом, что непредубежденный и сведущий судья назовет эти решения не просто “литературными” или “художественными”, но философскими и гениальными»⁹.

Наиболее прозорливые критики сразу увидели и в Есенине не только талантливого поэта, но и своеобразного мыслителя. Вот что писала о поэте З. Бухарова в мае 1916 года: «Мыслитель в нем только намечается, но намечается своеобразно, чутко, истинно, народно»¹⁰. А современный исследователь замечает, что «Есенин был только на одном уровне деревенским поэтом – на более глу-

⁸ Волжский А.С. Из мира литературных исследований. – СПб., 1906. – С. 300.

⁹ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991. – С. 214.

¹⁰ З.Б. [Зоя Бухарова]. Сергей Есенин. Радуница // Нива: Ежемесячные литературное и популярно-научное приложение к журналу «Нива» за 1916 г. Т. 2. Пг. № 5. Май. Стб. 148–150.

боком уровне он был всерусским, национально-космическим по-этом, где национальное и космически-мировое были тождественны <...> Поэтому деревенские образы Есенина имеют всемирно-русское значение: деревня как социально-бытовой космос может исчезнуть в постиндустриальную эпоху, но воздействие есенинской деревенской символики не может исчезнуть, ибо она непосредственно связана с реалиями изначальных уровней русской души»¹¹. О философском характере есенинского творчества писали Ю. Прокушев, В. Хазан, Ю. Мамлеев, А. Марченко, А. Захаров, О. Воронова, С. Семенова, Т. Савченко, Н. Гусева, Мишель Никё (Франция) и некоторые другие. Однако есенинская поэзия «вовсе не так легко доступна, как это подчас рисуется неискушенному читателю, введенному в заблуждение внешней простотой и безыскусной ясностью многих стихов поэта. Есенин по самому высокому счету философичен, экзистенциален, хотя философия эта чаще всего скрыта, она, как косточка в плоде, облечена плотью художественного образа, изнутри питая его жизненные силы. Поэт, какой бы он темы ни касался, стремился к построению целостного художественного универсума, превращению хаоса в космос»¹².

Произведения Есенина, как и каждого большого писателя, – это оригинальная художественная философия: образная онтология, гносеология, логика, этика и эстетика. Это художественная философия бытия, природы, родины («русская идея», русский космизм, «евразийство»), общества, человека, религии, истории, быта, литературы и искусства, слова и образа («Философический план, – по словам Есенина, – помогает нам <...> разобрать машину речи почти до мельчайших винтиков» – V, 194). Она разлита, растворена в его творчестве, выражена не понятийным, а образным языком. В этом трудность «извлечения», восприятия и понимания, но и прелесть самобытности, неповторимости, оригинальности его художественной философии.

Художественно-философское мышление поэта характеризует, с одной стороны, полифонизм, многогранность и многообразие точек зрения, концепций и принципов, мотивов и тем,

¹¹ Наш современник. 1990. № 10. С. 180.

¹² Хазан В.И. Проблемы поэтики С.А. Есенина. – М.-Грозный, 1988. – С. 168.

художественных приемов и средств, сложность мышления и противоречивость поведения самого поэта и персонажей его произведений, вплоть до борьбы противоположных начал: *антиномизм* вечного и преходящего, небесного и земного, духовного и материального, божественного и дьявольского, человеческого и звериного, общечеловеческого и классового (крестьянского или пролетарского), нового и старого, настоящего и будущего, ухода и возвращения, красоты и пользы, цветения и увядания, жизни и смерти... С другой стороны, поэт стремился к гармонии, к диалектическому единству противоположных начал: «Розу белую с черною жабой Я хотел на земле повенчать» (I, 185).

Всё творчество Есенина представляет собой единый художественно-философский мир, целостную художественно-филосовскую картину Вселенной – Космоса, Земли и Социума, об разную концепцию мироздания и человека в нем: «Всё во мне и я во всём» (Ф.И. Тютчев). Единство есенинского мира заключается в одушевленности всего сущего: у него природа очеловечивается, а человек «оприродивается». Поэтому важнейшим законом этого мира является всеобщий *метаморфизм*: не только люди, животные и растения – дети единой Матери-Природы (согласно понимаемой Есениным «узловой завязи природы с сущностью человека»), но и планеты, стихии и предметы являются их братьями и сестрами: «Знаю, мать-земля черница, Все мы тесная родня» (I, 98). В соответствии с народным мифопоэтическим мышлением Есенин устанавливает родство, единство живой и «неживой» природы, Земли и Вселенной, материального и духовного, реального и фантастического, стихий и стихов. И в то же время всё в есенинском мире взаимообратимо: природа очеловечена, а человек «оприродован» (человек-растение, цветок, дерево, зверь и т.п.): «перезвон узловой завязи природы с сущностью человека» (V, 202).

Однако в силу всеобщей одушевленности есенинского мира в нем сливаются не только пространство и время, но и движение, поэтому у Есенина хронотоп «живой»: пространство + время + движение – например, *дорога задумалась, убегает в даль, «ржет <...> в жуткое пространство»* (III, 7); *«сидит под ольхой <...> Натирает зеленые скулы, Чешет пуп человеческим шагом...»* (IV,

273) и т.д. В художественно-философском мире поэта действуют своеобразные социальные, политические, нравственные, психологические и другие «образные» законы, порядки, обычаи, особая, образная диалектика.

В мае 1921 года Есенин писал о том, что «наш Великоросс <...> переживал свои дни двояко, церковно и бытом» (VI, 125). Это «двоемирие» проявляется на всех уровнях творчества Есенина. Это сказывается и на двойственности его лирического героя, вплоть до раздвоения личности («Где-то в поле чистом, у межи, Оторвал я тень свою от тела» -- IV, 148), и на использовании, с одной стороны, жизнеподобных, а с другой – условно-метафорических средств.

По мысли Есенина, существует «гармония мироздания, где на законах световых скрещиваний построены все зримые и не видимые нами формы» (V, 209). Координаты этого мира: *горизонталь* – «Земная <...> гладь» (IV, 206), по которой «Бесконечная дорога Убегает лентой» (IV, 61) в «бесконечную даль» (IV, 26), в «зеленую («малиновую» – I, 22; «синюю» – I, 66) ширь» (I, 22), «в даль и шири» (I, 98), а также – из прошлого в будущее; а *вертикаль* уходит с земли в небо, «в простор синевы» (II, 209). При этом традиционные мифологические *три* сферы мира (небо, земля и подземное царство) у Есенина трансформируются в *двуединое* пространство: *этот мир*, состоящий из земли и неба, и *тот свет* (рай и ад), в котором рай есть на небе, но может быть и на земле, ад – не в подземном мире, а рассредоточен по всей земле (см. ниже). Создавая свой художественно-философский космос, Есенин использует «новую космологическую систему»: «Иной мир не в горных сферах – он пронизывает всё мироздание (мир божий), является прообразом зримого мира и управляет им в лице божества. Земля людей в новой космологической системе оказывается не просто срединной зоной космоса, но ареной борьбы “грешного”, телесного, и духовного миров, “града земного” и “града божия” за каждую человеческую душу»¹³.

В художественно-философском мире Есенина десятих годов изба (один из концептуальных сквозных образов поэта) по-

¹³ Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М., 1991. Т. 1. – С. 455.

степенно превращается в «избяной космос». По образу и подобию земной деревни, реального мира поэт создает и «мир иной»: «нездешняя страна» (II, 13), «небесная сторона», «царствие небес», «небесный рай», «небесный сад», куда с земли ведут «небесные лестницы». Объясняя сходство поэтического неба и земли, Есенин в «Ключах Марии» ссылается на слова Гермеса Трисмегиста: «...что вверху, то внизу, что внизу, то вверху. Звезды на небе и звезды на земле» (V, 197). Вот почему небо в художественно-философском мире поэта – «голубая трава», «голубая пыль», «голубой («небесный») песок», там растут деревья, пасутся «животные» (месяц, луна, солнце, звезды, облака, тучи и т.п.), а вода на земле – это небесная «синь, упавшая в реку», так как «воздух и земля по отношению друг к другу опрокинутость» (V, 199). Поскольку в поэзии Есенина десятых годов существует своеобразное сложное «двоемирие», то обе эти сферы взаимодействуют, влияют друг на друга: божественный мир приземляется, а земной обожествляется. Преображается вся земная есенинская Русь – поля, леса, деревни, избы... – всё мифологизируется: «Мы заставили жить и молиться вокруг себя все предметы» (V, 192).

Природа – божественный храм: ночные небеса – иконостас, звезды – «лампадки небесные», «хаты – в ризах образа», «поля как святыни, Рохи в венчиках иконных», деревья – монашки, ветки деревьев – четки, сумрак – ангел, ветер – схимник, «туман как ряса»... И разворачивается церковное действие природной литургии: «С голубизны незримой кущи Струятся звездные псалмы» (I, 44), степи звенят «молитвословным ковылем», «поют быстровины Про рай и весну», ели льют запах ладана, «у лесного аналоя Воробей псалтырь читает», «вербы четки уронили», «черная глухарка К всенощной зовет»... В «Ключах Марии» такое диалектическое единство двух миров – небесного и земного – объясняется мифом о «браке земли с небом», «о послании нас слить небо с землею» (V, 186), «печалью земли по браке с небом» (V, 179), когда «опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба» (V, 182).

В 20-е годы поэт очищает прежнее свое представление о «храме вселенной» от религиозно-мистических формулировок. Теперь в центре есенинского мира, в небесах, среди «летающих звезд» (I, 235), «озябшей луны» (I, 279) и «хладного солнца» (II, 109)

летит «Земля-корабль» (II, 123). Сквозные образы небесного пространства (солнца, луны, звезд, туч, облаков и т.п.) в мире Есенина 20-х годов нарисованы реалистическими, более скучными и точными, чем в 1914–1919 годы, но не менее яркими красками, характер которых менялся в зависимости от того или иного этапа творчества поэта, его мироощущения и настроения, от времени года и суток, от содержания, выражаемого этими художественными средствами.

Однако более важным для поэта в двадцатые годы был **пространственный образ земли**. И не случайно в 1924 году он сказал: «Довольно с нас Небесных всех светил, Нам на земле Устроить это проще» (II, 137), а в 1925 году примерно то же самое ему говорят его земляки: «На земле милее. Полно плавать в небо» (IV, 224). Всё в отчём крае становится предметом воспевания, вплоть до почвы: *пески, руда, соль, известка, пыль, зола, навоз...* Почти все перечисленные слова в стихотворениях и поэмах Есенина, создавая сквозные пространственные образы российской *шири*, *дали*, *глади*, составляют в совокупности художественное пространство есенинского земного мира. Пространственные образы у Есенина имеют важный художественно-философский смысл: «Если говорить <...> о есенинской поэзии в целом, то очевидно, что за ее образами и за ее символикой стоят такие реалии, как “безграничность”, “тоска”, “бесконечное пространство”, “обездоленность”, “тайна”, “сказочность бытия России”, “природа как сторона русской души”, “нежность”, “русская незавершенность, оставляющая пространство для тайны и для грядущего”, “грусть всего живого”...»

Все они вместе входят в макрокосм русской души и являются отблеском ее подлинной сущности. Даже предметы русского быта в есенинской поэзии, благодаря их связи со всей остальной русскойностью, становятся фактически внутренними символами и потому такими драгоценными. Здесь нет ничего незначительного, все бьет в самые древние тайники сознания.

Особый смысл во всех этих реалиях есенинской поэзии, несомненно, имеют *тоска* и *обездоленность*, *лишенность*, которые, как мы отмечали, носят не только социальный, но главным образом психологический, метафизический характер.

Эта, казалось бы, абсолютная *лишенность* и *тоска*, на самом деле, имеют глубокий позитивный смысл. Не останавлива-

ясь на том, что слишком глубоко уходит в духовную космогонию, можно сразу отметить, что именно эта *лишенность, обездоленность* вызывают настоящий взрыв любви к России (Столетие Сергея Есенина... С. 28.)

Художественное время, как и пространство, широко и своеобразно отражено и представлено в поэтическом мире Есенина: это различные словесные образы *мгновения и часа, утра и вечера, дня и ночи, месяца и года, весны и лета, осени и зимы, века, эры и вечности, начала и конца, «края», срока, поры, прошлого, настоящего и будущего, возраста: детства, юности, молодости, старости...* С одной стороны, поэт во всем своем творчестве создает целостную концепцию времени, а с другой – эта образная картина постоянно меняется, колеблется и распадается на ряд разнообразных словесных образов и поэтических деталей, из которых складывается художественное время в есенинской вселенной. Главные временные образы варьируются поэтом и производят с потоком времени разнообразные, но взаимосвязанные действия, складывающиеся в цельную художественную картину: льющийся «незримый дождь часов» питает «дни-ручьи», которые «бегут В туманную реку» времени (II, 136). Эта «река» несет свои «воды» в вечный мировой океан времени. И движение это неостановимо и необратимо: «Да! Не вернуть, что было. Все годы бегут в водоворем» (III, 171). Время течет, плывет, бежит, летит (как птица), безостановочно движется из прошлого в будущее и падает в «пропасть времен»: «Льется дней моих розовый купол» (I, 174). Этот «поток» видится поэту всесильным, всемогущим: «Я знаю – Время даже камень крошит» (II, 142).

Подробно анализируя есенинские произведения, а также точки зрения исследователей, приходишь к выводу, что, во-первых, это – «ускоряющееся» время. Во-вторых, так называемое «вечное возвращение времени на круги своя», «жизненный круговорот» происходит *не по кругу* (как считал поэт в 10-е годы: «закон движения – круг» (V, 203), а *по спирали*, с каждым новым оборотом поднимаясь на более высокую ступень. Ведь каждый новый день застает уже другое состояние любого человека и мира в целом: «Как тогда, я отважный и гордый, Только новью мой

брызжет шаг...» (I, 156); «А теперь даже нежное слово Горьким плодом срывается с уст» (I, 183). Да об этом, собственно, вся поэзия Есенина. В черновом автографе «Анны Снегиной» (РГАЛИ) Есенин вначале тоже напишет:

[Свершилось дви~~женье~~е]

[В змеиную мудрость кольца],

а затем исправит на «Рассыпалась звенья кольца» (III, 422), т.е. кольцо разорвано, круг превращается в спираль. Но и кольцо в художественно-философском мире Есенина было не одной круговой (или даже спиральной) линией, а состояло из звеньев, как замкнутая цепь («звенья кольца»). И далее: каждое разорванное звено (своеобразное маленькое кольцо) превращается в синусоиду (~), а спираль, следовательно, состоит не из сплошной спиральной линии, а из «цепи» синусоид (). Если же учесть, что спираль расширяющаяся, то каждое спиральное «кольцо» в своей нижней части опускается ниже предыдущего. Еще в «Ключах Марии» Есенин писал, что «гармония мироздания» построена «на законах световых скрещиваний» (V, 209), а по современным представлениям свет имеет двойкую природу – и прерывистую и непрерывную, и корпускулярную и волновую, т.е. это и отдельные частицы и электромагнитные волны (изображаемые в виде непрерывной синусоиды –). Таким образом, в 20-е годы Есенин в своем творчестве переходит от философии круговой цикличности жизни к художественной философии спиральной цикличности. Этому закону подчиняется всё в есенинском мире – и природа, и человек.

В художественно-философском мире Есенина образ человека предстает не только как «святой» или «грешный», но и как 1) человек-растение, 2) человек-животное: домашнее (добroe) или дикое (злое), 3) человек – «чаша космических обособленностей» (V, 195). Каждый из этих образов зарождается, развивается, на определенном этапе занимает господствующее положение в есенинском мире, переплетается с другими образами, являясь важнейшим средством для выражения чувств, мыслей и переживаний поэта, для разработки оригинальной художественно-философской концепции человека и создания образной картины мира. В произведениях 1914–1919 годов поэт наделяет человека различ-

ными свойствами природы, сравнивая или отождествляя его с представителями растительного и животного мира, царства не-живой природы, религиозной или языческой мифологии и устного народного поэтического творчества. После Февральской революции 1917 году в есенинском человеке (как и в поэтическом сознании Есенина) борются все эти начала, особенно растительное и животное, человек-растение (слабый и неподвижный, приросший к земле) и человек-зверь (сильный и мобильный).

Итог эволюции художественно-философской концепции человека в творчестве Есенина наиболее полно и глубоко выражен им в поэме «Цветы» (1924), которую сам Есенин называл «философской вещью» (VI, 195), в стихотворении «Цветы мне говорят – прощай...» (1925) и в некоторых других произведениях последних лет: «А люди разве не цветы? <...> Цветы людей и в солнь и в стыть Умеют ползать и ходить. <...> Цветы ходячие земли!» (IV, 206–207). Речь здесь идет о людях-цветах как идеале Есенина. Поэт делает вывод, что человек по своей природе, по своей природной сути и историческому предназначению должен быть прекрасным «цветком неповторимым». Но в реальной жизни цветы (и люди-цветы) бывают разные: «Я не люблю цветы с кустов, Не называю их цветами. <...> Я только тот люблю цветок, Который врос корнями в землю» (IV, 205). Следовательно, более симпатичным для поэта является человек-цветок, «который врос корнями в землю», т.е. связан со своей почвой, землей, родиной, а не оторван от них, не смотрит на мир с высоты «куста». Теперь поэт воспевает не цветы вообще, а «красные цветы», которые ведут борьбу с другими людьми-цветами, «цветами-палачами», «цветами с кустов». Но Есенин утверждает теперь образ человека-цветка не слабого и беззащитного (как это было в его поэзии сразу после Февральской революции), а сильных и мужественных людей-цветов: «Цветы ходячие земли! Они и стали сразят почище, Из стали пустят корабли, Из стали сделают жилища» (IV, 207), то есть возникает образ идеального человека, сочетающего в себе нежность, красоту и доброту «цветка неповторимого» и мужество, силу, отвагу и буйство космических стихий: это как бы синтез двух ипостасей прежнего есенинского человека – растительной и кос-

мической (человек – растение и человек – «чаша космических обособленностей»), человек – «космический» цветок. «Итак, от неосознанной “собачьей любви к природе” – к стройной и сознательной философии, ставящей необходимость “узловой завязи” сущности человека с миром природы как проблему очень острую и современную, – таков был путь, или, как принято говорить, эволюция Есенина»¹⁴.

Ю. Мамлеев подробно анализирует в своих работах «философию русской патриотической лирики». В частности, в одной из статей исследователь пишет: «Думаю, что в основе всей русской классической литературы лежит глубочайшая философия жизни, важнейшим аспектом которой является познание самой России и созерцание ее тайны. Для русской души один из самых кардинальных вопросов есть вопрос “Что такое Россия?”» Поэтому не только в литературе и искусстве, но и в русской философии Россия фактически стала важнейшей темой. <...> Думаю, что философия или метафизика России, лежащая в подтексте русской патриотической лирики, имеет фундаментальное и бесценное значение. <...> Однако ни у одного русского поэта, включая даже Блока, тема России не приобретала такого фатального и захватывающе-глубокого смысла, как в поэзии Есенина. <...> Присутствие такого <философского> уровня в русской литературе очевидно – Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой, Лермонтов, Тютчев, Блок, Есенин, Андрей Платонов, Михаил Булгаков, Хлебников, Андрей Белый, Маяковский (ранний), Цветаева.

Не все из них были «властителями умов», но по крайней мере каждый из них в своих произведениях сотворил глубинный духовный космос, многоплановый уникальный мир, в подтексте их творчества лежала «самобытная философия жизни»¹⁵.

В заключение коснемся есенинской философии быта, самой доступной пониманию каждого читателя житейской философии. Эту ипостась своей художественной философии Есенин выразил как в публицистических, так и в поэтических формулах.

Кто из его почитателей не помнит такие простые, понят-

¹⁴ Вопросы литературы. 1967. № 8. С. 100.

¹⁵ Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. Есенинский сб. Вып. III. – М., 1997. – С. 23, 25, 32.

ные всем афоризмы, составляющие целые стихотворения житейских заповедей о краткости земного пути человека («На земле живут лишь раз!» (I, 221): «Все пройдет, как с белых яблонь дым», потому что «Все мы, все мы в этом мире тленны...» (I, 163–164); и «душа проходит. Как молодость и как любовь» (IV, 185) и др.), о том, что «Жизнь – обман с чарующей тоскою <...> Жизнь – обман, но и она порою Украшает радостями ложь» (I, 239), что нам выпадают на свете «Радости и неудачи» (I, 273). Поэтому «Жить нужно легче, жить нужно проще, Все принимая, что есть на свете» (I, 290), «Чтобы вечно счастье улыбалось, Не смиряясь с горечью измен» (IV, 241). «Никогда над жизнью не грустите, У нее корявых много лап» (IV, 261). Поэт советует не доискиваться правды, не докапываться до истин, которые, как правило, бывают горькими: «Успокойся, смертный, и не требуй Правды той, что не нужна тебе» (I, 239). Тем более, «если тронуть страсти в человеке, То, конечно, правды не найдешь» (IV, 242).

Какие же житейские ценности, какие радости на земле Есенин считает самыми главными и что есть человеческое счастье? Это – каждодневная жизнь: любовь к жизни, к людям, к женщине, к природе, это простые земные удовольствия: «На земле, мне близкой и любимой, Эту жизнь за все благодарю» (I, 240); «И на этой на земле угрюмой Счастлив тем, что я дышал и жил. Счастлив тем, что целовал я женщин, Мял цветы, валялся на траве <...> Оттого и дороги мне люди, Что живут со мною на земле» (I, 201–202). «Пей и пой» (I, 222), «целуйся и гуляй» (I, 262), не забывай Бога (IV, 280–281)... Для того чтобы быть счастливым в этой сложной и краткой жизни, нужно очень немного: «Помирись лишь в сердце со врагом – И тебя блаженством ошафранит... Если ж хочешь мертвым поклоняться, То живых тем сном не отравляй» (I, 261–262).

Поэт говорит, что эти и некоторые другие простые заповеди вечны, они одинаковы для всех людей, для всех времен: «С теми же улыбками, радостью и муками, / Что певалось дедами, то поется внуками» (I, 218); «Все на этом свете из людей / Песнь любви поют и повторяют» (I, 269); «Мы с тобою любим в этом мире / Однаково со всеми, дорогая <...> Ах, любовь! Она ведь всем знакома, / Это чувство знают даже кошки ...» (IV, 226); «Эту

жизнь прожил я словно кстати, / Заодно с другими на земле... / И тебя любил я только кстати. / Заодно с другими на земле» (IV, 242–243); И потому, что я постиг / Всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо, — / Я говорю на каждый миг, / Что всё на свете повторимо» (I, 293).

Каждый читатель находит в творчестве Есенина «свою» философию...

Философские проблемы есенинского творчества интенсивно разрабатывают рязанцы¹⁶. Так, религиозную философию в художественном мире Есенина глубоко проанализировала О. Воронова в докторской диссертации «Творчество С.А. Есенина в контексте традиций русской духовной культуры» (М., 2000).

Дальнейшая разработка проблемы «Художественная философия Есенина» послужит еще одним доказательством мирового значения Есенина, подтвердит его нахождение в ряду таких поэтов, как Данте, Шекспир, Пушкин, Блок и т.п.

¹⁶ См.: Философия и поэзия: Материалы Всероссийской научной конференции. – Рязань, 1996.

¹⁶ См.: Философия и поэзия: Материалы Всероссийской научной конференции. – Рязань, 1996.

ЕСЕНИН КАК ПИСАТЕЛЬ-ПРИТЧЕПИСЕЦ

Н.И. Шубникова-Гусева

(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

Многие произведения Есенина похожи на притчи. Один из современников поэта писал, что в «Пугачеве» автор говорит «шарадами, загадками и притчами»¹, а другой, Г.В. Адамович, заметил, что творчество Есенина последних лет восходит к известной притче о возвращении блудного сына: «Вся тема потерянного рая, все загадочное сказание о “блудном сыне” за него, и самые патетические моменты мирового искусства ему родственны. <...> ...И нет ничего удивительного, что в ответ ему бесчисленные русские сознания откликнулись и откликаются. Особенно теперь, в наши дни. Люди, как никогда, жаждут хлеба – и, как никогда, умеют отличить хлеб от камня»².

Интерес Есенина к притче является важной и наименее изученной проблемой, связанной с широким кругом вопросов творчества и «крайней индивидуальности» поэта: мировоззрением, взглядами на поэзию, жанрово-стилистическими особенностями его произведений и др.

Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. Даля, который, как известно, был настольной книгой Есенина, слово притча определяется широко и имеет ряд противоположных значений. Такие слова и образы всегда привлекали внимание поэта, который определял основную черту своего творчества как «слагаемость» «противоположных явлений»³. Притча (притка) – нечаянный, нежданный случай, внезапная болезнь, беда, нелегкая сила и в то же время это замечательное мудрое слово.

¹ Русское зарубежье о Есенине: Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и comment. Н.И. Шубниковой-Гусевой – М., 1993. Т. 1. – С. 314.

² Там же. С. 96–97.

³ Есенин Сергей. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. – М., 1995–2001. Т. 5. С. 195, 198, 190. Далее ссылки даются по этому изданию в тексте с указанием тома и страниц.

Одновременно притча – это «нравоучение в примере, аполог, парабола, басня или простое изреченье»⁴.

В старину писателя, который пишет притчи, называли притчеписец. У Даля сказано: «притчеписец – писатель, – ница, кто пишет, сочиняет басни, притчи, баснописец». В современном русском литературном языке слово «притчеписец» отсутствует. Мы не найдем его даже в самом полном «Сводном словаре современной русской лексики» (В 2 т. М., 1991), куда входит более 170000 слов из 14 современных наиболее популярных словарей, которые отражают различные стороны языковой деятельности современного периода от 30-х до середины 80-х годов XX века. Более того, в «Толковом словаре» С.И. Ожегова (М., 1975) даже всем понятное слово «притча» определяется по сути дела как устаревшее, т.е. как «иносказательный рассказ с нравоучением» в старинной литературе, в частности библейская притча.

Однако значение слова «притчеписец» – тот, кто притчи пишет, этимологически ясно. В современном русском языке прочно закрепилось аналогичное словообразование «летописец» – тот, кто летописи пишет, или составитель летописей, человек, фиксирующий исторические факты и события. В отличие от летописца притчеписец не просто описывает людей и события, но прежде всего преследует нравоучительные, воспитательные цели.

Русский человек всегда ценил иносказание и мудрость притчи и слагал о ней пословицы и поговорки. В словаре В. Даля читаем: «Без притчи (притки) века не изживешь. На притчу (притку) ума не напасешься. Притча надо мной надругалася! Эта притча (есть притча) короче носа птичья (пословица). Красна речь с притчею. На случай и притча прикидывается. Сердцем притчи (или притки) не изломишь. Над кем притча не сбывалась! Против притчи не споришь. На притку и железо ломается» и др. Иносказание является неотъемлемой частью русских загадок, пословиц и сказок: «Сказка – ложь, да в ней намек – добрым молодцам урок».

Нетрудно заметить, что отношение русского народа к притче таково, что каждый хороший писатель, пишущий мудро и ста-

⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1955. (Репринт. изд. 1882 г.) Т. 4. – С. 452–453.

вящий перед собой воспитательные задачи, является «притчеписцем». На Рязанщине, родине поэта, народ особенно ценил мудрость притчи и называл притчей повествование о сверхъестественном событии мифологического толка, «волшебное слово», устраивающее беду⁵. Такое понимание притчи легло в основу эстетического идеала Есенина

В жизни поэт также нередко прибегал к иносказаниям и загадкам, если этого требовали обстоятельства. Письма поэта разных лет содержат немало фраз, которые требуют расшифровки. Таково письмо к Г.А. Панфилову от августа – начала (?) сентября 1912 года (VI, 16–17) или фраза из письма к А.А. Берзинь между 19 августа и 2 сентября 1924 года: «...я *on*"e"ть застрял на любовной ночи» (VI, 173) и др. Друзья Есенина вспоминали, что у него был «витиеватый, иносказательный» говор⁶.

Интерес Есенина к притче не случаен. Поэт с детства любил сказки, которые ему рассказывала бабушка и нянька, старуха-приживальщица, имел в своей библиотеке и прекрасно знал сборники сказок А.Н. Афанасьева. В 1915 году в Константинове Есенин собирал сказки. «У меня здесь очень много записано сказок и песен» (VI, 74), – писал поэт 20 августа 1915 года в письме к Д.В. Философову. Во время обучения в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе Есенин и Панфилов внимательно читали и делали пометы в тетради, заполненной рукой не установленного лица в 60-е годы XIX века, где были записаны стихи и библейские притчи (VII, кн. 2, 172–174). Библию поэт знал почти наизусть. В автобиографии 1924 года Есенин писал, что дедушка рассказывал ему «по субботам и воскресным дням» Библию и священную историю. В Константиновском земском училище поэт изучал священную историю и Евангелие. В Спас-Клепиковской школе обязательным предметом был закон Божий, по которому будущий поэт имел отличные оценки. Позже, объясняя

⁵ Запись Е.Л. Самоделовой в д. Инкино Касимовского района Рязанской области в 1992 г., см.: III, 608.

⁶ Орешин П.В. Моё знакомство с Сергеем Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и comment. А.а. Козловского. – М., 1986. Т. 1. – С. 266.

своему другу, поэту В.А. Рождественскому, истоки своих «символистских» увлечений, Есенин говорил: «Я этот символизм еще в школе постиг. И знаешь откуда? Из Библии. И какая прекрасная книжища, если ее глазами поэта прочесть! Было мне лет двенадцать – и я все думал: вот бы стать пророком и говорить такие слова, чтобы было и страшно, и непонятно, и за душу брало. Я из Исаи целые страницы наизусть знал. Вот откуда мой символизм»⁷.

Есенинская вера в живое всесильное слово шла от народной веры в волшебное слово, притчу и заговор, от деревенских бабушек «со знатьем» и знахарок, несущих людям добро, надежду на избавление и исцеление от различных напастей, бед и болезней. Вместе с тем слову Есенин отводит ту же роль, какую ему отводит Библия: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. <...> И Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины...» (Иоанн, 1, 1–5, 14).

В 1916 году Есенин проявляет особый интерес к народным притчам. В родном селе Константинове поэт записал и передал писателю А.М. Ремизову три притчи о Николе (Николины притчи), добром страннике и «милостнике», которого называют заместителем Бога на русской земле – «Николин умолот», «Свеча воровская» и «Каленые червонцы». В 1917 году Алексей Ремизов в Петрограде выпустил книгу «Николины притчи», куда вошли три притчи, которые передал ему поэт.

Никола (или Микола) почитался как защитник земледельцев от разных напастей, поборник бескорыстия и справедливости. Никола-угодник был любимым святым А. Ремизова и С. Есенина. Есенину он был знаком с раннего детства по духовным стихам. В автобиографии (20 июня 1924) поэт писал: «Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о Женихе, светлом госте из града неведомого» (VII, кн. 1, 14). В другой автобиографии, написанной И.Н. Розановым, есть такие слова: «...в детстве я рос, дыша атмосферой народной поэзии. Бабка, которая меня очень баловала,

⁷Рождественский В.С. // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и comment. А.А. Козловского. – М., 1986. Т. 1. – С. 266.

была очень набожна, собирала нищих и калек, которые распевали духовные стихи. Очень рано узнал я стих о Миколе. Потом я и сам захотел по-своему изобразить «Миколу» (VII, кн. 1, 344). Здесь Есенин имеет в виду маленькую поэму «Микола» (скорее всего, написана в 1915 г.), где ласковый угодник в лаптях, с котомкой на плечах и посохом в руке ходит по деревням и селам родного края, чтобы защитить «в черных бедах вытерзанный люд». В ранних стихах Есенина нередко слышатся звуки народных притч о Николе.

Образы, мотивы и темы библейских и народных притч можно встретить в произведениях Есенина разных лет. В ряде стихотворений 1916 года Есенин упоминает притчи:

Сон избы легко и ровно

Хлебным духом сеет притчи. (IV, 136)

Край мой! Любимая Русь и Мордва!

Притчею мглы ты, как прежде, жива (IV, 151).

В одном из вариантов есенинского стихотворения «Голубень» (1916) встречается строка: «Тянусь к теплу, вдыхаю притчу хлеба» (I, 320).

Образ «сельского дурачка», напоминающего юродивого, который совершают притчеобразные поступки и говорит не всегда понятными иносказаниями («Пей, — нукал он свою палку, — волк пришел, чуешь — пахнет?»; «Разве есть давеча? Когда никогда — нонче» или «Отгадай загадку <...> — За белой бересой живет тарарай»), появляется в повести Есенина «Яр» (1916) (V, 81–82).

Свой интерес к мудрому многозначному слову, которое составляет основу русской мифологии, Есенин обосновал в статьях «Ключи Марии» (1918), «Быт и искусство» (1920) и не отправленном письме Иванову-Разумнику. Здесь поэт изложил свою «теорию поэтических напечатлений», обратив внимание на «многорукое и многоглазое хозяйство искусства», на слияние в одном образе разных «прозрений» (V, 190), поэтику иносказания и «загадки языка» (V, 215; VI, 126) и другие особенности, которые, по его мнению, определяют искусство будущего.

В «Ключах Марии» поэт обращает внимание на то, что русский человек заставляет «живь и молиться вокруг себя почти все

предметы», наполняя их глубоким иносказательным смыслом. «Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца, цветы на постельном и тельном белье вместе с полотенцами носят не простой характер узорочья, это великая значная эпопея исходу мира и назначения человека. Конь как в греческой, египетской, римской, так и в русской мифологии есть знак устремления, но только один русский мужик догадался посадить его к себе на крышу, уподобляя свою хату под ним колеснице. <...> Цветы на постельном белье относятся к кругу восприятия красоты. Означают они царство сада или отдыха отдавшего день труду на плодах своих. Они являются как бы апофеозом как трудового дня, так и вообще жизненного смысла крестьянина» (V, 191–193).

В связи с пониманием искусства как волшебного слова, которое излечивает человека («Каждый стих мой душу зверя лечит»), Есенин уже в «Ключах Марии» говорит о его границах: «Луг художника только тот, где растут цветы целителя Пантелеймона» (V, 207), а в письме к Иванову-Разумнику формулирует свое понимание искусства как иносказания: «Не люблю я скифов, не умеющих владеть луком и загадками их языка. Когда они посыпали своим врагам птиц, мышей, лягушек и стрелы, Дарию нужен был целый синедрион толкователей. Искусство должно быть в некоторой степени тоже таким» (VI, 126).

Важной предпосылкой особого внимания к притче стало не только теоретическое обоснование поэтики иносказания, но и открытие нового героя «нежного хулигана», в котором можно усмотреть черты русского юродивого, который совершает притчебразные поступки и говорит на особом, отличном от общежицейского, языке притч и недомолвок. Яркая литературная метафора «юродского» поведения дана в программном стихотворении Есенина «Исповедь хулигана». В первых строках «самой великой исповеди» хулигана Есенин подчеркивает основные черты юродства, бытующие в русском сознании. Они вполне соответствуют созданной апостолом Павлом словесной формуле – «Мы буи Христа Ради...» (1, Кор. 4, 10), которая в духовной среде стала определением целого направления святости. Юродивых почитали в России за «Божиих людей», поэтому Есенин говорит прежде всего об

избранничестве своей миссии и рассматривает ее в контексте мифологии жертвы:

Не каждый умеет петь,
Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам. (II, 85)

В свете этой трактовки юродского пути становится понятным сознательное использование личины хулигана во имя нравственного совершенствования человека при всем осознании трудности и тернистости выбранного им пути:

Я нарочно иду нечесаным
С головой как керосиновая лампа, на плечах.
Ваших душ бэзлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда каменья браны
Летят в меня, как град рыгающей грозы.
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь. (II, 85)

Стремление углубить многозначность слова, использовать язык иносказания особенно ярко проявилось в стихах и поэмах Есенина 20-х годов. Заключительные строки лирических стихов этих лет нередко представляют собой афоризм, подобный нравоучению, которое обычно завершает басню, то есть напоминает своего рода притчу, утверждение собственной нравственной позиции.

Будь же ты вовек благословленно,
Что пришло процвесть и умереть.

«Не жалею, не зову, не плачу ...» (1921)

Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

«Мне грустно на тебя смотреть...» (1923).

Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

«Ты меня не любишь, не жалеешь...» (1925) и мн. др.

Эта особенность зрелой лирики Есенина, необычное соединение «половодья чувств» с мудростью убеленного сединами старца придает стихам поэта исключительно своеобразный характер.

Многие афористические строки Есенина органично вошли в нашу жизнь и стали крылатыми словами. Б.В. Стырикович, который собирает крылатые слова Есенина, обнаружил в периодической печати с 1970 по 1995 год более 70 строк, неоднократно используемых для усиления меткости и выразительности речи. Особенно часто встречаются: «Братья наши меньшие», парафраз из Евангелия (Мф. 25, 40); а также: «Лицом к лицу // Лица не увидать. // Большое видится на расстояньи...», «Страна березового ситца», «Все пройдет, как с белых яблонь дым», «Все мы, все мы в этом мире тленны», «Ты жива еще, моя старушка?», «Я сердцем никогда не лгу» и др.⁸

В стихах 20-х годов Есенин также использует мотивы легенд и притч. Так, в стихотворении «Быть поэтом – это значит то же...» поэт переосмыслил поразившее его старинное предание, притчу, которую рассказал ему народный певец и поэт Иетим Гурджи: «Царь Давид хвастался, что его песни больше всего нравятся Богу. А Бог посмотрел сверху, покачал головой и говорит: “Ишь ты, как расхвастался!.. Каждая лягушка в болоте поет не хуже тебя! Посмотри, как она от всей души старается, хочет мне угодить!” И тогда царю Давиду стало стыдно⁹. Глубокий смысл этой легенды, который состоит в том, что высшей ценностью искусства является творческая индивидуальность и неповторимость песенного голоса, выражен в есенинских стихах:

Канарайка с голоса чужого –
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка. (I, 267)

На всем протяжении своего творческого пути Есенин не только использует отдельные образы и мотивы притчи, но и сам сочиняет притчи. Не случайно в «Песне о великом походе» (1924) сказитель,

⁸ Стырикович Б. Крылатые есенинские строки // «Над Невой твоей...»: Юбилейный сборник к 100-летию С.А. Есенина / Сост. Ю.В. Васильев, Ю.В. Слоневский. – Спб., 1996. – С. 37–41.

⁹ Вержбицкий Н.К. Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и comment. А.А. Козловского. – М., 1986. Т. 1. – С. 225.

от имени которого выступает автор, говорит: «Был мастак слагать / Эти притчины, // Не боясь ничьей / Зуботычины» (III, 116–117).

Одно из лучших ранних стихотворений Есенина «Матушка в купальнице по лесу ходила...» (1912, по авторской датировке написано одновременно с несохранившейся драмой в стихах «Пророк») представляет собой развернутое иносказание и по жанру восходит к притче. Здесь Есенин символически связывает свое появление на свет с Аграфеной-купальницей – кануном Ивана Купалы, который приходится на 23 июня, и тем самым раскрывает истоки живой «целительной» силы своего поэтического слова.

Матушка в купальнице по лесу ходила,
Босая с подтыками по росе бродила.

Травы ворожбины ноги ей кололи,
Плакала родимая в купырях от боли.

Не дознамо печени судорога схватила,
Охнула кормилица, тут и породила. (I, 29)

По народным поверьям, роса, выпадающая в купальскую ночь, обладает живительными и целебными свойствами и сообщает их полевым цветам и травам, которые получают колдовскую силу. Именно в этот день героиня программного стихотворения поэта – матушка – идет в лес собирать «ворожбины» травы. И не случайно здесь рождается ребенок, которому «суетемень колдовная» пророчит счастье. Слова: «Родился я с песнями в травном одеяле» также обращены к обрядовой атмосфере купальского праздника с песнями, плясками, шутовством и играми.

Любопытно также, что название праздника Аграфена-купальница само по себе символичное и многозначное, перекликается с именем бабки поэта – Аграфены (Агриппины) Панкратьевны, в доме которой первые годы своей жизни рос Есенин. Поэтому автор называет себя «внуком купальской ночи» (I, 29), а древний купальский обряд использует для развертывания поэтического подтекста о неразрывной связи с дедовскими легендами и деревенскими мифами и рождении поэта, которому родная земля дает свои чудодейственные силы.

Н.М. Солнцева справедливо относит к притчам несколько произведений Есенина 1916–1917 годов об Иисусе младенце: «прит-

чу “Иисус младенец”» (1916) о том, как аист принес Иисуса младенца и Он качался на елочке в аистовом гнезде, где его и нашла Пречистая Мати; притчу «То не тучи бродят за овином...» о том, как Божья Матерь замесила Сыну колоб-месяц; притчу «Не от холода рябинушка дрожит...» (1917) – о том, как отрок Иисус учится уму-разуму у утиц и рыбешек¹⁰.

«Песнь о хлебе» (1921), где звучат не только социальные мотивы противостояния города и деревни, жестоко подавляемых крестьянских восстаний и гибели природных, естественных основ народной жизни, но и вечные трагедийные темы ее суворой жестокости, является притчей. Смысл этой притчи в том, что злоба и жестокость способны породить только ответное зло и страдания. Напомним несколько строк из этого стихотворения:

Вот она, суворая жестокость,
Где весь смысл страдания людей.
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.

Никому и в голову не встанет,
Что солома – это тоже плоть.
Людоедке-мельнице зубами
В рот суют те кости обмолоть.

И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груды вкусных яств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.

И свистит по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.

Без обращения к притче как многозначному народному термину и идущему от Библии и широко представленному в мировой литературе нравоучительному жанру, невозможно в полной мере оценить новаторство шести больших поэм Есенина: «Пуга-

¹⁰ Солнцева Н.М. Сергей Есенин: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М., 1997. – С. 22–23.

чев», «Страна Негодяев», «Песнь о великом походе», «Поэма о 36», «Анна Онегина» и «Черный человек». Системный комплексный анализ этих произведений с привлечением рукописных источников позволяет сделать вывод, что каждая из больших поэм является не только драмой, но и своего рода притчей – поэт действительно был мастак слагать «эти притчины».

В больших поэмах притча является одним из важных жанрообразующих принципов. Каждая поэма уже на уровне сюжета, не говоря об отдельных образах, содержит иносказание и нравоучение, как отличительные свойства притчи. В каждой за внешним сюжетом искусно и тонко спрятан второй и третий сюжет, которые как бы противоречат друг другу, но в конечном счете выявляют национальную идею и философский общечеловеческий смысл повествования.

Богатство подтекста в каждой поэме определяют рассеянные в тексте намеки и реминисценции, обычно намеренные, настроенные на полемику с определенной традицией или автором. Таков шекспировский подтекст в «Стране Негодяев», где все говорят о Гамлете и золотых королях. Сквозной романсовый лейтмотив-намек о девушке в белом и несостоявшейся любви, ориентированный на блоковскую традицию, определяет подтекст «Анны Снегиной». Притчевый характер «Песни о великом походе» вытекает из сходства и различия двух сказов о Петре I и кожаных куртках Питерграда. В черновых вариантах поэмы имеются строчки, в которых автор прямо указывал на сознательно используемый им прием: «Первый сказ к тому, // Чтоб был урок уму...» (III, 374). В «Поэме о 36» есть обращения к ссылочным политкаторжанам, которые содержат предостережения о гибели. Раскрыть это обстоятельство помогает этимология первоначального заглавия «Двадцать шесть. Баллада» (двадцать шесть на языке ссылочных означало предостережение об опасности). Поэма «Черный человек» восходит к притче о художнике и черте.

Характерным элементом композиции каждой поэмы, который роднит ее с притчей, является пролог с безымянным персонажем (разговор Пугачева со сторожем в «Пугачеве» и поэта с возницей в «Анне Снегиной», сцена смены караула в «Стране Негодяев», обращение сказителя к слушателям в «Песне о вели-

ком походе» и очевидца событий к читателю в «Поэме о 36» и поэта к другу в «Черном человеке»), в которых объясняются, мотивируются или предвосхищаются дальнейшие события; зеркальная или кольцевая композиция усиливает иносказательный смысл¹¹.

«Пугачев» – первая поэма, в которой Есенин систематически использовал библейские притчи, обогатив многозначным подтекстом жанр драматической поэмы. На библейский подтекст указывает одна из творческих помет на обороте 35-го листа чернового автографа «Пугачева» (конец 4-й главы): «Приидите ко мне все озлобленные и я успокою вас», подсказан самим автором. Эта запись восходит к библейскому источнику – словам Христа: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. XI, 28) и соотносится с первым и вторым вариантом строк из монолога Пугачева (4-я глава, строки 402–404):

I Приидите ко мне, кто хоть чем-нибудь недоволен,
II И каждый из тех, кто хоть чем-нибудь недоволен. (III, 254)

Затем поэт отказался от этих слов. И все же сама запись и приведенные варианты слов Пугачева, которому Есенин вложил слова Христа, очень любопытны. Они говорят о том, что текст Библии был в поле зрения Есенина и одновременно являются своеобразным ключом к подтексту «Пугачева». Напомним, что в «Ко-быльях кораблях» (сент. 1919) Есенин перефразировал ту же библейскую цитату в строках:

Звери, звери, приидите ко мне
В чашки рук моих злобу выплакать! (II, 79).

Любопытно, что и А.С. Пушкин в материалах к «Истории Пугачевского бунта», которые внимательно изучал Есенин, работая над «Пугачевым», привел манифест 29 ноября 1773 года с библейской символикой, но с актуальным современным звучанием – с мольбой к Богу обратить свой праведный гнев на «хищного волка» Емельяна Пугачева, разворачивающего «овец паства господней»¹².

¹¹ Подробнее см.: Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Чёрного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. – М., 2001. – 688 с.

¹² Самоделова Е.А. Символика животного мира в «Пугачёве» С.А. Есенина // Revue des Etudes Slaves. Paris: LXVII / I, 1995. – Р. 38.

Но у Пушкина эти образные переклички являются неотъемлемой приметой пугачевской эпохи, а для Есенина – евангельский подтекст – это еще и художественная черта, сообщающая поэме многозначный смысл и превращающая ее в поэму-притчу.

Мотив странничества, который возникает в первой главе «Пугачева», идет от христианского чувства человеческого бытия: люди – только «странники и пришельцы на земле» (Евр. 11, 13). Пугачев у Есенина – странник, то есть Божий человек. Вопрос, который задает ему сторож: «Кто ты, странник? Что бродишь долом? // Что тревожишь ты ночи гладь? // Отчего словно яблоко тяжелое виснет с шеи твоя голова?» – соотносится с мотивом странничества, который характерен для ранней лирики поэта.

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник. (I, 253)

Перечитаем «Пугачева» и обратим внимание на значение имени Петр, которое расшифровывается в Библии как «камень». Называя себя новым именем мертвого императора, Пугачев нарушает вековую христианскую традицию. По этой причине он называет свое новое имя не чужим, а мертвым и «чуждым» и это его определение получает глубокий смысл. Конечно, важно, что имя, взятое Емельяном, – чужое. Более того, это имя еще и «мертвое», «то же, что гроб смердящий» (III, 28). Причем в прямом и переносном смысле. Это имя мертвого Петра III, ставшее именем «тени императора». Но главное, что оно чуждо Емельяну, так как он казак, крестьянин, хлебопашец. Природой ему предназначено выраживать хлеб (ржь), а не бросать камни. Недаром Пугачев сравнивает казаков с рожью, ведь по народным понятиям Хлеб – дар Божий, отец и кормилец:

Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь. (III, 22)

Обращаясь к теме самозванства как истинно русскому явлению¹³, Есенин определяет евангельское значение имени Петр –

¹³ См.: Воронова О.Е. Духовный путь Есенина. – Рязань, 1997. – С. 133.

камень, которое связано с «твёрдыней веры» и благодаря оппозиции Емельян – Петр, дает ему дополнительный смысл – хлеб – камень, который является зеркальным отражением евангельской притчи о том, как «камни сии сделались хлебами» (Мф. 4, 3). Мотивы хлеба и камня особенно занимали Есенина. На полях седьмой главы поэт сделал несколько рисунков. Один из них – колосья ржи с головами людей – сделан на 49-м листе рукописи против монолога Бурнова, где, в частности, есть слова:

Я сейчас чувством жизни, как никогда болен.

Мне хотелось бы, как мальчишке,

Купаться в золоте трав.

Зачем же мне в душу ты ропотом слезным

Бросаешь, как в стекла часовни, камнем? (III, 40–41).

Таким же зеркальным отражением является не так явно выраженная в тексте оппозиция овцы-волка. Впервые она появляется в словах Кирпичникова, обращенных к казакам перед расправой над Траубенбергом и Тамбовцевым: «Не будьте ж трусливы, как овцы...» (III, 13) и соотносится со словами Хлопуши «Завтра ж ночью я выбегу волком // Человеческое мясо грызть» (III, 32) и его же обращением к казакам: «Вы бесстрашны, как хищные звери» (III, 33). Черновик поэмы показывает, что эта библейская аллюзия была постоянно в поле зрения поэта.

Сравнение казаков с овцами встречается трижды в строках, не вошедших в окончательный текст. Во второй главе после 137-й строки зачеркнут кусок с обращением голоса из толпы («Третий голос») к казакам, где варьируются строки: «Что ж медлить и блеять, как овцы?» и «Что ж жаться и блеять, как овцы?» (III, 216). Отрицательное сравнение казаков с овцами встречается также в одном из вариантов 784-й строки из монолога Творогова (седьмая глава), правда, всего один раз на 31 вариант: «Вы глупей и трусливей, чем овцы...» (III, 307), в окончательном тексте «Вы глупее, чем лошади!» (III, 43). В монологе Хлопуши из пятой главы после 500-й строки зачеркнут следующий текст (цит. третий и четвертый слой):

III Но только иногда ведь и так случается,

Вдруг овца словно волк оклыкастится.

VI Но только иногда ведь и так случается,
Вдруг овца оклыкастится. (III, 265–266)

Есенин многократно обыгрывает значение имени Петр, начиная с первой, действительно судьбоносной для Пугачева реплики сторожа, который позже подаст ему мысль назвать себя именем мертвого Петра:

Уже мятеж вздымает паруса!
Нам нужен тот, кто б первый бросил камень. (III, 11).

Не случайно эта реплика так поражает Пугачева: «Что ты сказал, стариk?» Затем в словах самого Петра:

Что ей Петр? – Злой и дикой ораве? –
Только камень желанного случая. (III, 26)

Далее обыгрывается в монологах других лиц:

И в карманах зазвякает серебро, а не камни. (III, 31)
И никто ей не бросит даже камня (3,32) и др.

Авторское отношение к Пугачеву, как к гениальной противоречивой фигуре, раскрывает также обратная оппозиция: камни – хлеба. Крестьянский предводитель явно наделен чертами Христа, который призывает к себе чернь – всех страждущих и обремененных. Трагическое для Емельяна заключается в том, что хлеба становятся камнями, то есть он действует противоположно своему природному предназначению и христианским заповедям: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы» (Мф. 7, 20); «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит» (Мф. 16, 240) – сказано в Евангелии. А вот что говорит Емельян, прежде чем объявить себя императором Петром:

Каждый платит за лепту лептою,
Месть щенками кровавыми щенится. (III, 26)

И эти иносказательные слова невольно соотносятся не только с притеснениями дворян, но приобретают общезначимый универсальный смысл. Любое зло вернется злом, каким судом лже-Петр будет судить притеснителей, таким и сам судим будет. Да еще душе своей повредит. Поэтому душа, которая ворочалась в груди Пугачева, словно в берлоге, «зверенышем теплым», со време-

менем становится холодной. Один из героев поэмы, Чумаков говорит, обращаясь к Бурнову:

Что жалеть тебе смрадную холодную душу, —
Околевшего медвежонка в тесной берлоге? (III, 41).

Душа становится мертвой. В системе поэтических средств поэмы это оксюморон, соединяющий несовместимые значения: душа — это жизнь, а жизнь не может быть мертвой. В контексте поэзии Есенина — это самый страшный приговор.

Кроме того, важное значение имеет соотнесенность концептуального образа «Пугачева»-душа — с текстом Евангелия от Матфея. Здесь дают себя знать не только образные аналогии, но и прямые переклички. Иисус спорит с Петром (камнем) о душе (жизни). Оба эти образа у Есенина также соотнесены в уже цитированных словах Пугачева:

Зачем ты мне в душу
Бросаешь как в стекла часовни камнем? (III, 41)

и в словах каторжника Хлопуши :

Тяжелее, чем камни, я нес мою душу. (III, 30)

Мотив души — жизни, который является сквозным не только в поэмах, но и в лирике Есенина, в «Пугачеве» выражен предельно трагично.

Наиболее детально разработан в поэме сюжет о предательстве Христа Иудой за тридцать серебряников. В начале поэмы «Пугачев» упоминается имя библейского земледельца Каина, первого человеческого сына, убившего родного брата-пастуха Авеля из зависти за то, что Бог презрел его пастушескую жертву и отверг дар из плодов земли (Быт., 4, 1–17). Имя Иуды также упоминается, но только в черновых вариантах. Одна из реплик казаков, обвиняющих «белого коршуна» — казака Тамбовцева в измене: «Смерть! Смерть Иуде!» (III, 226).

Предательство казаков подготавливается всем содержанием поэмы: упоминанием имени первого убийцы Каина, образами осени-старухи, осени-монаха, страшными предзнаменованиями и пророчествами. Узлом трагедии, предвещающим ее конец, является изречение о сложности перестройки человеческой приро-

ды, которая вросла «ногами крови в избы», имеющее нравоучительный характер.

Человек в этом мире не бревенчатый дом.

Не всегда перестроишь наново... (III, 28).

Перекличка с 30 серебрянниками, за которые Иуда предал Иисуса, звучит в поэме особенно настойчиво: «И в карманах зазвякает серебро, а не камни (III, 31)»; «Их немало, немало, за червонцев горсть, // Готовых пронзить его сердце» (III, 32), «Это осень вытряхивает из мешка // Чеканенные сентябрем червонцы» (III, 49).

Остается еще один вопрос, который касается плана всего произведения и количества его героев. Есенин не случайно во время работы над поэмой прикидывал число действующих лиц: «Около пятнадцати мужских (не считая толпы) и ни одной женской. Не знаю, бывали ли когда такие трагедии»

Итак, почему Есенин так внимательно отнесся к количеству действующих лиц? В черновом варианте двадцать два героя. Шестерых – Мясникова, Кочурова, Плотникова, Закладного, Коновалова, Федулова – Есенин в процессе работы отбрасывает. Согласно библейской притче, должно быть двенадцать сподвижников, предавших Пугачева На самом деле так оно и есть. Вражеский стан представлен Траубенбергом и Тамбовцевым, которые появляются во второй главе. Четырнадцать из шестнадцати – бунтовщики из стана Пугачева, сам Пугачев и сторож Яицкого городка, подавший Пугачеву мысль называться Петром и возглавить восстание. Таким образом, у Пугачева оказывается действительно двенадцать сподвижников!

Значение предзнаменования получает в контексте поэмы и пение петуха, которое как бы обрамляет трагический сюжет. Оно звучит дважды в 1-й и 8-й главе. Сначала о пении петуха говорит сторож:

Уж на нашесте громко заиграл

В куриную гармонику петух. (III, 12).

В конце поэмы пение петуха повторяется, но это кукареканье выглядит как-то устало и болезненно («Где-то хрюплю и нехотя кукарекнет петух» (III, 50)) и тем самым подчеркивает семантический элемент кольцевой композиции поэмы, которая началась устало-

стью и болезнью, а закончилась предательством (болезнью души). В контексте «Пугачева» пение петуха явно соотносится с известным новозаветным эпизодом отречения от Иисуса Христа его ученика Петра, прежде чем петух возвестит зарю. В Евангелии от Матфея речь о пении петуха возникает дважды и является напоминанием об отречении от Иисуса. Первый раз Иисус говорит Петру: «Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф., 26, 34, см. также Мр. 14, 30; Лк. 22, 34; Иоан. 13, 38). И второй — «И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф. 26, 74–75). Не случайно и другое совпадение: в поэме «Пришествие», где изображаются воины, бичующие Христа, Симона Петра и предающего Иуды, также есть слова о пении петуха: «То третью песню // Пропел петух», имеющие тот же источник (II, 323).

Синтез притчи и драмы в «Пугачеве», поэме о героизме и предательстве, позволил максимально выявить ее внутреннюю полемичность. Обращение к жанру притчи в «Пугачеве» было вполне закономерно и обусловлено самой темой. В «Капитанской дочке» Пушкина Пугачев тоже говорит притчами. Заявляя Гриневу о своем желании продолжить крестьянскую войну, Пугачев задает ему вопрос: «Разве в старину Гришка не царствовал?» и приводит для разъяснения калмыцкую сказку-притчу: «Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвчиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь и сели. Ворон стал клевать да подхваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвчину»¹⁴.

¹⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : В 10 т. — М., 1949. Т. 5. — С. 507–508.

Есенин, как и Пушкин, рассчитывает на мифологическую память, существенно расширяющую контекст и многогранность всего произведения. Трехчастная (трехсоставная) структура образа, обоснованная поэтом в «Ключах Марии», распространяется на метафоры, которые поэт строит по подобию русских загадок и пословиц. Густая метафоричность речи героев и ее декламативно-ораторская интонация роднит «Пугачева» с русским эпосом, притчей, загадкой.

Нетрадиционность художественного решения «Пугачева» состоит в том, что историческая основа поэмы обращена к современности и переплетена с библейскими ветхозаветными и новозаветными сюжетами и притчами. Отголоски крестьянской войны начала 20-х годов действительно слышатся в трагедии, и слышатся очень явственно. В монологе Бурнова мы встречаемся с луной, которую «как керосиновую лампу в час вечерний, зажигает фонарщик из города Тамбова...». Да и в других монологах разгромленных повстанцев явственно слышен стон, который прокатился по Тамбовской губернии после того, как интернациональные отряды под командованием Тухачевского смели с лица земли несколько сотен деревень с их жителями, наводя «умиротворение» среди восставших крестьян.

В определенной мере поэт даже композицию «Пугачева» подчиняет законам притчи. Этим объясняется неполнота изображения исторических событий, отсутствие описательности, непосредственность выражения и проникновенность интонации действующих лиц, которые выступают не как характеры, а как субъекты этического выбора.

Поэма построена очень своеобразно. Первая из восьми глав является вводной к семи основным главам. Такое построение произведения имеет богатую традицию в литературе и драматургии и соотносится прежде всего с композицией «Бориса Годунова» и «Медного Всадника». Эти произведения, прежде всего петербургская повесть Пушкина, тоже открываются вступлением, которое разъясняет, мотивирует их содержание.

Вводная глава «Пугачева» напоминает также пролог, характерный для средневековой театральной мистерии. Обычно та-

кой пролог излагал лежащую в ее основе миф или притчу. Пролог, как вводная часть пьесы, которая содержит мотивировку содержания и эстетические декларации автора, встречается в драмах У. Шекспира «Генрих IV», И.-В. Гёте «Фауст».

Первая, вводная глава «Пугачева» построена на диалоге Емельяна со сторожем. Такого рода безымянные персонажи в поэмах Есенина чаще всего раскрывают их идеи и мысли.

Беседа Пугачева со сторожем пунктиром намечает развитие сюжета. Сторож очень точно определяет основной конфликт поэмы, который состоит в несогласии социальной и природной жизни: «С этой жизнью Яик // Раздружился с самых давних пор», говорит о причинах и неизбежности предстоящего народного мятежа: «Стонет Русь от цепких лапищ»; «Всех связали, всех вневолили, // С голоду хоть жри железо» (III, 9), а также его неизбежном поражении и теме самозванства:

И березами заплаканный наш тракт
Окружает, как туман от сырости,
Имя мертвого Петра. (III, 10)

Тревожное противоречие выражено уже в первых, совершенно потрясающих словах самого Пугачева, которыми Есенин начинает поэму о его великом походе. Ведь поход еще не начат и даже не задуман, а его будущий вождь вздыхает об усталости и болезни:

Ох, как устал и как болит нога...
Ржет дорога в жуткое пространство.

Две строки, две фразы, которые соединяют несоединимое, на самом деле содержат зерно будущей трагедии: и неразрывную связь человека с природой и мирозданием, и связь времен – прошлого, настоящего и будущего. В черновых вариантах ощущение болезни и усталости выражено еще сильнее. Поэт зачеркивает наброски реплики Пугачева о своем коне, павшем в дороге:

Недаром сдох мой загнанный рысак,
Мой бедный конь. (III, 208)

Есенинский Пугачев с самого начала понимает трагическую обреченность своего замысла, и сторож по сути лишь озвучивает многие его мысли. В этом плане показателен монолог сто-

рожа, похожий на притчу, где иносказательно говорится о психологии мужиков, которая приведет их в конечном итоге не только к поражению, но и к предательству:

Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая ноги трав?
Оттого, что стоит трава на корячках,
Под себя кореня подобрав.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,
Потому что не может она, как птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Бросли ногами крови в избы,
Что нам первый ряд подкошенной травы?
Только лишь до нас не добрались бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы. (III, 10).

Сторож окончательно убеждает Пугачева в обоснованности плохих предчувствий и одновременно – в его долгे возглавить мятеж, хотя Пугачев явно предвидит поражение и свою гибель. И все же он сознательно идет на жертву, подобно Христу призывая людей «в чашки рук» его злобу выплакать. Это лишний раз подтверждается зачеркнутыми в черновике и не вошедшиими в текст репликами Пугачева. В одном из вариантов – «Старик, ты просказал мне то, что уж давно...» (III, 208); «Ты не поймешь, старик» (III, 209).

Особенно трагично выражен конфликт и дисгармония социального и природного, которые противоречат основному закону земной жизни: человек является частью природы и если она не принимает его действий – это тревожный сигнал. Социальное должно быть разумно и справедливо, поэтому казаки так часто взывают к разуму: Пугачев: «Долгие, долгие тяжкие года // Я учил в себе разуму зверя...» (III, 22); Хлопуша: «Он хотел бы, чтоб гневные лица // Вместе с злобой умом налились» (III, 33); Творогов: «Вы глупее, чем лошади!» (III, 43); Пугачев: «Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...» (III, 49) и др. Сознание обреченности слепого стихийного бунта постоянно дает себя знать и предопределяет трагический конец драматической поэмы.

Высшей кульминации действие достигает в последних словах Пугачева. Здесь, как и в начале, ощущение трагедии соединяется с усталостью и сожалением о былой моцки. Но впервые вырываются наружу спрятанные до сих пор сокровенные мечты «Пугачева» о юности, которая «как майская ночь» «отзвенела <...> черемухой в степной провинции», и крестьянский вождь обращается к предавшим его казакам со словами всепрощения и любви:

Боже мой!
Неужели пришла пора?
Неужели под душой так же падаешь, как под
ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-ющие...

Использование библейского подтекста позволяет поэту наиболее многозначно представить авторскую точку зрения, создать широкое эпическое повествование с истинно шекспировской мольстью страстей и найти поэтику, наиболее соответствующую ее содержанию.

Однажды Есенин многозначительно сказал своему отцу: «...меня поймут только через сто лет». И действительно, внешняя простота поэзии Есенина является хитроумной, «авантюристической» (есенинское слово!) ловушкой, за которой прячется такое богатство различного рода ассоциаций и иносказаний, которое обеспечивает им «бездонность» содержания и таит множество неожиданных толкований. Умение говорить загадками и притчами помогло поэту избежать злободневности в отражении самых острых социальных вопросов, «надежней укрыться от горячих и темных голов литературной партийной критики» и найти выход к этическим первоосновам человеческого бытия.

ЛЕГЕНДА О ЕСЕНИНЕ-СТАРООБРЯДЦЕ И ЕЁ МЕСТНЫЕ КОРНИ

O.E. Воронова

(Рязанский государственный педагогический
университет им. С.А. Есенина, г. Рязань)

Проблема «Есенин и старообрядческая духовная культура» практически не исследовалась до сего времени, хотя многослойный духовный контекст есенинского творчества заключает в себе и мотивы, восходящие к староверческой традиции.

Как известно, Есенин настойчиво поддерживал версию о старообрядческих корнях своей семейной родословной, о чём свидетельствуют его современники. Например, о том, что во время совместных выступлений и встреч с представителями столичной литературной элиты Клюев и Есенин представлялись как старообрядцы, как пишет в своём дневнике переводчик Ф.Ф. Фидлер¹.

Старообрядцем Есенин рекомендовался своим знакомым и позднее. Так, в дневнике А. Блока от 4 января 1918 года содержится краткая запись примечательного разговора с Есениным, во время которого тот поведал собеседнику, что происходит «из богатой старообрядческой крестьянской семьи»².

Позднее, в 1921 году, Есенин рассказывал о своих старообрядческих истоках литературному критику И.Н. Розанову, который с его слов записал следующее: «В нашем kraю много сектантов и старообрядцев. Дед мой, замечательный человек, был старообрядским начётчиком»³.

Впоследствии, когда И.Н. Розанов в составе делегации Всероссийского союза поэтов уже после смерти Есенина смог побывать на его родине в селе Константинове (5–6 июня 1926 г.), ему представилась возможность уточнить эти сведения. В своём дневнике И.Н. Розанов рассказывает о том, как он и другой изве-

¹ См.: Азадовский К.М. Клюев и Есенин в октябре 1915 года (по материалам дневника Ф.Ф. Фидлера) // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. – Paris, 1985, t. XXVI, f. s, p. 417.

² Блок А.А. Из дневников, записных книжек и писем // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1986. Т. 1. – С. 175.

³ Розанов И. Воспоминания о Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1986. Т. 1. – С. 441.

стный критик В.Л. Львов-Рогачевский стали расспрашивать Фёдора Андреевича и Александра Фёдоровича Титовых (деда и дядю Есенина) о староверах. «Дед отрицал, а дядя Александр Фёдорович заметил, что в Константинове раскольников нет и в Спас-Клепиках раскольников нет»⁴.

Эти свидетельства, полученные из первых уст и косвенно подтверждённые впоследствии воспоминаниями сестёр поэта, подвели черту под попытками некоторых критиков связать особенности творчества С. Есенина со старообрядческой традицией. В результате эта важная тема была закрыта преждевременно и не вполне обоснованно.

Дело в том, что официальная статистика указывает на широкую распространённость в Рязанской губернии староверческих общин. Согласно сведениям Департамента духовных дел Министерства внутренних дел России, к 1912 году в Рязанской губернии насчитывалось 16 932 старообрядца при общей численности населения в 2,6 млн человек⁵. Тогда же у рязанских старообрядцев было зарегистрировано 9 общин, 6 храмов, 43 молитвенных дома, монастырь и школа⁶.

Важно подчеркнуть, что Спас-Клепиковская волость, с которой Есенин связан годами учёбы во второклассной церковно-учительской школе (1909–1912), была одним из наиболее крупных центров рязанского старообрядчества. Так, в начале 20-х годов, несмотря на резко усилившуюся при Советской власти атеистическую пропаганду, в Спас-Клепиковском районе продолжало числиться шесть старообрядческих церквей и молелен, в то время как действующих православных церквей было всего четыре⁷. Старообрядческая церковь, построенная на деньги местного куп-

⁴ Дневник И.Н. Розанова // Цит. по: С.А. Есенин в воспоминаниях современников: Комментарии А.А. Козловского к 1 тому. – М., 1986. – С. 509.

⁵ Статистические сведения о старообрядцах: Департамент духовных дел Министерства внутренних дел. – СПб., 1912.

⁶ Там же.

⁷ Эти данные приводятся на основании материалов Рязанской экспедиции 1961 г., проведённой Институтом истории Академии наук СССР. См.: Миловидов В.С. Распад старообрядчества в Рязанской области // Вопросы истории религии и атеизма. – М., 1963. Вып. XI. – С. 126–138.

ца Лаптева в конце XIX века, имелась в самом волостном центре, а также в ближайшем к нему селе Селезнёве, где Есенин в годы учёбы в церковно-учительской школе, по всей вероятности, был и где находилась в то время крупная старообрядческая община; более того, и сегодня там ещё проживают старообрядцы. Известно, кроме того, что старообрядческая церковь села Селезнёва, построенная местным купцом Масленниковым, принадлежала Белокриницкому согласию, а в деревне Лаптеве под Спас-Клепиками находилась молельня нетовского (спасовского) толка с купцом Лаптевым во главе⁸.

Указанные данные свидетельствуют о том, что старообрядческий фон, окружавший юного Есенина в течение трёх лет его жизни и учёбы в Спас-Клепиках, был более чем насыщенным. Можно в связи с этим высказать предположение, что именно здесь зародился у Есенина устойчивый интерес к русскому старообрядчеству, а также сложился первоначальный довольно значительный запас знаний о вере и быте раскольников, в том числе на основе непосредственного общения с ними. Этот интерес находил своё подкрепление и в том, что история раскола преподавалась, наряду с другими духовными дисциплинами, в Спас-Клепиковской церковно-учительской школе, подтверждением чему является документ об окончании Есениным этого учебного заведения, где его успехи в изучении данного предмета оцениваются как «очень хорошие».

Своё дальнейшее «образование» в области русского расколо Есенин получил, как видно, уже в процессе общения с Николаем Клюевым, потомственным старовером, но важно ещё раз подчеркнуть, что к моменту личного знакомства с ним в октябре 1915 года Есенин был уже глубоко осведомлён обо всех особенностях не только мировоззрения, но и бытового уклада старообрядцев, что позволило ему быть абсолютно убедительным в беседах с блестящими знатоками истории раскола из числа столичной литературной интеллигенции – такими, например, как Д. Мережковский, М. Пришвин, А. Блок или А. Белый.

О том, что Есенин интересовался историей раскола и в последующие годы, свидетельствуют воспоминания подруги Зинаиды

⁸ Миловидов В.С. Распад старообрядчества в Рязанской области // Вопросы истории религии и атеизма. – М., 1963. Вып. XI. – С. 126–138.

Райх М. Свирской, познакомившейся с поэтом летом 1917 года в Обществе распространения эсеровской литературы: «Он приходил всегда во второй половине дня (...). Молча протягивал нам руку, доставал из шкафа толстый том Щапова “История раскольничего движения” и усаживался читать»; через несколько страниц мемуаристка упоминает об этом вновь, подчёркивая тем самым особую заинтересованность Есенина именно этой книгой: «Приходя к нам в Общество, Есенин продолжал читать Щапова. Иногда засиживался до тех пор, пока мы не закрывали помещение и расходились»⁹.

Прямыми подтверждением такого глубокого интереса к расколу стала состоявшаяся тем же летом поездка в Архангельскую область и на Соловки – один из исторических центров старообрядия, совершённая С. Есениным вместе с поэтом А. Ганиным и З. Райх, с которой он обвенчался в церкви близ Вологды. «На Соловках они набрали на часовенку, в которой шла служба, и там их обвенчали», – так передаёт рассказ З. Райх М. Свирская.

Как видим, интерес к расколу у Есенина был не только книжным; он стремился сделать старообрядческий «фон» частью своей биографии: родился, якобы, в старообрядческой семье, венчался на Соловках. И «после смерти легенда о принадлежности Есенина к расколу настигла поэта, – как о том свидетельствует А.А. Берзинь, – на него надели присланный Клоевым медный старообрядческий крест»¹⁰.

Почему же Есенин на протяжении разных периодов своей яркой творческой жизни с такой настойчивостью подчёркивал наличие старообрядческого элемента в своей духовной генеалогии и даже, как явствует из записи беседы с ним, сделанной А. Блоком, выводил из старообрядческой культуры некоторые особенности своего творчества?

Как известно, статарообрядчество возникло в XVII веке и развивалось под знаком патриархальных идеалов, которые в на-

⁹ Свирская М. Знакомство с Есениным // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. – М., 1993. Т. 1. – С. 145. Речь идёт об исследовании видного историка русского раскола А.П. Щапова (1831–1876): Щапов А.П. Сочинения: В 3 т. – СПб., 1906–1908.

¹⁰ Самоделова Е.А. Историко-фольклорная поэтика С.А. Есенина. – Рязань, 1998. – С. 165.

родном сознании ассоциировались с докрепостническим прошлым. Социальная подоснова старообрядческой идеологии была связана поэтому с идеализацией свободного общинного крестьянского землевладения. Этим и обусловлена в значительной степени апелляция раскольников к «старине» как естественному состоянию и положению крестьянства, как исторической традиции, подтверждающей его исконные права на землю, беззаконно, нарушаемые светскими и церковными властями. Отсюда – упорная апологетика благословленной старины, её духовно-нравственного, социально-бытового и трудового уклада.

Ориентацией на этот идеал, проявляющейся то в явной, то в скрытой форме, отмечено практически всё творчество Есенина.

В поэме «Отчарь» (1918), выстраивая свою духовную родословную от русского крестьянина, Есенин вполне отчётливо указывает на старообрядческий потомственный корень своего пращура: «Учил тебя вере // Седой огневик». Некоторые исследователи вполне справедливо усматривают здесь намёк на «огнепального» вождя раскола протопопа Аввакума, владевшего воистину «огненным» словом и сожжённого вместе с ближайшими сподвижниками за неколебимую преданность древлеправославной вере.

Дальнейшее развёртывание центрального образа в поэме Есенина основывается на введении главного обрядового символа старообрядцев – двоеперстья:

Заря – как волчиха
С осклабленным ртом;
Но гонишь ты лихо
Двуперстным крестом.

Если учесть, что, по народным повериям, запечатлённым в работах А.Н. Афанасьева, «волк отождествляется с дьяволом», а «адская бездна изображается колоссальною разинутою пастью с страшными зубами»¹¹, то духовный подтекст данного фрагмента становится вполне очевидным: предок-«отчарь», как и положено ревностному хранителю древних родовых устоев, защищает своё потомство от происков Антихриста. И вновь поэт стремится подчеркнуть своё родство с неколебимыми твердынями русского духа. С од-

¹¹ Афанасьев А.П. Древо жизни. – М., 1983. – С. 164, 172.

ной лишь поправкой: он верит, что «краюхой» доброго хлеба «отчарь»-мужик сможет приручить даже страшного зверя из апокалиптических пророчеств, преобразить, изменить природу самого зла:

И чуется зверю
Под радугой слов:
Алмазные двери
И звёздный покров.

Духовную близость Есенина традициям старообрядческой культуры можно объяснить, прежде всего, мировоззренческими причинами. Поэтому были, несомненно, свойственны элементы *народно-утопического анархизма*, субъективно преломявшиеся в горячую апологетику личной духовной и творческой свободы.

Историки русского старообрядчества отмечают, что одной из его специфических особенностей было освящение, то есть религиозное обоснование и оправдание различных форм сопротивления власти официальной церкви и феодально-крепостнического государства.

Есенину, внимательно изучавшему труды Аввакума и его сподвижников, наверняка был известен этот факт. Поэтому вполне естественно и закономерно, что его малые исторические поэмы дореволюционного периода несут в себе идею высшего духовного покровительства Христа стихийным народным выступлениям, вдохновляемым идеалами воли и справедливости («Ус», «Марфа Посадница»). Позднее эта тема будет затронута в «Товарище».

В поэме «Ус» (1914) мотив религиозного освящения права народа на бунт против социального и духовного произвола связывается с образом молодого казачьего атамана Василия Уса, сподвижника и последователя Степана Разина.

До сих пор исследователи не обращали внимание на специфический религиозный подтекст этой поэмы, имеющей, на наш взгляд, отношение к раскольничьей традиции.

В связи с этим мы хотели бы высказать предположение, что религиозная тема, занимающая в этой поэме главное место и даже разрешающаяся в своеобразной контаминации образов Уса/Иисуса, связана с раскольническим движением, масштабы которого были

весьма велики именно на Дону, где происходят основные события произведения¹².

Как ещё в XIX веке показал в своих исследованиях известный историк русского старообрядчества А.П. Щапов, труды которого были хорошо известны Есенину, «бунт Разина был бунтом раскола, первым явным народным движением его»¹³.

Видный исследователь староверия из среды русского зарубежья С.А. Зеньковский подчёркивает, что старообрядческая проповедь имела значительный успех «на Дону, куда уходили свободолюбивые элементы, не уживавшиеся в Московском царстве». «Низшие слои казачества, – поясняет он, – были настроены свободолюбиво и даже анархически, и среди них (...) было нёмало сторонников старой веры, или, вернее, противников нового обряда и более тесного контроля Москвы над донскими приходами»¹⁴.

С учётом этих исторических фактов «раскольничий» контекст событий, происходящих в есенинской поэме, становится вполне очевидным. Так, мотив активного сопротивления донского казачества «пяте Москвы» отчётливо звучит в монологе матери Уса, благословляющей сына на долгий и опасный путь:

Захирел наш дол по-над Доном,
Под пятой Москвы, под полоном.

Считаем необходимым обратить внимание и на другое обстоятельство. В сборнике Кирши Данилова «Древние российские стихотворения», безусловно, известном Есенину, есть песня «Усы, удалы молодцы...». По-видимому, песня относится ко временам разинского восстания. Из неё может следовать, что имя легендарного атамана-разинца Василия Уса стало нарицательным по отношению к его славным сподвижникам:

Ах, доселева Усов и слыхом не слыхать,
А слыхом их не слыхать и видом не видать,
А нонеча Усы появились на Руси...¹⁵

¹² Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. – СПб., 1889. – С. 69.

¹³ Щапов А.П. Сочинения: В 3 т. – СПб., 1906. Т. 1. – С. 466.

¹⁴ Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. – М., 1995. – С. 397.

¹⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршию Даниловым. – М.-Л., 1958. – С. 279.

На то, что Василий Ус принадлежал к приверженцам старой веры, указывает и восприятие им московского царя как «лиха», что на языке старообрядцев ассоциировалось чаще всего с понятием «Антихриста»:

Соберу я Дон, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо.

Набожность молодого атамана в поэме также подчёркнута не случайно, ведь в мотивах его борьбы с произволом Москвы был не только социальный, но и религиозный подтекст. Именно об этом свидетельствует обращение главного героя к матери:

Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свечу, молись Богу.

Гибель атамана изображается в поэме скорее как мученическая смерть подвижника за веру, чем как геройская гибель храброго воина на поле брани:

О другой он земле гадает,
О других небесах вздыхает.

На глазах читателя свершается своеобразная поэтическая канонизация молодого казака, положившего голову за казачью волю и веру. Горе матери, потерявшей единственного сына, ассоциативно соотносится с высоким духовным страданием Богоматери, пожертвовавшей сыном во имя людей. Происходит почти евангельское чудо: в иконном облике Спасителя истомившаяся ожиданием мать узнаёт сыновничьи черты: «*Это ты, о сын мой, смотришь Иисусом!*»

Так в образе Василия Уса впервые в есенинской поэзии происходит (пока ещё символически) соотнесение черт народного избавителя с духовным ореолом Мессии.

Несколько лет спустя, в драматической поэме «Пугачёв» (1921), эта тема зазвучит гораздо отчётливее. И вновь синкетические черты «разбойника-раскольника» проступят в образе главного героя (Есенин, глубоко изучавший биографию и личность крестьянского вожака, несомненно, знал о его принадлежности к старообрядчеству)¹⁶.

¹⁶ В частности, он изучал материалы А.С. Пушкина к «Истории Пугачёвского бунта», в которой Пушкин утверждал: «Пугачёв, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – СПб., 1900. Т. 6. Ч. 1. – С. 23.

Как видим, герои исторических поэм Есенина – это выразители народной воли и веры, бросающие вызов во много раз превосходящей их мощи московского престола. Сам выбор исторических персонажей был не случайным. Из разных народных источников, и в том числе из старообрядческой идеологии, мог почерпнуть Есенин важную для него мысль об антихристианском перерождении царской монархии. Особенно остро проникнута важнейшей раскольнической идеей «самодержавие – от Антихриста» поэма «Марфа Посадница», повествующая, казалось бы, о совсем иной эпохе – периоде борьбы новгородской вольницы против произвола московского царя. Центральной сценой поэмы стал эпизод, в котором «царь московский Антихриста вызывает», чтобы заключить с ним на века договор, скреплённый кровью:

Вылез из запечья сатана гадюкой,
В пучеглазых бельмах исчаведье ада.
«Побожися душу выдать мне порукой,
Иначе не будет с Новгородом слада!»

Вынул он бумаги – облака клок,
Дал ему перо – от молнии стрелу.
Чиркнул царь кинжалищем локоток,
Расчеркнулся и зажал руку в полу...

Историческую и художническую правду, выразившуюся в этой поэме, остро почувствовала Марина Цветаева, вспоминая позднее об ошеломляющем впечатлении, которое произвело на неё произведение во время авторского исполнения в 1915 г.: «Есенин читает “Марфу Посадницу”, принятую Горьким в “Летопись” и запрещённую цензурой. Помню сизые тучи голубей и чёрную – народного гнева. – “Как московский царь – на кровавой гульбе – продал душу свою – Антихристу...”. Слушаю всеми корнями волос. Неужели этот херувим... этот – это написал? – почувствовал? С Есениным я никогда не переставала этому дивиться...»¹⁷.

Религиозно-философский план поэмы исторически не связан с эпохой раскола, но, политически актуализированный анти-монархической темой, явственно перекликается с центральным

¹⁷ Цветаева М. Из очерка «Нездешний вечер» // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. – М., 1993. Т. 1. – С. 106.

мотивом старообрядческой литературы и фольклора – о преступном договоре московских царей с Антихристом.

Как известно, среди старообрядцев было распространено всеобщее убеждение, что со временем реформ Никона начался «век Антихристов». Крайнее ответвление старообрядчества – «бегуны» – объявляли воплощением Антихриста не только царя и никонианскую церковь, но и все законы и установления правительства, все государственные и общественные институты.

Религиозно оправдывая народные выступления против «беззакония» церковных и светских властей, старообрядческая идеология давала своим приверженцам и право другого, пассивного протеста – «уйти» от мирского зла. Именно такую форму неучастия в делах Антихриста, уже воцарившегося, по их мнению, в мире, проповедовали староверы «бегунского» или, как его ещё называли, «страннического» толка.

Как известно, «странники» объявляли воплощением Антихриста всю социальную жизнь, поэтому «бегство», «уход» возводили в степень религиозного доктрина, дававшего им высшую нравственную санкцию на полный разрыв всех общественных связей. «Независимо от идеи первоначального своего происхождения, – писал ещё в 60-е годы XIX века И. Аксаков, – секта странников обратилась в религиозное оправдание бродяжничества и бегства вообще»¹⁸. Крайнее выражение это нашло в так называемой «нетовщине».

Особенно резко социальный негативизм раскольников выразился в их отношении к городу. Как пишет современный американский исследователь Рональд Вроон, «радикальные течения в старообрядчестве всю сферу современной городской жизни рассматривали под знаком Антихриста»¹⁹.

Вполне вероятно, что именно из этого источника антиурбанистическая тенденция, выразившаяся в восприятии городской цивилизации как средоточия дьявольских соблазнов, проникла в

¹⁸ Аксаков И. Краткая запись о странниках, или бегунах // Русский архив. 1866. № 4.

¹⁹ Вроон Р. Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Н. Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы / Ред.-сост. С.И. Субботин. – М., 1997. – С. 63.

новокрестьянскую поэзию и в творчество Есенина, в частности. Во всяком случае, старообрядческая этическая установка на верность «благочестию» весьма отчётливо прочитывается в подтексте раннего есенинского стихотворения «Город» (1915):

Храня завет родных поверий –
Питать к греху стыдливый страх,
Бродил я в каменной пещере,
Как искушаемый монах.

Как об ножи стальной дорогой
Рвались на камнях сапоги,
И я услышал зык от Бога:
«Забудь, что видел, и беги!»

Мотив «бегства» от современной городской цивилизации, впервые столь отчётливо прозвучавший именно в этом стихотворении, открыл ещё одну сквозную тему есенинского творчества, связанную отчасти с «бегунскими», «странническими» корнями, – тему «ухода».

Следует сразу же пояснить, что близкие понятия «странничество», «бродяжество» и «уход» не являются у Есенина синонимами. Поэтизируя беспечное удалое бродяжество как естественное юношеское стремление к познанию новых краёв и земель («Счастлив, кто жизнь свою украсил // Бродяжьей палкой и сумой»), Есенин чётко различает «странничество» как форму вечного духовного искания («ведь каждый в мире странник») и «уход» как трагическое следствие жизненных разочарований и особую форму протеста против мирского зла и суеты, выражающегося порой в анархическом своеvolutionи:

Нет любви ни к деревне, ни к городу,
Как же смог я её донести?
Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

«Не ругайтесь! Такое дело!..»

В наибольшей степени связь с духовными традициями раскольнического движения проявилась в есенинской поэзии революционного периода.

«Раскольничий» контекст в революционном цикле есенинских поэм не случаен. В годы революции Есенин продолжал интересоваться историей раскола как из книжных источников, читая фундаментальные исследования А.П. Щапова, так и по другим каналам. Свою роль сыграли в этом и уже упоминавшееся путешествие на Соловки – по местам знаменитого осадного мятежа монахов, защищавших старую веру (1668–1676), которое Есенин совершил летом 1917 года, и поездки в 1919 году на деревенскую родину его близкого друга Сергея Клычкова²⁰, происходившего из потомственной старообрядческой семьи и наверняка много рассказывавшего поэту о домашнем быте староверов. В начале того же, 1919 года, другой знакомый Есенина, Д.Н. Семёновский, видел у него на стене «нашитый на кусок голубого шёлка парчовый восьмиконечный крест»²¹. По поводу последнего факта Е.А. Самоделова, руководствуясь убедительными аргументами, высказывает весьма вероятное предположение, что «в комнате Есенина могло храниться раскольничье знамя, помогавшее ему прощувствовать мятежный дух яицкого казачества при самом зарождении замысла “Пугачёва” (что не исключает важности знамени и при сочинении предшествующих произведений)»²².

Говоря о влиянии идей и образов раскола на творчество Есенина, следует учитывать и то, что именно русское староверие стало отправной точкой в формировании *антизападнической тенденции в новокрестьянской поэзии*, и в творчестве Есенина в том числе. В доказательство этому сошлёмся на уже цитированное нами исследование видного специалиста в области семиотики русской культуры Б.А. Успенского: «Поскольку зло мыслилось старообрядцами как занесённое на Русь извне, результат общения с еретиками, постольку язычество (*новейшего типа* – О.В.) и

²⁰ См. об этом: Юсов Н.Г., Хлебянкина Т.А. Сергей Есенин в Дубровках в гостях у С.А. Клычкова // Два Сергея: Сборник к 100-летию со дня рождения С.А. Есенина и 106-летию со дня рождения С.А. Клычкова. – Талдом, 1995. – С. 166–167.

²¹ Семёновский Д.Н. Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. – М., 1986. Т. 1. – С. 160.

²² Самоделова Е.А. Историко-фольклорная поэзия С.А. Есенина. – Рязань, 1998. – С. 166–167.

еретичество объединялось в единый образ еретического Запада. Таким образом, проблема “старое – новое” трансформируется в антитезу “Русская земля – Запад”. За Западом окончательно закрепляется представление как о “вывернутом”, “левом” пространстве, т.е. пространстве дьявольском»²³.

Старообрядцы верили, что именно Руси предстоит выдержать решающую схватку с Антихристом как воплощением мирового зла, и именно в этом видели её особое предназначение. Возможно, именно здесь истоки чёткой оппозиции «своего» и «чужого» в их мировоззрении. У Есенина это противостояние также широко проявится в образах-символах неправославного Запада, исповедующего другого, чуждого Христа («английское юдо» в «Пришествии», Америка – «отколотая половина земли» и страна «безверия» в «Ионии»).

Решительная антizападническая установка во взглядах раскольников особенно отчётливо проявилась в негативной оценке ими реформаторской деятельности Петра I, которого они воспринимали не иначе, как явившегося на Русь Антихриста.

В поэме «Песнь о великом походе» (1924), в первой, «исторической» её части, деяния Петра оцениваются как бы сквозь призму не восприимчивого к реформам старообрядческого сознания. Устами «непутёвого дьяка», а вслед за ним и выражающего широкое народное мнение повествователя Пётр осуждается именно за те «прегрешения» (курение, бритьё бород, пристрастие к «немецкому» стилю одежды), которые дали основание последователям старой веры увидеть в образе Петра черты Антихриста:

Видно, делать ему
Больше нечего.
Принялся он Русь
Онемечивать.
Бреет он князьям
Брады, усие.
Как не плакаться
Тут над Русию?

²³ Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избранные труды: Семиотика истории. Семиотика культуры. – М., 1996. Т. 1. – С. 355.

Ой, суров наш царь,
Алексеич Пётр.
Он в единый дух
Ведро пива пьёт.
Курит – дым идёт
На три сажени,
Во немецких одеждах
Разнаряженный.

Старообрядческий элемент проявляет себя в творчестве Есенина не только в восприятии исторического прошлого, но и в концепции будущего, проникнутой утопическими тенденциями, что особенно ярко проявилось в революционном цикле поэм.

Духовной основой цикла послужила легенда о сокровенном граде Китеже, выступавшем в апокрифической литературе старообрядцев символом красоты и праведности русской старины. Есенин мог воспринять эту легенду непосредственно из апокрифов и духовных стихов и опосредованно – через сферу литературных влияний.

Известно, что в декабре 1915 года Есенин присутствовал на представлении оперы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» в Мариинском театре совместно с Н. Клюевым и В. Чернявским.

Для есенинского восприятия легенды о граде Китеже особенно важное значение имел художественный опыт Н. Клюева, для которого Китеж на всю жизнь остался идиллической моделью гармонического национального бытия, о котором он продолжал мечтать и в годы революции («Уму – республика, а сердцу – Китеж-град...»). В «Красной песне» Клюев писал:

Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой.
Китеж-град, ладан Саровских сосен –
Вот наш рай вожделенный, родной.

Следует подчеркнуть также, что легенда о Китеж-граде, причудливо контаминировавшись с евангельским прообразом «небесного града» Иерусалима из апокалипсических пророчеств,

выступила в начале века концентрированным выражением эсхатологических и мессианских чаяний русской художественно-философской интеллигенции; как классический архетип национального сознания она активно использовалась Н.А. Бердяевым и другими мыслителями в обосновании философии «русской идеи».

Старообрядческая легенда о «богохранимом граде» не могла не привлечь Есенина своей поэтичностью и чисто русской духовностью: «И сей град Большой Китеж невидим стал и оберегаем рукою Божией, – так под конец века нашего многомятежного и слёз достойного покрыл господь тот град дланию своею»²⁴.

Образ «длани господней» как знака духовного покровительства Господа русской земле в годину сuroвых испытаний проходит лейтмотивом через поэзию Есенина революционных лет. Он знаменует собой близящееся исполнение вековых чаяний об обретении «сокровенного» града, достижимость народной мечты:

И ни единый камень,
Через пращу и лук,
Не подобьёт над нами
Подъятье Божьих рук...

«Октоих»

Образ невидимого града стал сердцевиной старообрядческой религиозной мифологии, особенно у многочисленных приверженцев «бегунского» толка. Как отмечает исследователь народных социально-этических утопий К.В. Чистов, «бегуны по-крестьянски жаждали царства божьего на земле. Одному из основных своих тезисов “града настоящего не имамы, а грядущего взыскунем” – они придавали вполне реальное, практическое выражение»²⁵.

Этим исканием «града грядущего» и проникнута революционная утопия С. Есенина, развёрнутая в «бibleйском» цикле его поэм и прежде всего – в поэме «Ионния» (1918).

Ионния – это полемический есенинский вариант «сокровенного» града Китежа, проецирующий ретроспективный идеал

²⁴ Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. – М., 1981. – С. 225.

²⁵ Чистов К.В. Русские социально-утопические легенды. – М., 1967. – С. 249.

благословенной старины в будущее. В самом её названии, как писал поэт, он выразил «чувство незримой страны», того идеального «взыскиемого» града, к которому издавна стремились русские странники, бегуны, богомольцы (V. С. 219).

В образ идеального града Ионии явно вписаны «китежские» черты, которые открываются внутреннему взору героя-«тай-нозрителя»:

По тучам иду, как по ниве, я,
Свесясь головою вниз.
В синих отражаюсь затонах
Далёких моих озёр.
Вижу тебя, Иония,
С золотыми шапками гор.

Здесь «золотые шапки гор» напоминают купола православных храмов «сокровенного града», которые, по преданию, могли видеть избранные праведники сквозь прозрачные воды озера Светлояр.

Вместе с тем вполне очевидно, что в «Ионии» в большей мере, чем в каком-либо другом произведении этих лет, Есенин преодолевает ограниченность и замкнутость патриархальной модели мира.

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог.

Заметна и резко критическая динамика в оценке Есениным старообрядческого консерватизма и неприятия новизны во всех её проявлениях. Не случайно в поэме «Иония» присутствуют не только «китежские», но и «кантикитежские» мотивы. Охваченный стихией революционного обновления и поиска «нового» Бога, поэт ищет «иную», новую веру – «без креста и мук», а следовательно, мученический, жертвенный идеал раскольников уже не соответствует его новым устремлениям. С другой стороны, резкий критический пассаж, процитированный выше, является для Есенина и формой заочной литературной полемики с горячим защитником китежской Руси Николаем Клюевым.

О дальнейшей эволюции в восприятии старообрядческой и «китежской» традиции, в частности, свидетельствует письмо Есенина поэту А.В. Ширяевцу от 26 июня 1920 года: «Брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с её несуществующим Китежем и глупыми старухами. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества» (VI. С. 113).

Как видим, разнообразные, в том числе полемические «контакты» со старообрядческой духовной традицией, прослеживаемые на всём протяжении творческого пути поэта, претерпевали оригинальную художественную трансформацию, привнося разнообразные грани духовного опыта народа в есенинскую «Библию русской души». Не будучи напрямую, «генеалогически» связан со староверами, Есенин, тем не менее, ощущал себя наследником ревнителей «древлего благочестия» и хранителем их богатой духовной культуры. Миф о старообрядческой родословной давал ему ощущение глубокого потомственного корня. В результате старообрядческая традиция органично вошла в его сокровенный творческий запас и сыграла важную роль в формировании поэта как органического носителя народной духовной культуры.

БРОДЯЧАЯ РУСЬ И СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

A.B. Сафронов

(Рязанский государственный педагогический
университет им. С.А. Есенина, г. Рязань)

«Бродячая Русь Христа ради» – так назвал свою книгу, вышедшую в 1877 году, известный русский писатель-путешественник, бытописатель, этнограф, фольклорист Сергей Васильевич Максимов (1831–1901). В ней он дал исчерпывающее по тем временам описание различных видов бродяжничества, странничества, нищенства в Российской империи. Перед читателем прошли побиушки и погорельцы, нищеброды и калуны, калики переходящие, кубраки (собирающие «на церковь»), «странники божьи», убогие и увечные, ходоки и шатуны, бродяги-одиночки, семьи и артели. С.В. Максимов, сочетая строгий документализм с разнообразием форм повествования, с глубоким лиризмом и с сочувствием к судьбе человека из народа, исследовал и описал общинную организацию маргинальных коллективов, их быт, нравы, тайные языки, фольклор, психологию и своеобразное мировоззрение.

Творчеству и личности С.В. Максимова давали высокую оценку многие современники (Некрасов, Салтыков-Щедрин, Чехов, Л. Толстой, Горький, Розанов). Ряд исследователей (например, О.Е. Воронова) указывает на знакомство с его произведениями и Сергея Есенина.

Интерес к бродяжничеству и странничеству как значительному социальному и культурному явлению у Есенина пробудился достаточно рано. Этому способствовали и детские впечатления (в Пощуповском монастыре, на ярмарках, на константиновских улицах в голодные годы встречал он множество бродяг и нищих), и традиционное присутствие этой темы в русской литературе и фольклоре (стихи и поэмы Некрасова, «Отец Сергий» Л.Н. Толстого, сибирские очерки В.Г. Короленко, «босаяцкие» рассказы М. Горького и др.). Присутствует этот мотив и у есенинского учителя Николая Клюева: «Сосны шепчут про мрак и тюрьму, // Про мерцание звезд за решеткой. // Про бубенчик в жестоком пути, // Про седые бурятские дали...» («В златотканые дни сентября...») (1911);

«Вглядись в листопадную странничью даль...» («На песню, на сказку рассудок молчит...» (1911)). Однако, на наш взгляд, у лирического двойника Клюева «бродяжничество» в основном духовное, воображенное, книжное, не столь сильно связанное с российским просторами, устремлен его герой более «в высь», а не «в ширь»:

Индийская земля, Египет, Палестина –
Как олово в сосуд отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина –
Наш верный поводырь в обитель тишины.

«Земля и железо» (1916)

Оговоримся сразу, что тяга к миру (и мифу) «бродячей Руси» у Есенина не напоминала интерес ученого-этнографа. Он смотрел на нее как человек с поэтическим строем души, для которого окружающий мир – материал для творческого самовыражения.

О значимости этой темы для поэта говорит множество его ранних стихотворений: «Калики» (1910), «Пойду в скуфье смиренным иноком» (1914 – 1922), «Шел Господь пытать людей в любови...» (1914), «Я одену тебя побиушкой» (1915), «Побиушка» (1915), «Я странник убогий» (1915), «Нищий с паперти» (1916), «Без шапки, с лыковой котомкой» (1916), «По дороге идут богомолки» (1914), «За темной прядью перелесиц...» (1916), «В том краю, где желтая крапива...» (1915), «Устал я жить в родном краю...» (1916).

В других его стихах также нередки образы, подсказанные этим миром – миром странничества, бродяжничества, миром российских проселочных дорог, миром, наполненным пафосом отказа от «нормальной» жизни и поисками Бога на Земле: «Как захожий богомолец, // Я смотрю твои поля» («Гой ты, Русь, моя родная», 1914); «Прибрела весна, как странница, // С посошком в лаптях берестяных...» («Прячет месяц за овинами», 1914 – 1916); «Новый короб чувства я навьючил // И пошел по новым берегам» («Мечта», 1916); «В дорогу дальнюю, ни к битве, ни к покою. // Влекут меня незримые следы...» («Голубень», 1917); «Не один я в этом свете шляюсь, // Не один брожу» («Свищет ветер под крутым забором», 1917); «Я покинул родимый дом, // Голубую оставил Русь», (1918); «Любили девушек, // Любили женщин мы // И

ели хлеб // Из нищенской сумы» («Памяти Брюсова», 1924), «Грустно стою я, как странник гонимый, // Старый хозяин своей избы» («Синий туман. Снеговое раздолье...», 1925) и т.д.

Можно с достаточной степенью уверенности говорить о слиянии в лирическом мире Есенина образов странствующего инока и бояка. При этом, если мы обратимся к творчеству позднего, послереволюционного периода («В этом мире я только прохожий...», «Не вернусь я в отчий дом...», «Я уйду исцеленный навек...», «Брошу все, отпушу себе бороду // И бродягой пойду по Руси...»), то увидим, как угасает, во-первых, этот мотив, перерождаясь в желание «видеть стальною» нищую Русь. Во-вторых, странник, ранее искавший в скитаниях слияния с окружающим материальным и духовным миром, теперь бежит от него. Увядание бродяжьего духа можно расценивать и как лирическое свидетельство личного, мировоззренческого и творческого кризиса, приведшего к трагическому финалу в гостинице «Англетеर» («Дух бродяжий! ты все реже, реже // Расшевеливаешь пламень уст. // О моя утраченная свежесть, // Буйство глаз и половодье чувств»).

В разработке Сергеем Есениным тем и мотивов «Бродячей Руси» отразились архетипические свойства русского национального характера с его своеобразным восприятием пространства, с тягой к «воле» вместо «свободы», с противоречием между свободой внешней и свободой внутренней, с восприятием бродяжничества и странничества как протеста и в то же время – как одной из форм духовного поиска.

В заключение следует отметить, что, по нашему мнению, данная проблема перспективна и, безусловно, нуждается в дальнейшей научной разработке.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЕСЕНИНСКОЙ ТОПОНИМИКИ

E.A. Самоделова

(Институт мировой литературы
им. М. Горького, г. Москва)

Объемность литературного сочинения зачастую достигается за счет моделирования автором художественного пространства: сюжет может быть однолинейным или многоходовым; персонажи перемещаются из города в село, передвигаются по дорогам, останавливаются на перекрестках, задумываются на развилке путей, сворачивают в переулок, оказываются иногда в тупике... Пространство только тогда становится ощутимым и заметным, когда оно структурировано, имеет свой центр притяжения. Метки пространства – топонимы.

Проблема оригинальности художественного пространства является важнейшей в творчестве каждого писателя. Есениноведы исследовали устройство и изображение пространства в есенинских сочинениях: рассматривали двоемирие как сосуществование «этого и того света» (и даже многомирия как «этого света и иных миров»); определяли оппозиции «небо – земля», «верх – низ», «дом – дорога»; находили центр крестьянского мироустройства в избе с красным углом и печью; постигали взаимодействие и взаимопроникновение человеческого и божественного миров; изучали населенность земного шара растениями и животными и т.д.¹

Однако сущность пространства выражается не только в абстрактных категориях, но и в индивидуальной географической карте, которую исподволь на протяжении всей своей творческой деятельности создает писатель. Он помещает персонажей своих произведений в подобный реальному или в совершенно вымышленный мир, в котором отмечает географическими названиями места их жизнедеятельности, рисует схему их передвижений, от-

¹ См., напр.: Захаров А.Н. Поэтика Есенина. – М., 1995. – 222 с. (о символике дома); Капрусова М.Н. Мифологические, фольклорные, религиозные темы в поэзии С. Есенина (Поэтика дерева): Автореф. ...канд. филол. наук. – М., 1994. – 19 с.

правляет в путешествия по различным населенным пунктам или, наоборот, засыпает в непроходимые дебри, безлюдные пустыни или необитаемые острова, пересыпает по разным адресам их письма и другие весточки. Словом, писатель творит собственную географию, и она находит выражение в оригинальной топонимической системе, которая является частью авторской поэтики.

Чтобы проанализировать особенности есенинской географической поэтики, за наименование основных пространственных единиц выберем имя собственное, написанное с большой буквы и подчиняющееся системе небесно-земных координат. По этому критерию будут сразу отграничены онимы (как собственные имена, служащие индивидуализации и идентификации выделенного объекта) от безымянных ландшафтов. К собственно топонимам примыкают топонимические образования, созданные по модели «*топонимический эпитет и определяемое им географическое понятие*». Часто встречаются такие обозначения географических единиц, которые до прибавления к ним топонимического эпитета служили ландшафтными структурами, указаниями на сторону света, метками промыслового производства и др.: у Есенина это *Азиатская сторона* (наряду с *Азия*), *Енисейские места* и *Индийские места* (также *Индия*), *Марсово Поле*, *Измаильские поля*, *Рязанские поля* и *Сакмарские поля* (вместе с *Измаил*, *Рязань* и *Сакмара*), *Рязанская пуща*, *Клондайкские прииски* (наряду с *Клондайк*) и др². Определяемая топонимическим эпитетом ландшафтная единица в большинстве случаев встречается и самостоятельно: «*О Русь, малиновое поле*», «*О сторона ковыльной пущи*» и др.

К указанным топонимическим образованиям по их конструкции близки двух-трехсловные антропотопонимы, также присутствующие в сочинениях Есенина: *Афонин перекресток* в «*Яре*», *Большой Афанасьевский переулок* в Москве, *Темир-Хан-Шура* и др. Есенин включает в свои произведения и однословные именные топонимы: *Гурьев*, *Иудея*. Как видим, некоторые антропото-

² Тексты поэта цит. по: Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). – М., 1995–2002. В статье отсылка к ним дана в круглых скобках (римской цифрой – том, арабской – страница). См. также: Указатель топонимов. / С.А. Есенин // ПСС. Т. 7. Кн. 3.

понимы хотя и даны в русско-кириллическом написании, восходят к иноязычным именам и иностранным территориям, тем не менее для Есенина они принципиально необходимы и привносят в его творчество ориентальный колорит.

Ориентировка в пространстве при помощи сторон света породила затем омофонные топонимы, определяющие уже географические понятия как большую группу государств, попарно противопоставленную в культурном аспекте и типе цивилизации. У Есенина присутствуют все четыре таких топонима: *Восток – Запад, Север – Юг* (естественно, названия четырех направлений тоже сохраняются). Ориентации по сторонам света обучали детей в школе – и вот М.Н. Молчанов, учившийся в Спас-Клепиковской второклассной учительской школе двумя классами младше Есенина, десятилетия спустя вспоминал о местонахождении церковного образа, следуя зазубренной школьной методике: «В первом классе, я знаю, висела икона “глазами на юг”»³. Ориентация по компасу заложена в названиях некоторых материковых зон: *Африка, Северная Африка, Северная Америка, Северный Кавказ, Северный Ледовитый океан*.

Есенин ценил достижения современной картографии, о чем явствует из тезиса «Декларации» (написанной совместно с друзьями-имажинистами в 1919 г.), где выражено «географическое кредо» применительно к первооткрытиям в искусстве: «Роль Колумбов с широко раскрытыми глазами, Колумбов поневоле. Колумбов из-за отсутствия географических карт – нам не по нутру» (VII (1), 306).

Точной отсчета, географическим центром для Есенина как россиянина, естественно, выступает его родина. Такая точка зрения была предопределена ходом российской истории и расположением государства в Евразии, с выходом к Северному Ледовитому океану и теплым южным морям – Черному с Азовским и Каспийским. Ориентацией в пространстве служат вторично-топонимические эпитеты в составе неоднословного топонима, привычные и для Есенина: например *Западная Европа, Северная Америка*

³ Молчанов М.Н. Воспоминания. – Цит. по: Чистяков Н. Королева у плетня. Орехово-Зуево, 1996. №. 80 (Хранится в Спас-Клепиковском филиале Есенинского музея-заповедника в с. Константинове Рязанской обл. Папка 33).

и др. Однако Есенин, поколесивший по Старому и Новому Свету, мог почувствовать на себе заокеанскую точку зрения, отличающуюся от его собственной и также вызванной к жизни условиями существования пограничных племен и народов: например, известная война Севера и Юга в США – на другом, американском материке. Есенин опять-таки с помощью топонима характеризовал страну индустриального процветания, ориентир для революционной России в преддверии Новой экономической политики Страны Советов: «И тебе говорю, Америка, // Отколотая половина земли» (II, '65). Понятно, что особенно актуальны топонимы, восходящие к сторонам света, для тех периодов творчества Есенина, когда он осмысливает оригинальный путь развития России (в философско-эстетическом плане, важном для каждого творца искусства, это «Ключи Марии», 1918) или путешествует по земному шару (см. «Железный Миргород», 1923).

Выделяется в творчестве Есенина и период, когда он питал особое пристрастие к библейской образности и сюжетике. Памятью о нем остались экклезионимы (то есть собственные имена мест совершения обряда и поклонения святыням в любой религии⁴). Однако обилие топонимов церковного характера вызвано не усиленными и преднамеренными поисками Есенина в этой области, хотя он порой даже сочинял новые экклезионимы по подобию уже существующих, а в истертые временем вкладывал обновленный смысл. В России как стране по преимуществу православной религиозные святыни становились своеобразными географическими центрами разного масштаба: ведущая к церкви улица получала наименование по названию храма. Экклезионимы Израильской земли ощущались не менее родными из-за выстраивания с детских лет своей жизни по Библии и рассказов о Земле Обетованной странников, распевания ими духовных стихов и рассказывания легенд. Всю народную поэзию (не выделяя жанры с сугубо духовным содержанием) Есенин характеризует с помощью библейского топонима, чем придает ей особо возвышенный и уст-

⁴ См.: Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978. – С. 164.

ремленный в вечность смысл: «Вот потому-то в наших песнях и сказках мир слова так похож на какой-то вечно светящийся *Фавор*, где всякое движение живет, преображаясь» (V, 194). Есенин употребляет слово *Фавор* в переносном смысле, идущем от зрительного восприятия изображений священной горы в световом лучистом сиянии на иконах «Преображения Господня»; однако он отталкивается от реального топонима (возможен и более опосредованный способ «топонимической иносказательности», как в известном выражении «быть в фаворе»). Из израильских топонимов у Есенина встречаются *Вифлеем, Галаад, Елеон, Иордан (Иордань), Иудея, Маврикия, Сион, Содом, Фавор*.

В сочинения Есенина проникли три основных типа географических объектов с их религиозными названиями: церкви – прицерковные улицы – монастыри. Среди прицерковных улиц у Есенина встречаются *Вознесенская улица* в Батуме; *Крестовоздвиженский переулок* и *Пречистенка улица, Пятницкая улица* (в честь храма Параскевы Пятницы), *Рождественка улица, Софийка улица, Троицкий переулок* в Москве; *Троицкая слобода* в Рязани. Монастырские экклезионимы разнообразны: это лавра (*Печерская лавра*), пустынь (*Оптинская пустынь*), монастырь (*Страстной монастырь*), а то и просто равные имени святого названия – *Никола Радовица, Сергий Троица*. Изредка встречаются у него и названия святынь, построенные по иному типу: например, с упоминанием свяности и спасения (причем и в иноземных топонимах): *Спас-Клепики, Спасск, Сан-Франциск и Сан-Франциско*. Слово «Бог» породило множество топонимов, часто встречающихся у Есенина: *Богульма, Богородск, Богословское, Богословский пер.* Противоположные и конечные географические точки – *Рай и Ад* – также выделяются и в творчестве Есенина.

Известно пристрастие Есенина к цвету. Это отчасти воплотилось и в топонимах, включающих в свой состав (в виде одного из корней или слов) цветовую характеристику: *Белоборка, Белое море, Красноводск, Черная речка и Черное море*. Закономерно, что цветовая гамма в топонимах традиционна и характерна именно для народной культуры. Кроме того, в ней отражена типичная цветопись, доминантная для определенных периодов творчества Есенина или для его философских обобщений.

Послереволюционная эпоха породила новый лексикон, и, опираясь на него, Есенин составляет свою топонимику (как репертуар применяемых в собственном творчестве географический названий) и создает индивидуальную топонимическую картину мира. У поэта появляются однотипные заглавия стихотворений и их варианты, начинающиеся с топонима, часто с единого (что об разует подобие лирического цикла; неслучайно поэт в подготовленном им томе 2 «Собрания стихотворений» расположил эти «маленькие поэмы» друг за другом): «Русь советская», «Русь бесприютная» (вариант «Русь беспризорная» – II, 413), «Русь уходящая». Интересно, что первое заглавие имеет разноточение, когда эпитет пишется со строчной или с заглавной буквы: И в случае «Русь Советская» все название стихотворения выглядит как единый топоним, подчеркивающий новый статус и решительный поворот в историческом курсе развития прославленной в веках державы. Заметим, что *Русь Советская* не смотрится есенинским окказионализмом и более близка к топонимому-неологизму, аналогичному *Советской России*, также имеющемуся у Есенина. Именно политические события и идеология Октябрьской 1917 г. революции породили производное от известного русского слова совет – имя прилагательное «советский», которое теперь стало звучать как топонимический эпитет, а прежде допускалось лишь в потенциальном виде для составной части топонима. Более того, первоначально воспринимаемое как топонимический эпитет, это прилагательное в активной начальной позиции двухсловного сочетания стало интенсивно порождать многочисленные топонимы, отражающие эпоху: например, введенная в есенинский топонимикой *Советская площадь*.

Как пространство суши на административно-территориальной карте разделено на большие части – государства, так и у Есенина эти топонимы выведены в заглавиях некоторых его произведений как определяющие их глобальную сущность, отражающие мироустройство в национальном ракурсе: «Бельгия», «Греция», «Польша», «Иония», «Страна Негодяев», «Русь Советская». Интересно проследить, как меняется на протяжении лет творческого становления поэта его индивидуальное «страноведение»: что

за побудительные причины вызвали к жизни интерес к государству как к лиро-эпическому объекту; просматриваются ли какие-нибудь особые поэтические приемы и сюжетные повороты применительно к государственной тематике; по единим или несовпадающим критериям представлена каждая конкретная страна; подчиняется ли какому-то логическому развитию идея государственности по хронологической линии топонимических заглавий стихотворений и «маленьких поэм» и т.д.

В качестве яркого и очевидного поэтического приема из разряда «топонимических» приведем заглавие цикла очерков «Железный Миргород»: в нем сущность США определяется посредством усиления метафоры, ведущей начало от Гоголя, однако топоним, который прежде определял маленький городишко, теперь стал символом огромного государства, чем моментально до-нельзя понизил его статус (во всяком случае, в сознании автора). Наоборот, хронологически более ранние в творчестве Есенина и вызванные его откликом на первую мировую войну такие заглавия стихотворений, как «Бельгия», «Греция» и «Польша», вывели на мировой уровень эти небольшие по размеру и неброские в культурно-историческом плане страны. Множество разбросанных по разным произведениям «государственных» топонимов, расположенных внутри текста, свидетельствует о «географическом» кругозоре Есенина, о его внимании к национальным проблемам различных стран, к истории цивилизации и к любви к путешествиям; в этом же аспекте уместен и вопрос о соотношении космополитизма и патриотизма автора.

Представление о существенной связи топонимических изысканий ради создания собственной географической поэтики на разных этапах жизненного пути поэта было неоднозначным. В письме к Е.И. Лившиц от 1 августа 1920 г. из Минеральных Вод Есенин писал: «Сейчас у меня зародилась мысль о вредности путешествий для меня. Я не знаю, что было бы со мной, если б случайно мне пришлось объездить весь земной шар? Конечно, если не пистолет юнкера Шмидта, то, во всяком случае, что-нибудь разрушающее чувство земного диапазона. Уж до того на этой планете скучно» (VI, 115).

Взгляд Есенина на мироустройство кардинально изменился вследствие его зарубежного путешествия. Соответственные изменения затронули и авторское отношение к топонимам. Так, Есенин в личной переписке вынужден был применять транслитерацию в отношении как русских, так и иноязычных географических названий: *Bolschaia Nikitskaia*, а поскольку поэт декларировал свое принципиальное нежелание изучать иностранные языки и не имел лингвистического образования (отлично знал только церковнославянский язык), то и побуквенное калькирование топонимов получалось не совсем точным, хотя и узнаваемым. Вместе с тем Есенин отдавал дань уважения социальным достижениям принимающего государства и писал в «Железном Миргороде»; используя орфоэпическое написание латиницей известной английской фразы: «Когда мы сели в автомобиль, я сказал журналистам: «*Mi laik Amerika...*»» (V, 166).

Путешествие в Америку вызвало и серьезные творческие перемены. Теперь Есенин пишет название географического объекта на разных языках, в том числе и производит транслитерацию на русский (с включением родового названия *сити, city* – «город»). В результате зарубежного турне Есенин не только излишне смело вводит в ткань повествования об Америке слова *bizness* и *miss* в написании «на слух» не владеющего английским языком человека, но уверенно пользующегося латиницей, но и переосмысливает в предельно обобщенном плане главный государственный топоним Америки в русском переводе, чем лишает его узкого географического значения и применяет к родине в окказиональном парадоксальном ключе:

Хочу я быть певцом
И гражданином,
Чтоб каждому,
Как гордость и пример,
Был настоящим,
А не сводным сыном
В великих штатах СССР

«Стансы» (1924)

Единственное, хотя и продолжительное зарубежное путешествие Есенина наложило неизгладимый отпечаток на душу

поэта. В конце своей жизни Есенин снова намеревался совершить заграничное турне и писал из московской больницы 27 ноября 1925 года П.И. Чагину: «...и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки» (VI, 228).

Географическая в своей основе, над российской поэзией витала спорная идея: поэт должен оставаться «гражданином родных полей» или стать «гражданином мира». Постановкой этой идеи для себя (для своего лирического героя и читателя) и вариативным ее решением занимается Есенин в «Стране Негодяев» (в согласии с топонимическим заглавием поэмы!): Чекистов, он же Лейбман, который «жил // За границей» и у которого «Все равно в Могилеве твой дом», говорит о себе – «Я гражданин из Веймара» (III, 56); Номах характеризует свою сущность – «Я – гражданин вселенной» (III, 62); Рассветов вспоминает мысль мистера Джима – «И мы будем королями мира...» (III, 70). В соответствии с развитием действия поэмы «география» героев также идет по нарастающей: земные границы расширяются до предельного планетарного масштаба. Найдет ли устремление персонажей к «географическому господству» успешное разрешение в финале поэмы или же будет развенчана придуманная автором «геополитика» его героев – в этом заключена «географическая интрига» поэмы. Так «топонимическая поэтика» помогает автору ставить замысловатые сюжетные ходы и решать идейно-содержательные задачи своего произведения.

Очень важным для понимания особенностей есенинской топонимики является вопрос об использовании поэтом географических названий в переносном смысле (как в привычном, так и сугубо индивидуальном), а также о создании на этой основе авторских окказионализмов. Обычный для русской грамматики неморфологический способ создания из имени собственного нарицательного наименования использован Есениным в индивидуальном квази-топониме, уникальном для его творчества: в рязанях. В.И. Эрлих вспоминал негодование Есенина по поводу «топонимического» фрагмента в корректуре «Москвы кабацкой»: «Корректор, дьявол, второй раз в “рязанях” заглавную букву ставит!

Что ж он думает, я не знаю, как Рязань пишется?»⁵ В.И. Эрлих подчеркивает, как Есенин гордился своей «малой родиной», легшей краеугольным камнем в основание его поэзии: «Знаешь, почему я – поэт.. У меня родина есть! У меня – Рязань! Я вышел оттуда и, какой ни на есть, а приду туда же!»⁶

Другое необычное словечко, наоборот, получилось у Есенина морфологическим (аффиксальным) путем из топонима, который вследствие усиления переносного смысла потерял географическую привязку и даже стал глаголом: *голгофят*. Известно, что всякий монастырь представляет собой уменьшенный аналог Земли Обетованной и в нем имеется своя *Голгофа* – гора с распятым Иисусом Христом, а в любой церкви свечки за упокой ставят также на *Голгофе* – специальном постаменте с символической горой с крестом и черепом Адама с двумя скрещенными костями.

О широте есенинской географии свидетельствуют не только топонимы, но и географические понятия иного ряда – топонимические эпитеты (то есть определения, образованные от топонимов) и этнонимы, еще более раздвигающие рамки авторской поэтической карты: напр., *американец*, *американский*. Для есенинского мировосприятия показательно появление в его сочинениях этнонимов, осмысливаемых автором как топонимы и соответственно написанных с заглавной буквы: «Любимая Чудь и Мордва!» (поэт сохранил и привычное написание – «Затерялась Русь в мордве и чуди» или «Дьявол нас, знать, занес // К этой грязной мордве // И вонючим черемисам» – III, 55).

Для Есенина топонимы (по крайней мере, определенная их часть) были теми же источниками художественной образности, которые, совместно с обычной нарицательной лексикой подчиняясь единым законам этимологии, могли приоткрыть завесу исторического прошлого русской культуры. Поэта не волновало, что часто в своих лингвистических построениях он оказывался на стезе «народной (ложной) этимологии»: ведь он брал пример и ориентировался на этимологические схемы великих филологов-«мифологов» XIX – начала XX веков – А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева,

⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Под ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М., 1995. – С. 402.

⁶ Там же.

А.А. Потебни и др. Для Есенина как для поэта была важна мировоззренческая сущность лингвистических откровений, сокрытых в корневых морфемах и даже в созвучиях. Всеволод Рождественский вспоминал размышление Есенина в октябре 1923 г.: «Россия, – произнес он протяжно и грустно, – и роса и сила и синее что-то...».⁷

Однако Есенину было чуждо ура-патриотическое отношение к родине, заключавшееся порой в нарочитой архаизации ее названия (поэт сознательно берет такой топоним-историзм в кавычки). Такой трезво оценивающий внутреннее состояние России взгляд проявился у поэта после его путешествия на другой континент и возможности здимого сопоставления различных уровней цивилизации. В «Железном Миргороде» (1923) он рассуждал: «Вспомнил про “дым отечества”, про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за “Русь” как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию» (V, 162).

В различных фольклорных жанрах также фигурируют топонимы, иногда входя в структуру произведения на уровне его сюжета или композиции. Из жанров устного народного творчества, к которым особо пристальное внимание проявлял Есенин – записывал и составлял целые подборки текстов для печати, выделяются частушки с их топонимической разновидностью. Это частушки, содержание которых выстраивается вокруг местного географического объекта; поэтому-то при общности сюжетно-композиционной схемы эти произведения оказываются наиболее родными, территориально-близкими и проникновенными, затрагивающими интересы жителей конкретных населенных пунктов. Можно также предположить, что по своему генезису именно топонимические частушки являются одним из первых жанровых подвидов, отпочковавшихся от необрядовых «топонимических песен». Сестрами Екатериной и Александрой Есениными вскоре после гибели поэта были записаны в их родном селе Константинове Рязанской области и опубликованы в 1927 году частушки, в том

⁷ Цит. по: Карохин Л. Сергей Есенин и Виктор Шимановский. – СПб., 2000. № 37.

числе и топонимические, сохранившие те же самые топонимы, которые встречаются в есенинском творчестве:

Скоро, скоро я уеду
На станцию Дивово,
Оставлю вам, подруги,
Симпатию милого...

Проводила милого
На станцию Дивово.
До белого камушка,
До свиданья, Ванюшка⁸.

В Константинове также бытowała народная необрядовая песня с топонимом «Ехал Ваня из Рязани...»⁹, которую любила петь мать поэта Т.Ф. Есенина и которую Есенин частично процитировал в стихотворении «Форма. 2. Народная» с подзаголовком-уточнением «Подражание песенке матери» и с измененной первой строкой – «Ехал барин из Рязани» (VI, 192-193, комм. с. 418 – 419). Рязань упомянута в величальной песне, которую «поют свахе на свадьбе» в с. Слободка Михайловского района Рязанской области:

Как на нашей перепёлочке
Перышки рябые.
Как на нашей да на свахе
Платье дорогое.
Нет тут жить ей быть –
В городе Рязани.
При городе, при Рязани
Торгом торговати¹⁰.

С детских лет Есенин постигал местную топонимику на примере названий окрестностей, причем в рассказах старших сельские топонимы нередко имели хронологическую приуроченность – будничную и праздничную. Например, в с. Кузьминское базары устраивались по вторникам; церковные престолы разнились в со-

⁸ Частушки родины Есенина – села Константинова / Сост. Е. и А. Есенины; предисл. К. Смирнова. – М., 1927. – С. 41.

⁹ См.: Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. – М., 1992. Ч. 2. – С. 41.

¹⁰ РГПИ, 1972. Михайловский р-н, с. Слободка. Тетр. 2 № 16 (4).

седних храмовых селениях и привлекали к себе внимание соседних жителей – «Степан Иванович, кузьминский мужик, привозил свою карусель в престольные праздники в окрестные села... В Федякино – на Рождество, в Сельцы – на Покров, в Константинове – на Софию»¹¹ Сестра А.А. Есенина вспоминала, как по вторникам волостное село превращалось в центр крестьянского мира: «В Кузьминском один раз в неделю, по вторникам, бывали большие базары. Сюда съезжались крестьяне со всех окрестных деревень. Здесь можно было купить все – начиная от лаптей и глиняных горшков до коров и лошадей; можно было узнать, где продается дом, кто в соседнем селе умер, кто женился, кто разделился. Вторник – всему миру свидание. На базар ходили и купить, и продать, и просто прогуляться, узнать новости»¹².

Самые мелкие топонимы, не отмеченные ни на каких картах (разве что на планах местного значения), Есенин узнавал с детства в тех же окрестностях Константинова – примерно так взрослые односельчане могли рассказывать мальчику о территориальном порядке косьбы: «Сенокос начинается с “Первой пожень” или “Вереи”. На пути у косцов “Журавка”, “Кукариха”, “Зада”, “Лубянки”, “Белоборка”, “Студенка”, “Коноплянье”, “Дальние косы”, “Долгое”...»¹³. Эти же и подобные названия сенокосных угодий привела в своих воспоминаниях сестра А.А. Есенина: «Все луга наши делились на несколько частей, и каждая из них имела свое название: Белоборка, Журавка, Долгое, Первая пожень и другие»¹⁴. Подрастая и знакомясь с более удаленными географическими названиями, Есенин мог заметить повторяемость и близкую вариативность некоторых из них на разных территориях – в пределах Рязанской губернии, а то и всей России: например, Верея – пожень и город, Лубянки – пожень и Лубянки – село.

Есенин осознавал отправление письма и написание адреса на конверте или почтовой карточке как покорение географических

¹¹ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. – М., 1992, Ч. 2. – С. 218.

¹² Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. – М., 1995. – С. 29.

¹³ Панфилов А.Д. Константиновский меридиан: В 2 ч. – М., 1992. Ч. 2. – С. 134.

¹⁴ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. – М., 1995. – С. 32.

кого пространства и предлагал А.А. Сардановской в письме от первой декады июля 1916 года из Царского Села: «P.S. Если вздумаешь перекинуться в пространство, то напиши» (VI, 80). Другой способ, более личностный, постижения пространства – это реальное путешествие. С.С. Виноградская вспоминала: «В один миг надумает поездку, и через час или день поезд мчит его в деревню, на север или на юг, на запад или восток. Станут его отговаривать от поездки, доказывая ненужность ее, а он: “Да нет, да знаете, ведь мне очень нужно поехать, да, да! Нужно! Понимаете, нужно!”»¹⁵.

Особенности топонимической поэтики проявляются на разных уровнях. Во-первых, это количество топонимов, приходящееся на все художественное творчество писателя. Во-вторых, разнотипность и структура географических имен (однотипность топонимов вряд ли возможна). В-третьих, важно, в авторском ли повествовании появляются топонимы или они вкладываются в уста персонажей. В-четвертых, выразительность языкового воплощения географического объекта может быть определена его названием на родном или чужом языке, транслитерационно (и создавать макаронический эффект), литературно правильно или неграмотно, диалектно или окказионально, отражать современное разговорное или устаревшее произношение, соответствовать официальному стандарту или ориентироваться на местные нормы, быть сокращенным и даже аббревиатурой и т.д. В-пятых, показательно соединение ряда топонимов в одном сочинении; причем в некоторых текстах географических наименований оказывается достаточно, чтобы с их помощью автор мог проводить какую-нибудь важную для него идею или мысль, другие же произведения совсем лишены территориальных имен и не нуждаются в них. В-шестых, интересно, черпает ли сочинитель топонимы из общего современного ему реестра топонимов или выбирает исторические, а также пользуется ли он топонимами-неологизмами и окказиональными находками других писателей. И тогда, подчиняясь общим законам цитирования, авторские топонимы получают вторую жизнь у писателя-восприемника.

¹⁵ Как жил Есенин: Мемуарная проза / Сост. А.Л. Казаков. – Челябинск, 1992 (1991). – С. 7.

«...ВЕДЬ ЭТО ЖЕ СПЛОШНАЯ ПОЭЗИЯ!»

Русские пословицы и поговорки в языке С.А. Есенина

Л.А. Архипова

(Государственный музей-заповедник С.А. Есенина,
с. Константиново)

В своих воспоминаниях о Сергее Есенине Николай Константинович Вержбицкий, главный редактор газеты «Заря Востока», рассказывает: «Есенин любил всякие литературные поиски. Он часто говорил: «Народу свойственно употреблять в самом обыкновенном разговоре образы, потому что он думает образно. Мы все говорим: «след простила», «глаз не оторвать», «слезу прошибло», «намозолили глаза» и тому подобное. Даже одно такое слово, как «сплетня» – сплошной образ: что-то гнусное, петлястое, лживое, плетущееся на хилых ногах из дома в дом... А возьмем пословицы и поговорки – ведь это же сплошная поэзия!».

Сейчас, когда мы знаем Сергея Есенина как великого национального поэта, это его высказывание не вызывает удивления. Нам, теперешним, оно представляется само собой разумеющимся: ведь Есенин – классик. Мы воспринимаем его восхищенное отношение к устному народному творчеству как должное.

Однако каким же внимательным нужно было быть к живой разговорной народной речи, чтобы так ее слышать, как он, воспринимать, оценивать и чувствовать образные, богатые житейской мудростью афористичные выражения неграмотных константиновских мужиков, как он!

Очевидно, что не только живое общение с односельчанами, но и абсолютное чутье родного языка позволяло Сергею Есенину в совершенстве знать и ценить меткие, яркие обороты повседневной крестьянской речи, свойственные нашему народу.

Такое глубокое понимание, знание и любовь к живому разговорному языку своих земляков Сергей Есенин пронес через всю свою творческую жизнь, широко и к месту использовал их в общении с современниками, о чем рассказывают они в своих воспоминаниях.

Николай Вержбицкий писал: «Есенин быстро схватывал нужное, был довольно проницателен и предугадлив. Любил говорить: «*Не-ет, мужика и леший в лесу не окрутит!*»».

Анатолий Мариенгоф в книге «Мой век, мои друзья и подруги» рассказывает, как после возвращения из-за границы Сергей Есенин решил крестить его маленького сына Кирилла: «Я наполню купель до краев шампанским. Стихи будут молитвами. Ух, какие молитвы я сложу о Кирилке! *Чертям тошно будет, а святые возрадуются. Согласны?*».

Родители с радостью согласились, но запротестовала теща Мариенгофа, которую так и не удалось переубедить, на что огорченный «неудавшийся крестный» сказал: «“*Веник в бане всем господин.*”

С господом вовсе не спорница
Богословская наша горница, —

где-то написал Есенин, а потом вычеркнул. Не понравилось.»

А. Мариенгоф рассказывал, что в 1925 году Сергей Есенин писал стихи «почти без помарок». Тем не менее «они были безу-корицненны даже по форме, более изощренной, чем когда-либо. Я говорю – изощренной, понимая под этим лиричность, точность, предельную простоту при своеобразии. Это было подлинное чудо! В молодые добрые времена он никогда не работал легко и быстро. С лирическим стихотворением, зачавшимся в голове, любил «побродить и переспать ночку».

Мне говорил: «*В корове, Толя, молоко не прокиснет!*».

Анатолий Мариенгоф донес до нас, как он говорит, «любимое есенинское словцо», которое он повторял вслед за Есениным, сочувствуя кому-либо: «*Вот горе-гореваньице!*»

Использование Сергеем Есениным пословиц и поговорок нашло яркое отражение и в его письмах. Приводим отрывки из его писем разных лет:

Г. Панфилову (Москва, осень 1912 г.):

«А заря недалека, и за нею светлый день. *Посидим у моря, подождем погоды, когда-нибудь и утихнут бурные волны на нем и можно будет без опасения кататься на плоскодонном челноке.*»

Г. Панфилову (Москва, конец августа – начало сентября 1913 г.):

«Здесь много садов, оранжерей, но что они в сравнении с красотами родимых полей и лесов. Да и люди-то здесь совсем не такие. Да, друг, идеализм отжил здесь свой век, а с кем ни поговори, услышишь одно и то же: “Деньги – главное дело”, а если будешь возражать, то тебе говорят: “Молод, зелен, поживешь – изменишься”. И уже заранее причисляют к героям мещанского счастья, считая это лучшим блаженством жизни. Все погрузились в себя, и если бы снова явился Христос, то он снова погиб бы, не разбудив эти заснувшие души.»

Г. Панфилову (Москва, февраль 1914 г.):

«Благодарю за приглашение, но приехать не могу, есть дела важные дома. Вот летом, тогда с великим восторгом. Распечатался я во всю ивановскую.»

Н. Ливкину (Царское Село, 12 августа 1916 г.):

«Ну, разве я могу в чем-нибудь помешать вам как поэту? Да я просто дрянь какая-то после этого был бы, которая не литературу любит, а потроха выворачивает. Это мне было еще больней, когда я узнал, что обо мне так могут думать, но, о в общем-то, ведь *все это выеденного яйца не стоит.*»

М. Аверьянову (Царское Село, ноябрь 1916 г.):

«Дорогой Михаил Васильевич!

Положение мое скверное. Хожу отрапанный, *голодный, как волк*, а кругом все подтягивают. *Сапоги каши просят*, требуют, чтоб был, как зеркало, но совсем почти невозможно.»

М. Мурашеву (Петроград, 21 ноября 1917 г.):

«Дорогой Миша!

Посылаю тебе билет, но извини, что не мог зайти сам к тебе. *Занят по горло*, а телефон твой не работает.»

Профессиональному Союзу писателей (Москва, до 20 декабря 1918 г.):

«Хозяйство мое весьма маленькое (лошадь, две коровы, несколько мелких животных и т.д.) и всякий налог может *выбить меня из колеи* творческой работы, то есть вполне приостановить ее, ибо я, не эксплуатируя чужого труда, только этим и поддерживаю жизнь моей семьи.»

Е. Эйгес (Москва, осень 1919 г.):

«Как и нужно было ждать, вчера я муку тебе не принес.

Сегодня утром ташили чемодан к тебе с Мариенгофом и ругались на чем свет стоит.»

А. Ширяевцу (Москва, 26 июня 1920 г.):

«А Клюев, дорогой мой, — бестия. Хитрый, как лисица, и все это, знаешь, так: под себя. Слава Богу, что *бодливой корове рога не даются*. Пополнования-то он в себе таит большие, а силенки-то мало. Очень похож на свои стихи, такой же корявый, неряшливый, простой по виду, а внутри — черт.»

Н. Клюеву (Москва, 5 мая 1922):

«В Москву я тебе до осени ехать не советую, ибо здесь пока все в периоде организации и пусто — *хоть шаром покати*.»

Е. Есениной (Венеция, 10 августа 1922 г.):

«Живи и гляди в оба: Все, что бы ты ни сделала плохого, будет исключительно плохо для тебя; если я узнаю, как приеду, что ты пила табачный настой, как однажды, или еще что, то оторву тебе голову или отдам в прачки. Того ты будешь достойна. Ты только должна учиться, учиться и читать. Язык держи за зубами. На все, исключительно на все, когда тебя будут выпытывать, отвечай “не знаю”.»

Е. Есениной (Тифлис, 17 сентября 1924 г.):

«Передай Савкину, что этих бездарностей я не боюсь, что бы они ни делали. *Мышиными зубами горы не подточишь*.»

М. Лившиц. (Тифлис, 20 октября 1924 г.):

«Спасибо за вырезки, которые Вы послали Вардину для передачи под каким-нибудь соусом мне. Не боюсь я этой мариенгофской твари и их подлости нисколечко. *Ни лебедя, ни гуся вода не мочит*.»

Г. Бениславской (Батум, 12 декабря 1924 г.):

«Пока жму Ваши руки.

Екатерину жсмите *больше в кулаки*.»

Г. Бениславской (Батум, 20 декабря 1924 г.):

«Вообще хочу привести всех в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают. *Пусть они выкусят...*

...Берлину продавайте. Вообще все делайте, как найдете нужным. *Каши маслом не испортишь*.»

Н. Вержбицкому (Батум, 26 января 1925 г.):

«Да и вообще с женитьбой я просто дурака валял. Я в эти оглобли не коренник. Лучше так, сбоку, пристяжным. И простору больше, и хомут не трет, и кнут реже достает.»

Н. Вержбицкому (Москва, июнь – июль 1925 г.):

«Все, на что я надеялся, о чем мечтал, *идет прахом*. Видно, в Москве мне не остынеться. Семейная *жизнь не kleится*, хочу бежать. Куда? На Кавказ!»

А. Берзинь:

«Милая Анна Абрамовна!

Дорогая, дорогая. Вы, вероятно, меня уже забыли по свойственной привычке для многих “*с глаз долой - из сердца вон*”».

Благоговейное отношение к созданию русским народом крылатых выражений, пословиц и поговорок стало частью человеческой природы Сергея Есенина и не могло не найти отражения в его творчестве. С их помощью он не только показал, как разговаривают любимые им односельчане в обыденной жизни, но и свою несомненную причастность к ней, к этой жизни и к этой речи.

Наиболее ярким примером в этом отношении стали прозаические произведения С.А. Есенина. В повестях «Яр» и «У белой воды» он использует множество русских народных пословиц и поговорок, бытовавших в Константинове и употреблявшихся в разговорной речи его земляками.

Яр

«– А ты, пожалуй, нарочно уселся так, – обернулся поп опять к дьякону, – грязь-то вся мне в лицо норовит.

– Это, батюшка, Бог *щельму карает*, – огрызнулся дьячок, но, повернувшись на грядке, полетел кубарем в грязь.»

«Перед церковью на дорогу выбежала толпа мужиков и, протянув на весу жердь, загородила дорогу.

Сваха вынесла четверть с водкой и, наливая бражный стакан, приговаривала:

– *Пей, гусь, да пути не мочи.*»

«Не в охоту было Косте жениться, да не захотелось огорчать отца... *Женится – переменится*, – говорил Анисиму уважительный кум. – Я сам такой смолоду олахарь был.»

«– Вот что, Филюшка, – сказал он (Карев – Л.А.), расстегивая пиджак, – Афона до смерти церковь хотел строить. Денег у него было

много, но они где-то зарыты. Дал он мне три тысячи. А ведь с ними
каши не сваришь.»

«Аксютка, облокотясь, тянул из глиняной трубы сизый дым и, отплевываясь, улыбался.

— Ладно тебе жалеть-то, — махнул он рукой. — Либо пан, либо пропал!»

«— Дельце, — говорит, — у меня тут есть. Вдвоем, как пить да-дим, обработаем.»

«— Поди-ка съешь кулака, — волновался Микитка. — А откуда у нас жерди-то, чьи строги-то в телегах?.. — Это вы губами шлепаете, мы у вас в овине всю солому покрали, а вы и не знаете...»

«— Жалко, жалко, — мотал рыжей бородой дьякон, — только же-нился и на поди какой грех.

— Стало быть, богу угодно так, — грустно и тихо говорил Ани-сим, с покорностью принимая свое горе. — Видно, на роду ему было написано. От судьбы, говорится, на коне не ускочишь.»

«Теперь, когда померла мать, жениться будет и дома останется. Может быть, остался бы, если не Мишка... Подросток, припадочный... ему без Степана живая могила.»

«— На старости спасаться пришел, — шамкал беззубый седой игумен, — путево, путево, человече... В писании сказано: грядущего ко мне не изжену вон, — бог видит душу-то. У него все мысли ее записаны.»

«Дед Иен подошел сзади и ухватил ее (Просинью — Л.А.) за груди. — Ай да старик! — засмеялись бабы.

— Ах ты, юрлов купырь! — ухмыльнулась Просиня. — Одной ногой в гроб глядишь, а другой в сметану тычешь.»

«Озорной, кормилиц, народ стал. Книжки стал читать, а уж эти книжки сохе пожар.»

«— Да, бают, помешик возил с работниками, ходили обыскивать. А разве сыщешь... он сам семь волков съел. Проведет и выведет.»

«— Вот он, — обернулись они. — На помин легок.»

«— Все равно пропадать, жалко ведь лошадь-то, узнает обще-ство, и поминай как звали.»

«— Шабаш, — крякнули все в один раз, — теперь как бог приведет, до будущего года.»

«— Мало ли ее (клюквы — Л.А.) у нас, — кинул с усмешкой Филипп, — о крошке жалеть при целом пироге нечего.»

«Лимпиада внесла прялку и поставила около мотальник.

— Распутывай, Ванчик, — сказала, улыбаясь, она. — Буду ткать, холстину посулю.

— Только не обманывать, — сел на корточки он. Уж ты так давно мне даешь.

— Мы тогда сами отрежем, — засмеялся Филипп. — *Коли поязано* (обещано — Л.А.), *так давай подавай*.»

«Пошли к попу, просили с молебном кругом села пройти. Поп, *дай не дай*, четвертную ломит.

— Ты, батюшка, *крест с нас сымаешь*! — кричали мужики. — Мы будем жаловаться ирхерю.

— Хоть к митрополиту ступайте, — ругался поп. — Задаром я вам слоняться не буду.»

«Староста вышел на крыльцо и, позвякивая коючами, заорал во все горло:

— Я вам дам такие ключи, сволочи! Думаете — вас много, так с вами и сладу нет... Нет, голубчики, *мы вас в дугу согнем*!»

«— Ты чего так шумишь-то? — подошел он, пристально глядя на пристава. — У тебя еще *матерно молоко на губах не обсохло* ругаться по матушке-то.»

«— Не тоскуй, касаточка, — говорил Епишка Анне. — *Все перемелется в муку*.»

«— Все мы люди, все люди, а сердце-то у кого свиное, а у кого собачье. Нету в нас, как говорится, ни добра, ни совести; *правдато*, сказано, *в землю зарыта*...»

«Писариха подняла ногу и плонула на каблук.

— В пятках он (муж — Л.А.) у меня, я с ним и разговаривать не стану.»

«— На вас креста нет, — зашумели мужики...

— Куда хошь ссылай, нам все одно. Кому Сибирь, а нам мать родная.»

«Стало подсасывать что-то опять Епишку, не сиделось ему дома, горько было на чужое добро смотреть. Чужое несчастье на счастье пошло.»

«Ждала Марфа отца и ждать отказалась, уж замуж успела выйти, мужа к себе приняла, а он как в воду канул.»

«— Да, совсем, проститься зайду. Не поминайте лихом, а уж сделал чего плохого, то прошу прощенья...»

У белой воды

«Она помнила, как клялась Корнею, что хотя раз оборвешь, то уже без узла не натянешь...»

«— Надоел я тебе, — говорил, свешивая голову с кровати Корней, — измаялась ты вся, так что и лица на тебе не стало.

Отрадно, что и в XXI веке земляки великого поэта сохранили и употребляют в разговорной речи множество и широкоизвестных и присущих только константиновским жителям пословиц и поговорок. Здесь и теперь скажут:

- об умелой, ловкой, чистоплотной хозяйке, которая все успевает делать: «У нее вокруг ноги - пироги»;
- о беспросветном существовании, о преследовании череды бед, неудач и неприятностей: «Запевай, кругом срослося!»;
- о человеке умном, рассудительном, принимающем верные решения: «Из умов сшитый»;
- о человеке, который явно утаивает чужие деньги: «У попа не бывает сдачи, а у портного - остатки»;
- о человеке несговорчивом, упрямом: «Ни на кнут, ни на палку не поддается»;
- о бессмысленных переменах, бестолковых решениях и перестановках: «Перевес порток на новый гвоздок»;
- о скандалах, ругани: «Хоть святых выноси» или «Верх с избы снимают»;

- о проявлении ярких наследственных черт: «*Не из родни, а в родню*»;
- о лицемерии: «*Богу молишься, а черту служишь*»;
- о грядущем возмездии: «*Бог не Микишка – у него своя книжка*»;
- о хлебе насущном: «*Хлеба край – везде рай, нет ни куска – везде тоска*» или «*Хлеб – хозяин, а деньги – гости*».

В заключение хочется привести наиболее интересные пословицы и поговорки, сохранившиеся в народе с есенинского времени, которые и теперь бытуют на его родине – в селе Константинове:

А на лето (на следующий год – Л.А.) – что Бог налепит.

У Бога всего много.

Где черт не справится – туда бабу посыпает.

Бог рога приделает – будешь носить.

Как у Христа за пазухой.

Не гневи Бога.

Господь терпел и нам велел.

Кто рано встает – тому Бог дает.

Бог дал – Бог взял.

Чем черт не шутит, когда Бог спит.

Дай Бог деток – дай Бог счастья.

Бог труды любит.

Бог видит – не обидит.

Един Бог без греха.

В чужую душу не влезешь.

Из души три души вытягиваешь.

Не вздыхай тяжело – не отдадим далеко.

Мать – кривая душа.

Мать не послушаешь – век несчастным будешь.

Несчастным зародишься – несчастным и помрешь.

Что в ком зарожено, тот с тем и помрет.

Бедному Ванюшке – везде камешки.

Бедному Ванюшке жениться – ночь коротка.

Одна голова не бедна, а и бедна – одна.

На всю жизнь не напасешься.

Что было, видели, что будет – поглядим.

Ешь, собака, незнамое (незнакомое – Л.А.).
Какой мосол достался, такой и грызи.
Стыд – не дым: глаза не ест.
Скажешь правду – потеряешь дружбу.
Правда со дна моря вынесет.
От правды рукой не заслонишься.
Где родился, там и пригодился.
На одном месте и камень обрастает.
Я за мужа завалюсь – ничего я не боюсь.
Замуж выйти не напасть, как бы замужем не пропасть.
У некрасивого на руке полежишь, у красивого – в ногах постоишь.
Лучше десять деверей, чем одна золовка.
Судьба придет – и на печи найдет.
От судьбы не убежишь.
Судьбу на коне не объедешь.
Судьба придет – по рукам свяжет.
Семеро наваливай – один тащи.
Курочка в гнезде, яичко в нутре, а хозяин уже со сковородкой
бегает.
Велика Федора – да черт ей рад.
Не спрашивай старого, спрашивай малого.
Теперь бы калачок, да к бабе под бочок.
Вода дырочку найдет.
Ох, замялись костушки от лихой работушки.
Рука руку моет – обе белые бывают.
Поп к обедне не опоздает.
Пить – так водку, любить – так молодку, воровать – так миллион.
Каждый кулик на своем болоте велик.
Не все коту масленица, будет и великий пост.
Улита едет – когда-то будет.
Дорого яичко ко Христову дню.
Дорога ложка к обеду.
Велика Федула да дура.
Попал в волчью стаю – по-волчьи вой.
Ни лаской, ни таской.
Голь на выдумку хитра.
Нищему одеться – только подпоясаться.

Пьяному море по колено, а лужа по уши.
Что у трезвого на уме – у пьяного на языке.
Где власть, там и сласть.
Своя рука – владыка.
Хозяин – барин.
На всех не угодишь.
На вкус и цвет товарища нет.
И солнышко-то всем неодинаково светит.
Кто прям, тот упрям.
От худого семени не жди доброго племени.
Яблоко от яблони недалеко падает да иногда далеко откатывается.
Кто смел, тот и съел.
Молчи, кума, у самой муж пьяница.
Наелася, напилась и на бок полеглася.
Грязь не сало, потер – и отстало.
В семье не без урода.
В каждом дому по кому.
В каждой избушке свои погремушки.
У каждого свой крест.
Красота до венца, а разум до конца.
Голод – не тетка, пирога не подсунет.
Пустое брюхо к наукам глухо.
Были бы кости – мясо нарастет.
Лень-матушка вперед тебя родилась.
Что в земле рождается – на столе годится.
Дума за горами, а смерть за плечами.
Сколько ни живи, а умирать надо.
От смерти не отмолишься, не откостишься.
От сумы да от тюрьмы не зарекайся.
Наша горница с улицей не спорится (или не спорница).
Обманули простака на четыре пятака.
Мужу-псу не выказывай душу всю.
Вместе – тесно, врозь – скучно.
Нет – купил бы, есть – убил бы.
Скорый суд – неправый суд.
Кому – тюрьма, а кому – мать родна.
За что боролись, на то и напоролись.

Здравствуй на хлеб не намажешь, а из привета шубы не сошьешь.
Чайку попьешь — согреешь душу, развязешь языки.
Ножки с подхodom, ручки с подносом, уста с приговором.
Не все то свято, что в книги впято.
Еврей крещеный, что вор прощеный.
Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит.
Позарился Мартын на чужой алтын, а ума в башке не имеет:
лучше свое латано, чем чужое хватано.
При хорошем соседе и бедная жизнь не замечается, при плохом и богатая в пыль распыляется.
Уснешь как умрешь.
От черта молитвой спасешься, а от тебя — ничем.
Везет как утопленнику.
Мне с тобой детей не крестить.
Нашел мягкий хлеб.
Не жили богато — нечего начинать.
Прикуси язык.
Типун тебе на язык.
Держи язык за зубами.
Береги язык свой.
Пришел марток — надевай семеро порток.
Наговорил и в долг и на деньги.

Все пословицы и поговорки, собранные нами, вышли из многократно повторяющихся жизненных ситуаций и обобщались народом посредством глубоких размышлений, складываясь в горькие или ироничные, сочувственные или резкие суждения. Их актуальность очевидна, современное звучание неоспоримо. Но главное их достоинство в том, что и сейчас их можно услышать такими, какими их слышал и запоминал Сергей Есенин.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ С. ЕСЕНИНЫМ В КОНСТАНТИНОВЕ

Л.В. Калинина

(Государственный музей-заповедник
С.А. Есенина, с. Константиново)

Из всего поэтического наследия С. Есенина, а по собственному признанию поэта оно составляет не менее «15 тысяч стихотворных строк», часть произведений была создана в его родном селе. В Константинове им были написаны стихотворения, поэмы, рассказы, повесть. Об этом напрямую свидетельствуют письма поэта, воспоминания родных, односельчан, современников, а также те произведения, под которыми С. Есенин сам прописал дату и место создания. На это также указывают исследования есениноведов, в том числе и комментарии в академическом полном собрании сочинений. На основе всех этих источников и была составлена предлагаемая хронология произведений С.А. Есенина, созданных в Константинове.

Первые стихотворные строки были написаны С. Есениным еще в детские и юношеские годы. К сожалению, до нашего времени дошло совсем немного стихотворений Есенина, написанных в Константинове. Часть рукописей, хранившихся в родительском доме, пострадала во время пожара 1922 года. Некоторое количество есенинских автографов, находится еще в частных собраниях. Но тем не менее, почти спустя столетие, мы имеем возможность объективно оценить творчество юного Есенина, располагая тем малым количеством, что сохранили современники.

Затем после переезда в Москву С. Есенин в родном селе бывал наездами, и почти в каждый из приездов были написаны стихи. В родном доме Есенин находил понимание и поддержку родных, он оказывался в кругу семьи, чему всегда был нескованно рад. В родительском доме, в родных с детства местах, находил новые темы для своих произведений, а некоторые были задуманы в Константинове. Другие же были записаны или доработаны по возвращению в Москву.

При всех неоднозначных высказываниях об отношении Есенина к деревне, крестьянам, надо подчеркнуть, что в стихах

он выразил нежную любовь к родному краю, своей малой родине, всему тому, что оставалось дорогим до конца дней. Это душевное единение С. Есенина с малой родиной вызывает самый живой отклик у читателей не одного поколения:

Но более всего
Любовь к родному краю
Меня томила,
Мучила и жгла.

1904 г.

«Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад». *Автобиография. 1923.*
«Стихи писать начал лет с 9, читать выучили в 5. Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки». *Автобиография. 20 июня 1924.*

«Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16–17 годам». *О себе. 1925 г.*

1906 г.

Из воспоминаний И.Ф. Копытина (1894–1979), записанных В.А. Вавиловой: «Я учился с Есениным два года. Учился он хорошо, много читал, знал много стихов наизусть. Он и сам стихи сочинять стал рано. Бывало, лежим на песке, а он вдруг встанет и побежит в воду. Окунется, волосы пригладит и скажет нам: “Ребята, послушайте, что я сочинил:

Щука в рака вцепилась –
На нем кататься училась”» (1906–1907).

1907–1908 гг.

Выражая своего рода протест против ареста жандармами учителя А.И. Воронова, Есенин сочинил четверостишие, направленное в адрес попечителя Константиновского земского училища:

Есть в селе-то у нас барин
По фамилии Кулак,
Попечитель нашей школы,
По прозванию дурак. (1907–1908)

Односельчанин и друг детства Есенина К.П. Воронцов приводил в воспоминаниях четверостишие, которое он запомнил:

Милый друг, не рыйдай,
Не роняй слез из глаз
И душой не страдай:
Близок счастья тот час... (1907–1908)

Он также упоминал, что «стихов в то время у него было много». Полный текст этого стихотворения неизвестен.

1909–1912 гг.

Успешно выдержал вступительные экзамены и начал учиться в Спас-Клепиковской второклассной церковно-учительской школе. «Во время учебы в школе писал стихи. Часть из них вошла в неизданный авторский сборник “Больные думы” и в книгу “Радуница”, изданную в 1916 году». Можно предположить, что некоторые из них были написаны в Константинове.

После окончания школы, в 1912 г., уехал в Москву на постоянное место жительства.

1914 г.

По воспоминаниям младшей сестры, было написано стихотворение «Троицыно утро, утренний канон...». «Это, пожалуй, самый красивый праздник – праздник весны. Под впечатлением этого праздника Сергей написал стихотворение “Троицыно утро, утренний канон...”».

9 июля написал шуточное стихотворение из четырех строф по поводу преодоления реки Оки вплавь.

Сардановский с Сергеем Есениным,
Тут же Рович Костюшка ухватистый
По ту сторону в луг овесененный
Без ладьи вышли на берег скатистый. (1914)

Первые строки этого стихотворения рифмовались так:

..... жизни картиновой
..... понесло Константиново.

Это единственные строки, где С. Есенин упоминает название родного села. Когда в июне 1926 года делегация писателей выезжала в село Константиново, остатки этой надписи еще были видны на двери в доме священника И. Я. Смирнова.

В мае выехал в Константиново. Этот выезд подтверждает письмо С. Есенина к И.К. Коробову: «Адрес мой: Кузьминское п. от., село Константиново, Рязанск. губ. и уез. Сегодня я уезжаю. Пишите». 4 мая 1915 года.

20 мая прибыл в Рязань к месту призыва. Позднее он получил отсрочку от призыва в армию из-за болезни глаз. «Меня забрали в солдаты, но, думаю, воротят: я ведь поника – далеко не вижу...». С. Есенин – Л.В. Берману. 2 июня 1915 года, Константиново.

Из письма к В.С. Чернявскому: «Стихов я написал много. Вот стишок тебе один:

Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.» (1915)

Из того же письма: «Принимаюсь за рассказы. Два уже готовы». В мае – начале июня написал рассказы «У белой воды», «Бобыль и Дружок». Пребывание в Константинове в этот период подтверждается другими письмами. «Письмо я твое получил на покосе, потому писать мне было негде. Стихов я тебе пришлю тут как-нибудь скоро». С. Есенин – В.С. Чернявскому. 22 июля 1915 год. Константиново.

В июле написана повесть «Яр». По сообщению сестры поэта А.А. Есениной, повесть «Яр» была написана братом в Константинове за восемнадцать ночей. В повести Есениным были использованы имена многих односельчан и названия деревень, расположенных в окрестностях Константинова. Работал над составлением своей первой книги стихов.

Живя в родном селе, собирая и записывая сказки, загадки, частушки, песни родной стороны. Мать поэта Т.Ф. Есенина вспоминала: «Какую-нибудь старуху где-нибудь поймает, приведет, посадит, угостит ее, послушает, что она будет говорить про прошлое время».

С. Есенин – Д.В. Философову: «...тут у меня очень много записано сказок и песен». При жизни три сказки, записанные Есениным («Каленые червонцы», «Николин умолот», «Свеча воровская») опубликовал среди других А.М. Ремизов. Публикация 1915

года была сделана без ссылки на поэта. Но в позднейшем издании А.М. Ремизов отметил, что пользовался «рязанскими сказками села Константинова, переданными поэтом С.А. Есениным».

Живя в Константинове, посещал Рязань, Солотчу.

1916 г.

Зачислен санитаром в Царскосельский полевой военно-санитарный поезд № 143. С середины июня и до конца месяца С. Есенин находился в увольнении. Он получил отпуск для поездки на родину. «Худой, остиженный наголо, приехал он на побывку. В этот приезд Сергей написал стихотворение “Я снова здесь, в семье родной...”». Вышеупомянутое стихотворение отмечается по записи, сделанной самим поэтом «916. Июнь. Константиново». Муляж этого рукописного стихотворения можно увидеть в музее поэмы «Анна Снегина».

В авторской рукописи, хранящейся в РГБ под этой общей датой, поэт отметил еще одно стихотворение «В зеленой церкви за горой...». К этому времени, очевидно, относится создание стихотворения «Даль подернулась туманом». Подробные сведения на этот счет приведены в полном собрании сочинений С. Есенина.

«Возвращаясь из деревни, поэт всегда писал много...». *М.П. Мурашев.*

Второй раз приезжал в Константиново, во время своей командировки в Москву сроком на 16 дней, с 3 ноября 1916 года.

1917 г.

«Приехал и звал меня к себе в Рязань». Эти воспоминания М.П. Мурашева относятся к началу марта 1917 года.

Из воспоминаний Е. А. Есениной: «...в начале весны 1917 года он приехал домой на все лето» (не раньше конца мая). Написано стихотворение «Не напрасно дули ветры...». Старшая из сестёр в воспоминаниях описывала поездку брата с Л.И. Кашиной в Белый Яр. Она отмечала, что «в память об этой весне Сергей написал стихотворение».

В Константинове была написана и поэма «Отчарь», которая датируется по отметке под рукописью: «1917, июнь, 19–20. Константиново».

1918 г.

Весною восемнадцатого года приезжал в Константиново и принимал участие в сельских сходках. Из воспоминаний Е.А. Есениной: «1918 год. В селе у нас творилось бог знает что... В 18 году Сергей часто приезжал в деревню. Настроение у него было такое же, как у всех, приподнятое. Он ходил на все собрания, подолгу беседовал с мужиками».

Летом поэт живет и работает в Константинове. Пребывание в родном селе датируется по отметке, сделанной под публикацией поэмы «Иорданская голубица» в книге «Сельский часослов»: «Июль 1918. 20–23. Константиново». А также по свидетельству М.П. Мурашева. Стихотворение «Зеленая прическа...» также было написано в родном селе. В беловом автографе (ИМЛИ), в составе фрагментов рабочей тетради Есенина 1917–1919 гг., указана авторская дата «1918 2 авг. ст. ст.». В составе остатков вышеупомянутой рабочей тетради Есениным было указано еще два стихотворения: «Серебристая дорога...» и «Отвори мне, страж заоблачный...».

К этому времени относится начало работы над обширной теоретической статьей «Ключи Марии», в которой Есенин пытался прояснить изначальное, коренное, природное значение и смысл народного искусства.

1919 г.

Документальных подтверждений в ранее опубликованных материалах о хотя бы кратковременном приезде С. Есенина в родное село в 1919 году нет.

1920 г.

«В конце лета 1920 года Сергей приехал домой», – вспоминала Е.А. Есенина. В этот год в действительности Есенин несколько раньше навещал родных: это было в конце апреля – начале мая 1920 года. Также сестра отмечала, что «это был самый длительный перерыв между его приездами в Константиново... В этот приезд Сергей написал стихотворение “Я последний поэт деревни...”». Об этой поездке домой Есенин напишет Е.И. Лившиц.

1922 г.

Искусствовед М.В. Бабенчиков о встрече с С. Есениным зимой 1922 года рассказывал так: «Бурный поток слов, образов,

воспоминаний и заключительное: “Был в деревне. Все рушится... Надо быть самому оттуда, чтобы понять...”. Сквозь сумрак комнаты плыла бесконечная вереница манящих, зовущих, упрекающих, притягательных образов – деревня, дед, бабка, товарищи детских игр».

10 мая 1922 года, в 9 часов утра вылетел из Москвы в Кенигсберг самолетом, совершившим свой первый международный рейс.

1923 г.

3 августа 1923 года вернулся в Москву.

1924 г.

Из воспоминаний младшей сестры поэта: «В конце мая 1924 года Сергей снова приехал в деревню. Со временем его последнего приезда сильно изменился облик села, и особенно изменилась жизнь в нашей семье. Никогда еще не жили мы так бедно, как теперь, после голода и пожара. Но Сергей, любивший свою родину “до радости и боли”, счастлив, что снова дома, среди родных. Лишь позже с большой болью он пишет в стихотворении “Возвращение на родину”:

Как много изменилось там,
В их бедном, неприглядном быте.
Какое множество открытый
За мною следовало по пятам.
Отцовский дом
Не мог я распознать...»

В августе Есенин жил и работал в Константинове. Об этом свидетельствуют письма, отправленные из родного села 14 августа 1924 года.

С. Есенин – А.А. Берзинь: «Я думаю несколько дней задержаться еще в деревне, чтобы уладить постройку дома... Погода в деревне неважная, Удить из-за ветра невозможно, поэтому сижу в избе и дописываю поэму... Ночи у нас бывают чудные, лунные и, как ни странно при близкой осени, безрозые.» Из материалов, приведенных в «Литературной хронике» В. Белоусова, следует, что речь в письме идет о поэме «Песнь о великом походе», которую Есенин дорабатывал в августе 1924 года в Константинове. Поэма

была написана по приезде Есенина из Ленинграда в Москву за шесть дней. В это время поэт работал над «Песнью о великом походе». Замысел «Поэмы о 36» сложился в Ленинграде, где поэт жил в июне-июле 1924 года. Продолжил работу Есенин над поэмой во время поездки в родное село в августе 1924 года. А.А. Есенина вспоминала: «Работал Сергей очень много. Я помню, как часами, почти не разгибаясь, сидел он за столом у раскрытоого окна нашей маленькой хибарки. Условия для работы были очень плохие. По существу, их не было совсем. И, несмотря на трудности, он упорно работал над “Поэмой о 36”».

Здесь же им было написано стихотворение «Отговорила роща золотая...».

В работе над этим стихотворением у него была замечательная помощница – наша рязанская природа, с пролетающими в поля косяками журавлей, с костром рябины красной, стоящей перед нашим боковым окном.

Работа, работа, работа... Лишь изредка Сергей устраивает себе отдых, ходит ловить рыбу на Оку».

Есенин продолжал отделять в Константинове тексты двух поэм – «Песни о великом походе» и «Поэмы о 36». Есенин сообщил Е.Я. Белицкому о том, что к этому времени «Песнь о великом походе» «еще значительно переделал». В письме же к А.А. Берзинь речь идет, скорее всего, о «Поэме о 36».

Из воспоминаний учителя константиновской школы С.Н. Соколова: «Часто напишет новое стихотворение, просит послушать. Хорошо помню, как он читал отрывки из “Поэмы о 36”».

По всей вероятности, в Константинове возник замысел поэмы «Анна Снегина», в которой нашли отражение как отдельные моменты личной биографии поэта, так и революционные события в Петрограде и деревне.

1925 г.

Неоднократно С. Есенин приезжал в родное село в последний год своей жизни.

Младшая сестра поэта запомнила приезд брата летом 1925 года: «В первой половине июля Сергей уезжает в деревню или,

как мы говорили, домой. В это время шел сенокос, стояла тихая, сухая погода, и Сергей почти ежедневно уходил из дома: то на сенокос к отцу и помогал ему косить, то на два дня уезжал с рыбакской артелью, километров за пятнадцать от нашего села ловить рыбу. Эта поездка с рыбаками и послужила поводом к написанию стихотворения “Каждый труд благослови, удача!..”, которое было написано там же, в деревне.

Вернувшись из деревни, под впечатлением этой поездки он написал стихотворение: “Я иду долиной. На затылке кепи...”, “Спит ковыль, равнина дорогая..” и “Я помню, любимая, помню..”.

Находясь в деревне, Сергей написал стихотворение “Видно, так заведено навеки...”, относящееся к событиям, связанным с его жизнью с С.А. Толстой».

Последний приезд С. Есенина в родное село датируется по железнодорожному билету от 23 сентября 1925 года, который в настоящий момент представлен в экспозиции литературного музея. Вполне вероятно, что в родительском доме были написаны строки стихотворения:

Синий туман. Снеговое раздолье,
Тонкий лимонный лунный свет.
Сердцу приятно с тихою болью
Что-нибудь вспомнить из ранних лет...

24 сентября 1925 года

А.К. Воронский, литературный критик и публицист, высоко ценивший творчество С. Есенина, о своих впечатлениях от встреч с поэтом, писал: «В последние два года Есенин все собирался поехать в деревню и как следует пожить там. Он тосковал по простой и несложной жизни, по простым людским отношениям и простым вещам. Хорошо бы заняться житейским, обычным, каждодневным, явственным и ощутимым, чтобы был сад, липы, разговоры о сенокосе, об урожае, чтобы был вечер тихий и благостный...».

В последующем хронология будет дополнена датами остальных приездов в родное село с указанием произведений, которые могли быть написаны в Константинове.

ДИАЛОГИЗМ В «МАЛЕНЬКИХ ПОЭМАХ» С.А. ЕСЕНИНА 1917–1919 гг.

Н. Мосунова

(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

Диалогизм в творчестве Есенина – явление относительно малоизученное. Этот вопрос в своих работах обсуждали Н.И. Шубникова-Гусева¹, А.Н. Захаров², Л.Л. Бельская³, А. Марченко⁴, В.И. Хазан.⁵ Между тем диалогизм – ключевое понятие для научного осмыслиения творческого наследия Есенина. Н.И. Шубникова-Гусева отмечает: «Есенин … является одним из … новаторов художественного мышления, которое М. Бахтин, применительно к Ф. Достоевскому назвал “полифоническим”… Есенин на материале лирической поэзии, монологичной по своей форме, сделал в XX веке то, что Достоевский осуществил в свое время в романе, но нашел для этого свои специфические средства»⁶. По мнению исследователя, диалогизм – это «основная системообразующая особенность» есенинской поэзии, которая «выявляется на всех взаимосвязанных уровнях лирических и эпических художественных построений Есенина не только в образно-метафорической и лексико-фразеологической системе, но и в системе сюжетно-композиционных средств».⁷

¹ Шубникова-Гусева Н.И. Диалогизм как основа творчества Есенина // Столетие Сергея Есенина: Есенинский сборник. Вып. III. – М., 1997. – С. 130–160; Н.И. Шубникова-Гусева. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. – М., 2001. – С. 21.

² Захаров А.Н. Поэтика Есенина. – М., 1995.

³ Бельская Л.Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство Сергея Есенина. – М., 1990.

⁴ Марченко А. Поэтический мир Есенина. – М., 1989.

⁵ Хазан В.И. Некоторые библейские архетипы в поэзии С.А. Есенина // Проблемы вечных ценностей в русской культуре и литературе XX в. Сб. научн. трудов. – Грозный, 1991. – С. 118–139.

⁶ Шубникова-Гусева Н.И. Диалогизм как основа творчества Есенина // Столетие Сергея Есенина: Есенинский сборник. Вып. III. – М., 1997. – С. 134–135.

⁷ Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека». Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С. 21.

Понятие диалогизма шире полифонии – множества неслиянных голосов. В статье «Диалогизм как основа творчества Есенина» Н.И. Шубникова-Гусева включает в понятие диалогизма такие аспекты, как взаимодействие между различными ипостасями лирического героя, драматичность повествования. Под диалогизмом мы будем понимать взаимодействие элементов различного уровня внутри текста и взаимодействие текста и читателя, в результате которого происходит порождение новых смыслов и расширяется поле интерпретации.

Мы рассмотрим диалогическую природу «маленьких», или орнаментальных, поэм Есенина 1917–1919 гг. Исследователи неоднократно отмечали богатство смыслов и внутреннюю противоречивость поэм. В литературе о творчестве Есенина привлекалось внимание к тому факту, что в поэмах теснейшим образом переплетаются богоборческие и богоискательские мотивы. Н.М. Кузьмищева так подытоживает свой опыт классификации системы струящихся образов «маленьких поэм»: «...образы распались на два плана, которые противопоставляются по сходству и различию»⁸. Исследователь убедительно доказывает, что в поэмах Есенина революционная образность вступает в сложное взаимодействие с христианской.

Противоречивость свойственна творчеству и облику лирического героя поэзии Есенина в целом. Подобно героям Достоевского, он находится между двумя безднами; образ автора приобретает множество обликов: «смиренного инока», «белобрысого боязка»... В художественном мире Есенина примиряются и обуславливают друг друга противоположности, появляются двойники лирического героя, который смотрит в зеркало и видит в нем Черного человека.

Все вышесказанное позволяет убедиться в плодотворности подхода к творчеству Есенина в целом и к «маленьким поэмам» в частности с точки зрения диалогизма, сосуществования множестваказалось бы взаимоисключающих точек зрения.

⁸ Кузьмищева Н.М. Мифопоэтическая модель мира в «маленьких поэмах» С.А. Есенина 1917–1919 годов: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Иркутск, 1998. – С. 17.

Творчество поэта открыто множеству интерпретаций. В «маленьких поэмах» подобная установка является немаловажной деталью авторского замысла. Лирический герой, не теряя своей первоосновы, приемлет все многообразие мира.

Предпоследняя строфа конечной поэмы цикла заканчивается так:

Все познать, ничего не взять
Пришел в этот мир поэт.

Эти строки перекликаются с концовкой первой поэмы «Певущий зов»:

Не губить пришли мы в мире,
А любить и верить.

Рассмотрение «маленьких поэм» с точки зрения диалогичности позволит внести определенные корректизы в их прочтение, проанализировать в совокупности всех смыслов. Диалогичность в «маленьких поэмах» Есенина проявляется на идейно-тематическом, образном и лексическом (что связано с проблемой «чужого слова») уровнях.

В статье «Промежуток» Ю. Тынянов отмечает: «Искусство, опирающееся на ... сильную, исконную эмоцию, всегда тесно связано с личностью. Читатель за словом видит человека, за стиховой интонацией угадывает “личную”... Литературная, стиховая личность Есенина раздулась до пределов иллюзии. Читатель относится к его стихам как к документам, как к письму, полученному по почте от Есенина»⁹. Перекликаются с этим высказыванием и слова М. Бахтина: «Поэзия Есенина переведена с высот мифологических в интимно-лирический план и поэтому стала доступна всем»¹⁰.

Поэмы Есенина ориентированы на активный диалог и соптврчество с читателем, подчеркнуто полемичны. Автор вводит в текст яркие биографические подробности, заставляя читателя реагировать прежде всего на «стиховую личность».

⁹ Тынянов Ю.Н. Промежуток // Тынянов Ю.Н. История литературы: Критика. – Спб., 2001. – С. 403.

¹⁰ Бахтин М.М. Записи лекций М.М. Бахтина по истории русской литературы, 1922–1927. Записи Р.М. Миркиной. Есенин // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Русские словари, 2000. Т. 2. – С. 379.

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей, —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

«Иония»

Это вызов не только новых идей старым, но и нового поэта-пророка всем устоям и признаваемым воображаемым читателем ценностям. Эмблематически личностное начало задает установку на восприятие дальнейшего текста как на непосредственные интенции стоящего за ней автора. Этому способствует обилие форм первого лица, дерзкая напористая интонация.

Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.
Даже богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом выюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Есенин вводит в текст множество автобиографических деталей. В поэмах фигурирует «отрок солнцеголовый», солнце, как кошка лапкой, трогает «волоса» героя, голова его власовзвездная, изливает солнечный блеск. Эта автобиографическая деталь – атрибут очень многих есенинских стихотворений. Она станет есенинским символом неукротимой энергии, дерзкого вызова.

Я нарочно иду нечесаным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах,
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда каменья браны
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.

«Исповедь хулигана» (1920)

Этот автобиографический образ еще раз подчеркивает вызов читателю, скрытый почти в каждой из «маленьких поэм».

Есенин выстраивает своеобразный диалог с читателем. Он предвосхищает ответные реплики, первым отвечает на еще не заданный вопрос.

Говорю вам – вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над вашей выгибью
Вспух незримой коровой Бог.
И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно – он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.

«Иония»

«Иония» – кульминационная поэма, в которой с наибольшей силой звучат третъеваветные пророчества о новом граде и гибели всего старого. Но не менее значима апелляция к читателю и в поэмах с иной, минорной тональностью.

Где ты...
Где моя родина? (...)
Пастухи пустыни –
Что мы знаем?...

«Сельский часослов»

Люди, братья мои люди,
Где вы? Отзовитесь? (...)
Все мы яблони и вишни
Голубого сада...

«Левущий зов»

Подкупающее «мы» объединяет автора с предполагаемыми, но полярно противоположными читателями. Он сопричастен всему происходящему, грустя о гибели старого мира, с упоением провидит новый и не покинет ни один из них даже в минуты нижайшего их падения и сильнейших потрясений. Эта позиция с максимальной ясностью сформулирована в поэме «Кобыльи корабли»¹¹, самой надрывной и трагической:

¹¹ Кузьмищева Н.М. в диссертации «Мифопоэтическая модель мира в “маленьких поэмах” С.А. Есенина 1917–1919-х годов». (Иркутск, 1998) доказывает, что «маленьких поэм» двенадцать, включая «Кобыльи корабли».

Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться.

Полемика и порождение новых смыслов происходит не только вне, но и внутри текста «маленьких поэм».

Лирический герой «маленьких поэм» выступает во множестве ипостасей. Они находятся между собой в определенном взаимодействии, противопоставлены. Вот основные противопоставленные пары:

сын своей родины – и сын крестьянина – Отчаря;

брат всем людям – и изгой среди людей;

богоискатель и богоборец;

носитель вещего слова и божественного промысла, творчески активный преобразователь Вселенной, пророк – и «пастух пустыни», смиренный, испуганный;

светлый гость – и «непокорный разбойный сын»;

вестник о светлом будущем и носитель апокалиптических предзнаменований;

большевик – и поэт, ветла при дороге.

Каждый очередной облик лирического героя присущ определенной поэме, является ее организующим началом. Например, кульминационная поэма «Ионния» посвящена пророку Иеремии. Ее герой – богоборец. Он пророчествует о новом небесном граде, обретенном без страдания и мук, о новой вере и новом Боге. Однако уже в поэме «Сельский часослов» грядущая Русь представляется не градом небесным, а истерзанной жертвенной овцой и телом на кресте. Пророк и богоборец уступает место пастуху пустыни, пастору обреченной овцы, мучительно сопричастному всем страданиям своей Родины.

Каждая поэма имеет свой самостоятельный голос, но в пределах цикла эти голоса звучат как равновеликие звуки одного аккорда. Скорбь совмещается с радостью, испуг и растерянность – с дерзостью. Но главное, что порождает это многоголосье, – утверждение своей сопричастности всему – и плохому, и хорошему, что переживает Родина.

Переплетаются и отражаются друг в друге не только различные голоса. Есенин пропускает одни и те же мотивы сквозь призму различного «художественного материала», воплощает их с помощью различных пластов образности – языческой, христианской, революционной. Эти соотносимые фрагменты обрисовывают выбранную тему во всем богатстве оттенков, стимулируют читательское созерцание.

В таком ключе, например, разворачивается мотив уберегания Руси от злых сил. В поэмах выделяются две коррелирующие пары образов: Бог-Отец и Бог-Сын (Саваоф и Христос), Отчарь и его сын. Все они охраняют землю от зла, соответственно в первом случае от дьявола, во втором – от хищников: волков, собак, воронов.

Соотносимые образы каждой пары похожи. Христос в есенинских поэмах показан и в момент распятия, и младенцем. Сын Отчаря тоже младенец.

О чудотворец!
Широкоскулый и красноротый,
Приявший в корузлые руки
Младенца нежного, –
Укачай мою душу
На пальцах ног своих!
Я сын твой...

«Отчарь»

В есенинском Саваофе и в Отчаре совмещаются ярость и кротость. Революция осмысляется Есениным сквозь призму библейского сюжета о сжигании Богом Содома. С другой стороны, Господь кроток и добр.

Кто-то учит нас и просит
Постигать и мерить...

«Певущий зов»

Именно Господь способен унять «ржанье бури» и «топ громов». С Господом соотносится Отчарь. Он тоже свиреп и кроток. Свирепость Отчаря выявляется через сопоставление с Аникой-воином. С другой стороны, Отчарь, как и Господь, кроток. Он гонит зло – «волчиху» не силой, а «двуперстным крестом» или краюхой хлеба.

Ту же закономерность наблюдаем в воплощении и других мотивов.

Так, разными пластами образности – языческим и христианским – представлен мотив воскрешения и обновления Руси через смерть. Русь представляется и жертвенной овцой, и телом на кресте.

Мотив слияния земного и небесного начал, которые породят новую Русь, он разворачивается в образах мирового дерева – маврикийского дуба, лестницы к саду Господа, лучей солнца, дождя – небесного молока, растущего злака.

Принцип диалогизма: сотворчества с читателем, отражения и преломления одной темы во множестве соотносимых аспектов актуален и для образного уровня «маленьких поэм».

В статьях «Ключи Марии» и «Быт и искусство» Есенин выводит свою трехчастную классификацию образов: от плоти, от духа и от разума. Все эти образы суть метафора, соответственно статическая, динамическая и, наконец, сложная, где уподобление происходит по многим признакам, а субъект уподобления полностью растворяется в объекте.

В есенинском тексте образ «струится», эволюционирует от простого к сложному, в есенинских понятиях – от заставочного к ангелическому, обогащаясь всеми новыми оттенками смысла. Автор вновь заставляет читателя вступать в диалог, на этот раз с текстом. Текст приобретает своеобразную кодировку, превращается в тайнопись знаков, интерпретация которых зависит от компетенции читателя. «Маленькие поэмы» ориентированы именно на такое прочтение. Для целостного понимания текста читатель должен быть компетентным в сфере есенинской мифологии. В статье «Ключи Марии» Есенин пишет о том, что задача современного человека – вновь научиться разгадывать тайные знаки природы и символы каждого дня традиционного обихода, ключ к которым человек цивилизованный давно потерял. Так, конек на крыше русской избы сопряжен с извечной скифской «мистерией вечного кочевья», деревья и орнамент на крестьянских полотенцах – с приобщением к истокам жизни. Есенинский текст выстроен с той же установкой на постижение тайного смысла образов – знаков.

В книге «Проблемы творчества Достоевского» М. Бахтин писал, что каждое употребленное слово несвободно от множества накладывающихся на него контекстов и употреблений.¹² Есенин привносит в образы многообразные смыслы своей мифологии.

В поэмах вычленяются несколько парадигм эволюционирующих образов.

Наиболее явная – смысловая цепочка – злак (и вообще растение) – дух – вещее слово о будущем. Она разворачивается в следующей парадигме: овсяный сноп – солнце-колос хлеба – звездный злак – пчела-слово, которое «озлатонивит мрак» – слово-яйцо – словесное поле – ульи – зерна-звезды «под крышей небесною» – гусь, вылупившийся из «яйца звезды» – скачущая конницей рожь – звезды-овес золотистый. Чтобы адекватно ее проинтерпретировать, нужно обратиться к есенинской мифологии и последить эволюцию и варьирование смыслов перечисленных образов в пределах текста «маленьких поэм». В «Ключах Марии» Есенин пишет: «Все от древа – вот религия мысли нашего народа» и в доказательство приводит отрывок из былины о хоробром Егории:

У них волосы – трава,
Телеса – кора древесная.

В стихотворении 1921 года «Песнь о хлебе» колосья уподобляются человеческой плоти, мельница – людоедке. В поэмах злак, дерево – это тоже нечто живое, это человек. О себе лирический герой говорит: «Я сын твой, / Выросший, как ветла при дороге...» В «Октоихе» образ колоса персонифицируется. Колос пророчествует. В процессе эволюции в тексте поэм образ колоса-плоти приобретает все новые черты.

Плечьми трясем мы небо,
Руками зыбим мрак
И в тощий колос хлеба
Вдыхаем звездный злак.

«Октоих»

¹² Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Русские словари, 2000. Т. 2.

Колос становится не только живой плотью, но и вместилищем духа, прахом, который оживет для новой и лучшей жизни. Недаром в последней поэме «Кобыльи корабли», в которой доминирует интонация разочарования и краха надежд на духовный переворот, появляются такие строки:

Поле, поле, кого ты зовешь?
Или снится мне сон веселый –
Синей конницей скакет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по полю стужа,
Окна выбиты, настежь двери...

Колос в поэмах находится в одном образном ряду с яйцом, вместилищем новой жизни и нового слова. Из яйца вылупится птенец, из колоса – пчела, питающая поле – словесный улей.

Таким образом, злак в поэмах олицетворяет плоть и дух. Их дополняет разум, в поэмах – вол. «...И пашню голубую / Нам пашет разум-вол» («Октоих»). В «Ионии» пророчествующий герой кричит «бури воловым голосом». Дева Мария приносит в мир нового божественного младенца именно за то, что в предтечах его (мира) «был пахарь и вол».

В процессе сотворчества компетентного читателя и специфически есенинских образов рождается есенинское понимание революции, о которой в сущности и написаны все «маленькие поэмы». Реально свершившаяся революция – это просто видоизменение плоти. Переворот подлинный, очистительный должен произойти в сфере духа и разума. Гармония же будет достигнута лишь при слиянии трех начал. Диалог с читателем и взаимодействие образов между собой порождают богатство смысловых оттенков поэм и в то же время максимально приближенную к авторскому замыслу интерпретацию.

На лексическом уровне диалогизм в «маленьких поэмах» Есенина связан с проблемой «чужого слова». М. Бахтин отмечает: «Чужие слова, введенные в нашу речь, неизбежно принимают в себя новое, наше понимание и нашу оценку.... Различным может быть лишь взаимоотношение этих... голосов». ¹³ «Чужое сло-

¹³ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979. – С. 226.

во» в «маленьких поэмах» – тема отдельного серьезного исследования. Отметим только, что источником большинства случаев употребления «чужого слова» в «маленьких поэмах» является Библия, сильна ориентация на ветхозаветные пророчества. Это вполне объяснимо, ведь «маленькие поэмы», безусловно, обнаруживают следы влияния поисков Третьего Завета. Не менее значима для понимания есенинского текста книга «Поэтические воззрения славян на природу» А. Афанасьева. Например, среди возможных источников отсылок заглавия поэмы «Иорданская голубица» С.И. Субботин указывает эпизод Нового Завета, в котором на окрещенного в Иордане Иисуса снисходит дух божий в виде голубя, а также «Поддонный псалом» Н. Клюева и собственную статью Есенина «Отчее слово». Исследователь также отмечает, что, согласно книге Афанасьева, в одном из народных поверий голубицей называют человеческую душу.¹⁴ Поэма – о «преображеных душах» и новом «луговом Иордане». «Чужое слово» в заглавии настраивает читателя на восприятие смыслов поэмы во всем их многообразии. Интерпретация «маленьких поэм» с точки зрения присущей им диалогичности позволяет прочитывать их во всем богатстве смыслов.

¹⁴ Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. – М., 1997. Т. 2. (Подготовка текстов и комментарии С.И. Субботина). – С. 341.

Ф.И. ТЮТЧЕВ И С.А. ЕСЕНИН. К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКИ

А.В. Шапурина

(Рязанский государственный педагогический
университет им. С.А. Есенина, г. Рязань)

Тютчев и Есенин. Оба вошли в историю русской литературы преимущественно как поэты природы. На первого сразу утвердился взгляд как на поэта-мыслителя, чьи художественные созерцания по своим масштабам являются космическими. Второму, в пейзажах которого легко угадывалась природа родной Рязанщины, долго отказывали в философской глубине. Тем не менее, в современном литературоведении большое внимание уделяется проблеме концептуальности лирического творчества каждого из поэтов. Актуальность проблемы обусловлена новым подходом к осмысливанию русской литературы, исследующим ее религиозные основы.

При определении содержания художественной концепции, воплотившейся в творчестве автора, ученые неизбежно сталкиваются с вопросом о том, каков характер его религиозных представлений. Трудность изучения данного вопроса применительно к пейзажной лирике Тютчева и Есенина заключается в следующем. Во-первых, поэтическое мировоззрение каждого отличается особой подвижностью и многогранностью, поэтому его невозможно ограничить рамками какой-то одной системы. Во-вторых, серьезным препятствием для решения вопроса выступает его острые дискуссионность, вызванная различием мировоззренческих позиций специалистов, участвующих в обсуждении.

Поэты формировались в атмосфере определенной духовной культуры, и в этом смысле отдали дань времени: Тютчев – веку сомнений, Есенин – веку богоборчества. Однако духовное становление каждого из них шло в русле богоискательства. По своей природе богоискательство есть отступление от религиозных догматов, хотя не всегда им противостоит. Оно часто интерпретируется как ересь и одновременно служит толчком для раз-

вития богословия. Богоискательство не обязательно безысходно, потому что не исключает возможности спасения.

Обратив внимание на последовательность, с которой Тютчев и Есенин одушевляли в своей пейзажной лирике образы природы, исследователи охарактеризовали их миропонимание как «пантеистическое», но в оценке как тютчевского, так и есенинского пантеизма не пришли к единому мнению. Позиции, занимаемые ими, условно можно разделить на две категории: 1) противопоставляющие пантеизм и христианство, 2) сочетающие их. Изучение специфики религиозности лирики природы и Тютчева, и Есенина, на наш взгляд, должно двигаться в русле традиции, рассматривающей феномен «двоеверия» как единство.

Прямого ответа на вопрос, каким образом в мироощущении Тютчева и Есенина соединялись языческая и христианская стихии, наверное, нет. Чтобы понять сущность и индивидуальное своеобразие духовной направленности пейзажной лирики каждого поэта, как нам кажется, следует, с одной стороны, опираться на христианскую доктрину, с другой – обращаться к наследию религиозных философов, развивающих и углубляющих наши представления о христианстве.

Святой апостол Павел говорил: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы...»¹. Обладая удивительной силы способностью к созерцанию Тютчев воспринимал природный мир как живой, одухотворенный. Вглядываясь в действительную красоту сотворенного, поэт испытывал не только эстетическое удовольствие, но и пытался постигнуть сущность животворящего начала, причину, по которой человек и природа оказались разобщены. У истоков тютчевского пантеизма лежало страстное желание поэта увидеть «в творении творца», прилизаться к пониманию замысла Божия относительно человека и его места в мире. «Поззия дня» Тютчева запечатлевает стремление человека приобщиться к гармоничной жизни природы, возвещающей о могуществе и премудрости Творца.

¹ Посл. к Рим. 1, 20

Ориентиром для изучения концептуальных основ пейзажной лирики Тютчева могут стать размышления Н.А. Бердяева о связи между человеком и вселенной. По Бердяеву, разгадка тайны бытия равна разгадке тайны человека. Рассматривая человека как «микрокосм, высшую, царственную ступень иерархии природы», он налагал на него ответственность за макрокосм². Грехопадение человека и потеря им свободы, по мысли философа, привлекли за собой не только падение всей природы, но и поставили личность в зависимость от низших иерархических ступеней. Проецируя эти суждения Бердяева на пейзажную лирику Тютчева, можно сделать следующий вывод. Тютчевская «поэзия ночи» – воплощение «мира души ночной» человека, покоряющегося стихийным силам страстей.

Русские философы христианства многое позволяют понять и в религиозной эволюции Есенина. Пантеизм раннего Есенина основывался на представлении поэта о незримом присутствии Спасителя в мире русской природы. Своеобразным объяснением корней есенинской «руссификации» образа Христа выглядит мысль Н.А. Бердяева о том, что «русская народная религиозность связывала божественный и природный мир»³.

Включенность Есенина в эпоху русского духовного Ренессанса дает возможность для сопоставления его пейзажной лирики 1920–1925-х годов с идеями «нового религиозного сознания», сформулированными Н.А. Бердяевым и С.Н. Булгаковым. Декларируемая поэтом привязанность к земному существованию, к тому, «что душу облекает в плоть»,озвучна рассуждениям философов об истинном христианстве. Бердяев писал:

«Историческое христианство вместило только отрицательную, аскетическую половину религии Христа, поняло небо как отрицание земли, дух – как отрицание плоти. <...> И вот загорается новое религиозное сознание, которое не может уже вынести этого разрыва, этого дуализма, жаждет религиозного освящения

² Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. – М., 1994. Т. 1. – С. 89.

³ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. – М., 2000. – С. 9.

жизни...»⁴. «Глубоко заблуждаются относительно христианства те, — считал Булгаков, — кто понимает его аскетику <...> как мироотреченность и принципиальное осуждение плоти. Напротив, оно есть учение о “святой телесности”, о святой плоти, навеки связанной с духом»⁵.

На основании всего сказанного мы можем заключить, что пантеистические тенденции в лирике природы Тютчева и Есенина не противоречили их христианской устремленности.

⁴ Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // Бердяев Н.А. О русских классиках. — М., 1993. — С. 231.

⁵ Булгаков С.Н. Природа в философии Вл. Соловьева // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. Т. I. — М., 1993. — С. 41.

МАХНОВСКАЯ КОЛЛИЗИЯ В «ЛЕДОХОДЕ» ПИЛЬНЯКА И В «СТРАНЕ НЕГОДЯЕВ» ЕСЕНИНА

Э.Б. Мекш
(г. Даугавпилс, Латвия)

В «Ледоходе» есть точное указание автора на то, что «этот рассказ был написан в весну тысяча девятьсот двадцать четвертого года и закончен на первых днях пасхи»¹. И эта точная дата является своего рода указателем на соотносимость пильняковского текста с есенинским. По воспоминаниям издательского работника Д.К. Богомильского, «...в начале 1924 года Есенин снова появился в нашем доме, бодрый и жизнерадостный. По его состоянию можно было заметить, что поэт над чем-то упорно трудится. Очень скоро стало известно, что Есенин работает над задуманной и лишь частично набросанной им ещё до отъезда за границу поэмой «Страна негодяев».

Намерение поэта прочитать поэму было встречено с восторгом, и в один из субботних вечеров собрались у меня на квартире слушать поэта Александр Константинович Воронский, Борис Андреевич Пильняк, украинский писатель Калистрат Анищенко, издательские работники Михаил Ильич Кричевский, Сергей Павлович Цитович, Ассельрод, Сахаров, я и моя семья»². Справедливо ради надо сказать, что это было не первое авторское чтение «Страны», Есенин выступал с чтением разных вариантов поэмы неоднократно как в Советской России, так и за рубежом. И, как справедливо замечает Наталья Шубникова-Гусева, «многочисленные выступления поэта с чтением поэмы сделали её общеизвестной для культурной публики...»³. Очевидно, прослушанный Пильняком один из есенинских вариантов поэмы дал толчок для самостоятельной версии темы Махно. Это не было спором

¹ Борис Пильняк. Собр. соч. Том III. Тысяча лет. – М.-Л., 1929. – С. 101. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

² Воспоминания о Сергеев Есенине / Под ред. Ю.Л. Прокушева. – М., 1975. – С. 337.

³ Шубникова-Гусева Н. Открытие «Страны негодяев» // Литературная учеба. – 1997. – № 3. – С. 100.

Пильняка с Есениным (во многих аспектах они мыслили одинаково), это был творческий диалог писателя и поэта на общую для них проблему человека в революции.

В рамках творческих взаимоотношений, как пишет А.П. Ауэр, Есенина и Пильняка «сближает психологический анализ, направленный на постижение таинственных глубин человеческой души. Эта таинственность для того и другого выражается прежде всего в противоречивости человеческой натуры»⁴, особенно проявляющаяся в экстремальных ситуациях.

В «Ледоходе» (в отличие, например, от романа «Волга впадает в Каспийское море») имя Есенина не упоминается, однако многочисленные есенинские параллели (и не только связанные со «Страной») пронизывают весь текст.

Художественное время-пространство «Ледохода» и «Страны негодяев» не совпадают: в «Ледоходе» действие происходит весной 1920 г.⁵ на юге Украины, в Александровске и в Одессе, а в «Стране негодяев» – зимой 1921–1922 гг. на Уральской железнодорожной линии, в «приволжском городке» и в Киеве⁶. У Есенина авантюристо-детективная фабула развивается последовательно: ограбление золотого поезда – поиски комиссарами золота – неудачное преследование Номаха в Киеве. У Пильняка же планы действия смешены по времени: важный эпизод рассказа – прибытие анархиста Щира из Америки к батьке Махно – является кольцевым (в первой и «Заключительной» частях), а одесские приключения Щира во «Второй части...» по времени предшествуют его появлению у Махно. Но у Пильняка (так же, как и у Есенина)

⁴ Ауэр А.П. С. Есенин и Б. Пильняк (к истории творческих взаимоотношений) // С.А. Есенин: проблемы творчества, связи. – Рязань, 1995. – С. 59.

⁵ Сюжетное время в «Ледоходе» можно определить по эпизоду казни Лашкевича (у Пильняка – Лашевича), зафиксированной в дневнике «жены Махно» (на самом деле – в дневнике Льва Голика). Семь фрагментов из этого дневника включены в художественную структуру рассказа.

⁶ Место действия в «Стране негодяев» указано самим автором, а время проставлено в публикациях фрагментов поэмы в журналах «Город и деревня» (1925. № 18) и «Красная новь» (1926. № 3), см. сноска к заглавию «Номах»: «Номах – имя бандита. Рассветов и Чарин – комиссары. Время действия 1921–1922 гг.» (Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. – М., 1998. Т. 3. – С. 372–373).

сюжет намного богаче фабулы. У Есенина сюжет «Страны» – идеологический, строящийся не столько на детективной фабуле (поиски золота), сколько на системе монологов, выясняющих остросовременные проблемы, из которых самая главная – спор «о России наших дней», как сказал С. Есенин В.М. Левину в Нью-Йорке в январе 1923 г. Проницательный друг поэта заметил: «Сказать о родной стране, что она “Страна негодяев” – только пророк смеет сказать такую жуткую правду о своем народе и своей родине»⁷. Очевидно, подобное понимание идейного содержания «Страны» было свойственно не только Левину, и по этой причине поэту никак не удавалось опубликовать поэму полностью.

В 1924 году состоялось ещё одно публичное чтение произведения о махновщине, которое в отличие от есенинского исполнения, было официально одобрено. Речь идет о «Думе про Опанаса» Эдуарда Багрицкого, презентация который запечатлена в воспоминаниях И. Бабеля: «Однажды, в 1924 году, Воронский пригласил меня к себе, предупредив о том, что Багрицкий будет читать только что написанную им “Думу про Опанаса”.

Вечером мы собрались за чашкой чая у Воронского. Воронский нас предупредил, что на читку он пригласил Троцкого.

Вскоре явился Троцкий в сопровождении Радека. Троцкий, выслушав поэму Багрицкого, одобрительно о ней отозвался...». В своих воспоминаниях Бабель приводит и слова Радека о том, что «такую поэму надо было бы напечатать и распространить в двухстах тысячах экземпляров...»⁸. Отзывы о поэме Багрицкого, возможно, дошли как до Пильняка, так и до Есенина, который с горечью проговорился Мариенгофу: «А зря я не написал поэму о Махно. <...> Напрасно мне отсоветовали»⁹. Кто отсоветовал – Мариенгоф об этом не говорит. Впрочем, Есенин и сам прекрасно

⁷ Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. / Вступ. ст., сост., comment. Н.И. Щубниковой-Гусевой. – М., 1993. Т. 1. – С. 217.

⁸ Цит. по кн.: Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия (повесть о махновце-чекисте): Документально-художественная повесть. – Петрозаводск, 1994. – С. 263–264.

⁹ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. – М., 1995. – С. 78.

понимал, что писать правду о Махно и комиссарах, что называется «по свежим следам»¹⁰, нельзя; поэтому он закамуфлировал тему повстанчества в «Стране». Пильняк же, сохранив есенинскую коллизионную схему (махновцы – комиссары), попытался более открыто поведать о махновщине без очернения и без прославления «героев революции», как это сделал Багрицкий.

«Ледоход» Пильняка начинается с символического изображения весеннего ночного половодья. И разлив реки, и ночное время суток содержат мифопоэтическое содержание. Половодье – расхожий образ революции, а ночь является элементом бинарной антитезы, восходящей к представлениям древних людей о наличии в мире божеств добра и зла, между которыми, как пишет А.Н. Афанасьев, «происходит вечная, нескончаемая борьба за владычество над миром»¹¹. В рассказе Пильняка трижды повторяется подобная мифопоэтическая антитеза: в первом случае – в повествовании о ночной казни двух задержанных евреев, утреннего погрома, самогонного веселья махновцев, знакомства со «страшной женщиной», красавицей Марусей, ставшей женой Махно (На самом деле с 1919 г. и до самой смерти Махно женой его была другая женщина – Галина Андreeвна Кузьменко (1892–1978).), его непонятной тоски. Пильняк резюмирует: «Это ночь (и зима) борется с днем (и весной) и стали на бивак в борении. <...> Этими биваками побеждает тот, кто идет вперед, – и все же в такие утра бывает **беспомощно** (выделено Пильняком – Э.М.), нет другого слова: кто ты? что ты? зачем?» (С. 83).

Есенин, в отличие от Пильняка, в «Стране...» почти не использует мифопоэтические образы, но тоже начинает свое произведение с изображения «дьявольского» времени года и суток –

¹⁰ Только в 90-е гг. XX столетия началась «реабилитация» махновщины серией книг, изданных в Киеве, Москве и др. городах. Назовем некоторые из них: Махно Н. Воспоминания. Кн. 1. Репринтное воспроизведение издания 1929 г. – Киев, 1991; он же: Воспоминания. Кн. 2–3. Репринтное воспроизведение изданий 1936, 1937 гг. – Киев, 1991; Семанов С. Махно, как он есть: В 2-х вып. – М., 1991; Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. – Киев, 1993; Телицын В. Нестор Махно. – М.-Смоленск, 1998. Из художественно-документальных произведений см.: Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия (повесть о махновце-чекисте). – Петрозаводск, 1994.

¹¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М., 1994.

зимней ночи с метелью и холодом: на Уральской железной дороге сталкиваются противоборствующие силы – повстанцы и комиссары. И этот частный эпизод революции, таёжное событие, как в фокусе, демонстрирует политическую ситуацию в России после Октября. «Не страна, а сплошной бивуак», – говорит комиссар Рассветов, поясняя, что

В стране ещё дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас
Бредит имперской славой.
Ещё не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст¹².

Но вот вопросы «кто ты? что ты? зачем?» – это вопросы не комиссаров, а художников слова (ср. с есенинскими «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...». Т. 4. С. 242). И не случайно после поставленных вопросов о сути человека и его действиях на земле Пильняк в «Ледоходе» воспроизводит лагерь красных, которые в своих «подвигах» ничем не отличаются от махновцев.

Повторно слова о «борении» ночи с днем заключают «Вторую часть...» «Ледохода», последняя фраза которой – «Такая пустынность в мире!» (С. 101) – тоже повторится, вызвав в памяти гоголевскую сентенцию: «Скучно на этом свете, господа!»¹³.

В третий раз слова о «борении» ночи (зимы) с днем (весной) итожат всё сюжетное повествование рассказа с добавление еще двух сквозных образов маяка и моря: «это ночь (и зима) борются с днем (и весной) и стали на бивак в борении, – точно так же, как огонь на маяке в Одессе виден только ночью и тогда не видно море, – днем же море огромно, и неприметен, не нужен маяк» (С. 107).

Море и маяк – тоже одна из бинарных антитез, популярных в послеоктябрьском искусстве, как символы стихии и целенаправленности, анархии и дисциплины. Подобная художественная антитеза есть и у Есенина, но не в «Стране», а в лирическом сти-

¹² Сергей Есенин. Полн. собр. соч.: В 7 т. – М., 1998. Т. 3. – С. 101. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

¹³ Гоголь Н.В. Соч.: В 2 тт. – М., 1965. Т. 1. – С. 435.

хотоврении «Батум» (1924)¹⁴. Главное же, что сближает рассказ Пильняка и поэму Есенина, – это конкретная разработка темы повстанчества и Махно как руководителя восставших крестьян.

У Есенина имя Махно звучит в поэме один раз в монологе нетипичного комиссара Чарина, ищущего ответ на вопрос о популярности среди крестьян вожака анархистов:

...В ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора острожная
И крестьянство так любят Махно? (Т. 3. С. 75)

Но Махно как литературного персонажа нет в драматической поэме Есенина. Вожаком повстанцев, останавливающих золотой поезд, является Номах. Есенин хотя и говорил И.В. Евдокимову, что «Номах – это Махно»¹⁵, а в самом тексте есть реплика комиссара Лобка: «Я знаю этого парня, / Что орудует в этих краях. / Он, кажется, родом с Украины / И кличку носит Номах» (Махно так далеко не забирался вглубь России: в 1918 г. он был в Царицыне, Саратове, Астрахани, Москве, в начале 1921 г. его Повстанческая Армия совершила рейд по Курской, Воронежской и Донской областям. 28 августа 1921 г. Махно вместе с 77 своими сподвижниками, ушел в Румынию.) (Т. 3. С. 82), все равно полного тождества между Номахом и Махно нет. Творческая история «Страны негодяев» свидетельствует, что поэт долго и мучительно раздумывал: дать герою имя конкретного человека или же псевдоним. Так, И.И. Старцев говорит о начальном этапе создания произведения следующее: «Есенин долго готовился к поэме “Страна негодяев”, всесторонне обдумывая сюжет и порядок событий в ней. Мысль о написании этой поэмы появилась у него тотчас же по выходе “Пугачева”. По первоначальному за-

¹⁴ О содержании данного произведения см.: Мекш Э.Б. Композиция стихотворения С. Есенина «Батум» // Вопросы сюжетосложения. Сб. ст. 4. Сюжет и композиция. – Рига, 1976. – С. 147–157.

¹⁵ Евдокимов И.В. Сергей Александрович Есенин // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. – С. 468.

мыслу поэма должна была широко охватить революционные события в России с героическими эпизодами гражданской войны. Главными действующими лицами в поэме должны были быть Ленин, Махно и бунтующие мужики на фоне хозяйственной разрухи, голода, холода и прочих “кризисов” первых годов революции¹⁷. Ни Ленина, ни Махно в поэме «Страна негодяев» нет потому, что Есенин все дальше и дальше уходил от односторонне-восторженного понимания революции. В берлинской автобиографии он заявлял: «В РКП я никогда не состоял, потому что чувствую себя гораздо левее» (Т. 7. С. 10). Левее были анархисты-коммунисты, к каковым относил себя и Махно. Возможно поэтому в «Стране», в образе Номаха синтезировались два прототипа: гуляйпольского анархиста и самого поэта¹⁸. Естественно, что есенинская ипостась не будет просвечивать у Пильняка в рассказе «Ледоход». Надо отметить, что «левизна» Есенина не пройдет не замеченной, особенно для Л. Троцкого, который в книге «Литература и революция» писал по этому поводу следующее: «Сейчас для Есенина, поэта, от которого – хоть он и левее нас, грешных, начались “годы странствия”. Воротится он не тем, что уехал»¹⁹.

Изменения в Есенине, как и предсказывал Троцкий, действительно произошли, и связаны они были с пересмотром роли коммунистов в судьбе страны. Эти изменения, очевидно, почувствовали оба – Есенин и Троцкий – во время встречи летом 1923 г. К этому времени, как пишет Ст. Куняев, «Есенин очень глубоко понимал смысл столкновения троцкизма и крестьянства. Именно об этом он написал свою драматическую поэму...»²⁰. Проблема «столкновения троцкизма и крестьянства» не стояла перед Пиль-

¹⁶ См.: Шубникова-Гусева Н.И. История создания поэмы Есенина «Страна негодяев» // Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум: Есенинский сборник. Вып. III. – М., 1997. – С. 422–436; она же: Открытие «Страны негодяев» // Литературная учеба. 1997. № 3. С. 91–130.

¹⁷ Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. – С. 272.

¹⁸ Об автобиографических чертах образа Номаха см.: Мекш Э.Б. Сюжетно-жанровые искания Есенина 1921–1925 гг. // Сюжет и художественная система. – Даугавпилс, 1983. – С. 104–105.

¹⁹ Троцкий Л. Литература и революция. – М., 1991. – С. 64.

²⁰ Куняев С. Времена и легенды. – М., 1990. – С. 31.

няком, его больше интересовали нравственно-философские аспекты революции. Для Есенина же были более важны культурно-социальные проблемы, связанные с политикой Троцкого в постреволюционной России. Поэтому не случайно он зашифровал фамилию Троцкого в своей поэме. Первенство в расшифровке прототипного содержания комиссара Чекистова принадлежит Ст. Куняеву²¹. Окончательно эта версия была закреплена им в биографии «Сергей Есенин» из серии «ЖЗЛ»: «Прототип железного комиссара ясен – Троцкий Лев Давидович. Лучшего комиссара не придумаешь! Само воплощение комиссародержавия в России. И внешность, и биография – все одно к одному»²². Очевидно, зашифровав прототип Чекистова в поэме, Есенин пошел по этому пути и дальше: вместо Махно появился Номах, а вместо советского финансиста Александра Краснощекова (1880 – 1937) – комиссар Никандр Рассветов²³.

Есенин в «Стране негодяев» увидел послереволюционную Советскую Россию как Россию псевдонимов-масок на всех общественных уровнях – от крестьян (Замарашкин) до представителей власти комиссаров Чекистова, Рассветова, Чарина, Лобка. В поэме есть и персонажи без псевдонимов (Щербатов и Платов), но они олицетворяют Россию прошлого. А в послеоктябрьской России, как пишет Павел Горелов, большевики, захватившие власть, «в большинстве своем носили псевдонимы: Бронштейн – Троцкий, Джугашвили – Сталин, Радомысльский – Зиновьев, Скрябин – Молотов, Судрабс – Латис, Баллах – Литвинов, Оболенский – Осинский, Гольдштейн – Володарский и т.д. По-моему, в этом есть что-то неслучайное и страшное. Тут дело не только «в конспирации при царизме». Псевдонимы прикрывали полулюдей. Все эти заговорщики-захватчики были природно лишены естественных человеческих чувств... Жизнь псевдонимов была вовсе

²¹ Куняев С. Времена и легенды. – М., 1990. – С. 33–34.

²² Куняев С., Куняев С. Сергей Есенин. – М., 1995. – С. 265.

²³ Заслуга открытия прототипа комиссара Рассветова принадлежит Н.И. Шубниковой-Гусевой. См. ее работы: Финансист Александр Краснощеков (О прототипе Никандра Рассветова из есенинской «Страны негодяев» // Независимая газета. 1997. 20 мая. С. 8; Открытие «Страны негодяев» // Литературная учеба. 1997. № 3. С. 102–114.

не жизнью людей. Их жизнь была исключительно – партия. В партии интриги, склоки, власть над людьми»²⁴.

Есенин в послеоктябрьской России увидел не только смену фамилий, охватившую страну, но и близость конечных целей противоборствующих сторон: Номах и Чекистов хотя и являются врагами (как это и было в действительности между Махно и Троцким), однако в отношении к народу и к революционной борьбе у них было больше общего, чем различий. Виталий Оппоков пишет о Троцком и Махно следующее: «Двойственность в борьбе за лидерство и известность у Троцкого проявлялась чаще спонтанно, реже – в зависимости от внешних, объективных причин, и это делало его похожим на Махно. Для обоих более важной была не идея, не дело, не судьба поверивших в них и увлеченных ими, а сама борьба, процесс этой борьбы. А ещё точнее – они в этой борьбе»²⁵.

У Есенина «гражданин из Веймара» (Чекистов) и «гражданин вселенной» (Номах) воспринимают народ как стадо «дураков и зверей» (Чекистов), носящих «овечьи шкуры» (Номах). Личными амбициями определяется и их поведение в преследовании и уходе от погони. Номах у Есенина более детализирован, чем Махно в рассказе Пильняка. Так, в поэме Есенина Номах говорит о себе Замарашкину:

Я теперь вконец отказался от многоного,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной,
Оттого что постиг я,
Что всё это договор,
Договор зверей окраски разной. (Т. 3. С. 62.)

Идея антизататизма, декларируемая Номахом, соответствует учению П.А. Кропоткина о том, что «все учреждения, даже самые лучшие, которые были выработаны первоначально для поддерживания равенства, мира и взаимной помощи, со временем застывали, окаменевали по мере того, как они старели и дряхлели. Они теряли свой первоначальный смысл, попадали под владычество

²⁴ Горелов П. Они вернулись и не уйдут // Белое движение: начало и конец. – С. 6.

²⁵ Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия. – С. 259.

небольшого властолюбивого меньшинства и кончали тем, что становились препятствием для дальнейшего развития общества. Тогда отдельные личности восставали против этих учреждений»²⁶.

Убеждая Замарашкина перейти на его сторону. Номах, во многом опирается на подобные кропоткинские выводы. Он говорит:

Ваше равенство – обман и ложь.

Старая гнусавая шарманка

Этот мир идейных дел и слов.

Для глупцов – хорошая приманка,

Подлецам – порядочный улов. (Т. 3. С. 66.)

Свое разочарование в революции Номах объясняет следующим образом (эти слова долгое время были вычеркнуты из всех изданий «Страны негодяев»):

Пустая забава.

Одни разговоры!

Ну что же?

Ну что же мы взяли взамен?

Пришли те же жулики, те же воры

И вместе с революцией

Всех взяли в плен... (Т. 3. С. 109–110.)

Мысли есенинского героя во многом соотносимы и с мыслями самого Махно, который писал в своих воспоминаниях: «Нужно сказать правду: большевики – хорошие мастера на измышление лжи и на всякие подлости против других»²⁷. И таким образом подобные автохарактеристики Номаха вполне соответствуют самооценке и действиям Махно. Так, например, Номах говорит о себе:

Ведь я башкой моей не дорожу

И за грабеж не требую награды.

Все, что возьму, –

Я все отдам другим.

Мне нравится игра,

Ни слава и ни золото.

Приятно мне под небом голубым

Утешить бедного и вшивого собрата.

²⁶ Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия. – С. 90–91.

²⁷ Махно Н. Воспоминания. Кн. 2–3. Репринтное воспроизведение изданий 1936, 1937 гг. – Киев, 1991. Кн. 2. – С. 15.

И далее Номах определяет свое поведение следующей целью: «Я хочу сделать для бедных праздник» (Т. 3. С. 67.). Такой «праздник» беднякам Махно действительно устроил после экспроприации Екатеринославского банка в ноябре 1919 г., раздав 3 000 000 рублей жителям города. М. Гутман вспоминал, что «эта раздача денег населению производилась в довольно широких размерах. Было предварительно объявлено, что беднейшее население может приходить в Штаб Повстанческой Армии имени батьки Махно за материальной помощью...»²⁸.

В «Стране негодяев» есть ещё одна параллель с махновскими реалиями, связана она с раздумьями Номаха о судьбе экспроприированного золота. Номах говорит Барсуку:

Часть возьму с собой,
Остальное пока зарыть...
После можно отправить в Польшу.
У меня созревает мысль
О российском перевороте... (Т. 3. С. 96.)

Судя по этим словам героя, Есенин действительно следил за судьбой Махно и хорошо знал его заграничные перипетии²⁹. Уходя за границу, Махно спрятал армейскую казну, за которой охотились и чекисты. Так, сын Льва Зиньковского-Задова (начальника махновской корпусной контрразведки) считает, что его отец «прискнул возвратиться из эмиграции (в июне 1924 г. – Э.М.) потому, что знал, где была спрятана казна армии Махно»³⁰. Сам Лев Зиньковский-Задов на допросе 3 сентября 1937 г. говорил о планах махновцев в 1921 г. следующее: «Со слов жены Махно – Галины – мне стало тогда известно, что Махно рассчитывал с остатками банды уйти в Польшу. Вследствие того, что мы были при-

²⁸ Цит. по кн.: Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. – С. 359.

²⁹ В.С. Пашинина утверждает, что Есенин знал некоторую махновскую литературу. Она пишет, что сокамерник Махно по каторжной тюрьме в Москве, а впоследствии штабной начальник батьки Махно П. Аршинов подготовил в 1922 г. книгу «История махновского движения» (1918–1921). Книга вышла в Берлине в 1923 г., «разве мог Есенин упустить такой случай и не познакомиться с этими документами?» – задает Пашинина утверждающий вопрос. См.: Пашинина В.С. Неизвестный Есенин: Литература факта и документа. – Сыктывкар, 2000. – С. 152.

теснены красными частями к Румынии, было решено уйти туда»³¹. Но и за границей Махно мечтал о реванше. Так, после вынесения оправдательного приговора Варшавского суда журналисты спросили Махно:

«— Думаете ли поехать на родину?

— О, да...

— С какой целью?

— Только для вооруженной борьбы с большевиками»³².

Свою программу борьбы Махно опубликовал в декабре 1923 г. во многих европейских газетах³³, которые, возможно, видел и Есенин.

У Пильняка подобных характеристик Махно нет. Объясняется это, с одной стороны, разностью временных изображений у Есенина и Пильняка, а с другой – различными идеяными установками обоих. Подобные расхождения видны у Есенина и Пильняка и в изображении представителей советской власти. Рассветов и Чекистов у Есенина – прототипные образы, образ комиссара у Пильняка – собирательный. Однако оба писателя подмечают одну определяющую черту комиссарского «племени» – их неискренность, лживость, игру. Есенинский Чекистов признается: «Мне нравится околосина» (Т. 3. С. 57.). А комиссар у Пильняка после митинга, на котором он «перематерщил» командира сотни, «первым делом прошел в сортир, чтобы, при помощи двух пальцев, вытошнить из себя самогон; потом он лег спать, не заметив, должно быть, весны, – и лицо его – юношеское – за момент до сна состарилось в страшную боль.» (С. 85.).

И Чекистов, и Рассветов у Есенина – революционеры, прибывшие в советскую Россию после Октября из-за границы. Чекистов – из Германии, Рассветов – из Америки. У Пильняка из Америки приезжает к Махно анархист Щира. Чекистов разъясняет Замарашкину:

³⁰ Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия. – С. 61.

³¹ Там же. С. 144.

³² Телицын В. Нестор Махно. – С. 425.

³³ Там же. С. 427.

Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей. (Т. 3. С. 56.)

Это Чекистов говорит о русском народе. Но его высказывания не очень отличаются от подобных же суждений Рассветова:

Вся Россия – пустое место.
Вся Россия – лишь ветер да снег.

Но, утверждает Рассветов,

Лишь только клизму
Мы поставим стальной стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне. (Т. 3. С. 76–77)

Достигнуть желанной цели Чекистов и Рассветов предлагают радикальными методами. Чекистов считает, что всем крестьянским жилищам, «как глупым курам, / Головы нужно давно под топор»³⁴, а храмы Божие перестроить «в места отхожие» (Т. 3. С. 56–57.). Рассветова тоже не волнует национальная история, связанная с деревянной культурой («Тысячи лет из бревна и соломы / Строят здания наших жилищ») (Т. 3. С. 76.), он предлагает заменить деревенскую Россию Россией городов. Оба комиссара видят препятствие к желанной цели только в крестьянском сопротивлении. Поэтому Рассветов предлагает через Номаха «отыскать нить / К общему центру организации» и вместе с предводителем повесить «хоть бандитов сто» (Т. 3. С. 101–102.). Аналогичные приказы отдавались в Красной Армии повсеместно. Так, И.Э. Якир, член РВС 8-й армии, писал: «В тылу наших войск и впредь будут разгораться восстания, если не будут приняты меры,

³⁴ В романе Р. Гуля «Жизнь на фукса» говорится, что Александр I подарил прусскому королю Фридриху 25 песенников. Король поселил их отдельно в колонии «Александердорф» и наблюдал, чтоб деревня эта как две капли воды была «похожа не на немецкую, а на русскую деревню. Выстроил ее на славу. Избы, а не каменные, как у немцев, дома. Тесовые крыши, а не черепица, как у немцев» (Белое движение: начало и конец: Гуль Р. Ледяной поход (с Корниловым); Ген. А. Деникин. Поход на Москву (Очерки русской смуты); Гуль Р. Жизнь на фукса. – М., 1990. – С. 473).

в корне пресекающие даже мысль возникновения токового. Эти меры: полное уничтожение всех поднявших восстание, расстрел на месте всех имеющих оружие и даже процентное уничтожение мужского населения»³⁵. Относительно Махно тоже была директива. Командарм Скачко свидетельствовал, что «Троцкий предлагал захватить дерзкого партизана Махно и доставить его на суд и расправу»³⁶.

Итак, приближение счастливого будущего предлагается комиссарами через кровь «дураков и зверей», т.е. всех несогласных с коммунистическими утопиями. Но, как заметил Пильняк, эксперименты над несчастной страной совершали не только комиссары, но и все, кто выдавал себя за народных защитников, в том числе и анархисты. Так, в рассказе «Ледоход» он показывает американского анархиста Щира, приехавшего в революционную Россию для проведения социального эксперимента над людьми. Щира говорит Махно: «...Я – теоретик анархизма, но у меня нет материалов под руками, нет человеческого материала, на котором я мог бы проверить и установить законы моей теории... <...> И американец закончил <...> заявлением, чтобы батько отдал ему в володение уезд, в полное его правление, дабы мог он на людях, практически, проверить свои анархические, крепко выдуманные в Америке, законы» (С. 106–107).

Пильняк верно определил анархистский эксперимент как «кабинетский»³⁷. Да и сам батько Махно мечтал об «Автономной республике Вольных советов» и «не скрывал своих планов <...> о создании “анархистской республики”»³⁸, но он же убеждает своих читателей в том, что подобный же астатический эксперимент проводят над страной и коммунисты. Мысль эта выражена композиционно в первой части рассказа «Ледоход», делящаяся на ма-

³⁵ Лосев Е. Трижды приговоренный // Москва. 1989. № 2. С. 151.

³⁶ Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. – С. 231.

³⁷ Утопические намерения о создании анархистской республики были свойственны разным анархистам. Так, нач. штаба махновцев В.Ф. Белаш вспоминал, что «известный синдикалист и набатовец Барон-Полевой неизменно проповедывал идеи закрепления занятого района и применения анархистских экспериментов» (Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. – Киев, 1993. – С. 429).

³⁸ Оппоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия (повесть о махновце-чекисте): Документально-художественная повесть. – Петрозаводск, 1994. – С. 88.

новскую и красную половины. Махновцы с батькой и красноармейцы с комиссаром, разделенные половодьем, вынужденно бездельничают и от скуки постреливают в уток (махновцы) и в месяц на небе (красноармейцы), махновцы совершают погромы³⁹ и мародерничают, красноармейцы от них не отстают⁴⁰. Это видно из письма красноармейца к родным, описывающего свой «подвиг» в борьбе с махновцами: «...Вижу – бежит один за пунькой, – приложился – бац, подбежал – бандист, и на нем трое часов, одни оставил себе, золотые, а пару сдал в народное достояние... И ещё при нем пулеметная лента с патронами, а в кармане бутылка самогону... Самогону здесь сколько хочешь» (С. 87). Действительно, самогон объединял в гражданской войне всех – и махновцев⁴¹, и красных.

У Есенина «самогонная» тема тоже имеет перекличку с идейной семантикой пильняковского «Ледохода». Слова Чекистова о махновцах, что «они ходят / Из притона в притон, / Пьют спирт и играют в кости» (Т. 3. С. 100.), являются своего рода фабульной моделью «Второй части...» рассказа Пильняка, в которой повествуется об одесских похождениях Щира.

В драматической поэме «Страна негодяев» Есенин заметил одну языковую особенность, охватившую всю страну: все, от рядовых граждан до высших руководителей России, заговорили на «ма-

³⁹ Описывая еврейский погром, Пильняк характеризует его через выразительную деталь: пух из выпотрошенных перин, застилающий улицу (С. 81). Этот погромный пух вызывает у писателя ассоциацию с ритуальным еврейским обрядом потрошения кур. Картина эта, как пишет писатель, пострашнее «Капричос» Гойи (С. 94–95). Думается, что эта параллель «погром – ритуальное потрошение кур» у Пильняка подсказана реалией есенинского персонажа (1-го повстанца) из «Страны негодяев»: «Когда крутит снег, / Мне кажется, / На птичьем дворе гусей щиплют» (Т. 3. С. 87)

⁴⁰ В летних письмах 1920 г. В. Короленко писал Луначарскому: «У нас продолжается прежнее. По временам ночью слышатся выстрелы. Если это в юго-западной стороне – значит, подступают повстанцы, если в юго-восточной стороне кладбища – значит, кого-либо, может быть, многих расстреливают (чекисты – Э.М.). Обе стороны соперничают в жестокости» (Новый мир. 1988. № 10. С. 209.)

⁴¹ При взятии городов первым делом махновцы брали спиртзаводы. Как пишет Вадим Телицын, «водку Махно считал лучшим аргументом в своей агитации бесклассового общества» (Телицын В. Нестор Махно. – С. 275).

терном» языке. В контексте поэмы Чекистов, проверяя караул, бранится: «Ну и ночь! Что за ночь! / Черт бы взял эту ночь / С ...адским холодом...» (Т. 3. С. 53.), а покидая Замарашкина, снова обрушивает ругань: «Мать твою в эт-твою!» (Т. 3. С. 59.). Не прошел мимо подобного языкового явления и Пильняк. Вот как он описывает митинг в стане красных: «Рано утром к штабу приваливала толпа – вот этих, местных, не туляков и рязанцев, в папахах, иные с чубами, безбородых и длинноусых. Они заламывали шапки на затылки, потрясали винтовками. Их оратор кричал комиссару дивизии: “Мы на фронтах кровь проливали (мать, мать, мать), – а они в вагонах ездили (мать, мать, бог, печенка, гроб)!.. Не жалам!”

Тогда заматершина вся эта сотня людей...» (С. 84). Так разговаривала рядовая масса, а вот как убеждает ее комиссар: «И тогда рядом с ним (с оратором – Э.М.) возник человек, молодой, в красноармейском шлеме, с револьвером в руках, – у этого лица было крепко обтянуто кожей, глаза были острые и дерзкие и, должно быть, он был интеллигент. И он сразу начал, – возведя в небывалейшую степень, – с селезенки, гроба, бога, оставив мать, как малодействующее средство: “– ... Гроб, печенка, ствол, слон, – вы проливали кровь, а мы в поездах ездили, гроб, ствол, слон, – вы, гроб, проливали, ствол, кровь, слон!...”» (С. 84–85.). И результат не замедлил проявиться: «вскоре сотня ушла к своему курению со своим комиссаром, приходившая потому, что она не желала коммуниста-комиссара, и ушедшая потому, что коммунист-комиссар перематершили⁴² ее командира» (С. 85.).

И Пильняк, и Есенин в своих произведениях сталкивались коммунистов и махновцев для того, чтобы показать, что «и те и эти» «одним миром мазаны» и что идет не столько борьба идей, сколько борьба за власть, а в обществе в целом утверждаются новые нравственные нормы поведения, построенные на лжи.

⁴² Подобное языковое «новшество» было замечено не только Есениным и Пильняком. Владимир Набоков в романе «Подвиг» словами профессора русской словесности в Кембридже тоже утверждал, что «русское словообразование, рождение новых слов, <...> кончилось вместе с Россией <...>. Все последующее – блатная музыка» (Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1990. Т. 2. – С. 200.).

С. ЕСЕНИН И М. ЦВЕТАЕВА: К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Д.В. Жулин

(Рязанский государственный педагогический
университет им. С.А. Есенина, г. Рязань)

Взаимоотношения и взаимопроникновение судеб поэтов Серебряного века волнуют многих по сей день. Марина Цветаева, Сергей Есенин – эти индивидуальности ушедшего века являются собой собрание гениальных прозрений и, одновременно, противоречий и крайностей в мироощущении, в творчестве, в судьбе. Судьбы их не раз пересекались, и тому есть документальные подтверждения, но на сегодняшний день эта тема остается малоизученной и представляет научный интерес.

Дата знакомства Сергея Есенина и Мариной Цветаевой устанавливается по ее письму Михаилу Алексеевичу Кузьмину от 1921 года, где она пишет о вечере, состоявшемся на квартире Иоакима Самуиловича Канегиссера, датируя этот момент началом января 1916 года. Атмосферу этой встречи она воспроизводит в очерке «Нездешний вечер», опубликованном в 1936 году. Цветаева была знакома с двумя сыновьями Иоакима Самуиловича (Леонидом и Сергеем), причем она была дружна с Сергеем Канегиссером, а Есенин, как мы узнаем из очерков, – с Леонидом.

Знакомство двух поэтов началось с казуса. Беседуя в кабинете с Сергеем Иоакимовичем, Цветаева узнает, что он видел ее, обнявшуюся с Леонидом. На что Цветаева отвечает возмущенным «Что-о-о?». (У этого возмущения были свои психологические основания: Цветаева на дух не переносила Леонида Канегиссера, потому что он часто сравнивал ее с Ахматовой, при этом не в пользу Мариной.) Все прояснилось очень быстро. Оказалось, что Сергей Иоакимович просто ошибся, увидев сидящими своего брата Леонида и Сергея Есенина со спины. И, что особенно курьезно, спутал Есенина с Цветаевой. «У вас совершенно одинаковые

затылки»¹ – пояснил он. Об этом любопытном факте Марина Цветаева упоминает впоследствии в очерке «Нездешний вечер».

Первое впечатление о Есенине Цветаева запомнит на всю жизнь. Он читает поэму «Марфа Посадница», принятую Горьким для публикации в альманахе «Летопись», и уже после этого запрещенную цензурой. Цветаева пишет: «Помню сизые тучи голубей и черную – народного гнева. – «Как московский царь – на кровавой гульбе – продал душу свою – Антихристу»... Слушаю всеми корнями волос. Неужели этот херувим <...> этот – это написал? – почувствовал? (с Есениным я никогда не переставала этому дивиться)»².

Последующие годы их общения мало освещены в документах и мемуарах современников. Встречи, по всей видимости, были немногочисленны, и нам еще предстоит большой научный поиск.

Смерть Есенина потрясла Марину Ивановну. Спустя несколько дней Цветаева начинает поэму, посвященную Есенину. В первых строках звучит тема смерти, которая к этому времени уже становится знаковой в творчестве поэтессы.

Брат по песенной беде –
Я завидую тебе.

Пусть хоть так она исполнится

– Помереть в отдельной комнате! –

Скольких лет моих? лет ста?

Каждодневная мечта³.

В последующих строках Цветаева делает акцент на истоках психологической трагедии Сергея Есенина, формулируя очень важную проблему: поэт и время, к которой она еще вернется в своем очерке, написанном в 1932 году, который так и назовет – «Поэт и время».

И не жалость: мало жил,
И не горечь: мало дал.

¹ См.: Цветаева М. Собрание сочинений: Воспоминания о современниках / Сост., подгот. текста и comment. А. Саакянц, Л. Мухина: В 7 т. – М.: Терра, 1997. Т. 4. Кн. 1. – С. 284.

² Там же. – С. 287.

³ Цветаева М. Указ. соч. Т. 2.: Сочинения; Переводы. – С. 262.

Много жил – кто в *наши* жил
Дни: *всё* дал, – кто песню дал.
Жить (конечно не новой
Смерти!) жилам вопреки.
Для чего-нибудь да есть –
Потолочные крюки.⁴

Следует отметить особо, что Марина Цветаева не подвергала сомнению официальную версию о самоубийстве Есенина. И интуиция поэта, во многом близкого Есенину по своему раниному душевному складу, может служить одним из неформальных доводов, подтверждающих трагический финал есенинской судьбы. Цветаева сразу выдвинула собственную психологическую гипотезу мотивов есенинского самоубийства. В очерке «Поэт и время» Цветаева скажет, что Есенин погиб «из-за чувства, очень близкого к совести»⁵.

Судьба и смерть Есенина настолько взволновали Цветаеву, что практически весь 1926 год она не оставляет замысла написать поэму о нем. В трагедии Есенина она видит отражение каких-то сущностных свойств творческой природы многих русских художников и их трагических судеб. Так, в приложении «Цветник» (1926) к очерку «Поэт о критике», Цветаева пишет: «Смерть поэта – вообще незаконна. Насильственная смерть поэта – чудовищна. Пушкин (собирательное) будет умирать столько раз, сколько его будут любить. В каждом любящем – заново. И в каждом любящем –ечно»⁶.

В письме Борису Пастернаку Марина Ивановна просит его: «Напишите мне достоверности о смерти Есенина: час, день недели, число, название гостиницы, по возможности – номер. С вокзала – в гостиницу? Подтвердите. По каким улицам с вокзала в гостиницу? (Вид и название.) Я Петербурга не знаю, мне нужно знать, <...> Всё знаю, кроме достоверности. Поэма не должна быть в воздухе»⁷.

⁴ Цветаева М. Указ. соч. Т. 2.: Сочинения; Переводы. – С. 262.

⁵ Цветаева М. Указ. соч. Т. 5. Кн. 2.: Статьи; Эссе; Переводы. – С. 10.

⁶ Цветаева М. Указ. соч. Т. 5. Кн. 1.: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе. – С. 302.

⁷ Каган Ю.М. Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели. – М.: Отечество, 1992. – С. 179.

Замысел остался неосуществленным, но обобщенный образ ушедшего поэта скользил по многим произведениям Цветаевой. Переживая гибель Маяковского, Цветаева вновь возвращается к размышлению о трагических судьбах русских поэтов, относя на этот раз судьбы Есенина и Маяковского:

Умаялся? – Малость.
– По общим? – По личным.
– Стрелялось? – Привычно.
– Горелось? – Отлично.
– Так, стало быть, пожил?
– Пас в некотором роде.
...Негоже, Сережа!
...Негоже, Володя!⁸

Два антипода поэзии в жизни едины – в смерти: Поэты. «Попала в тупик»⁹, «не вынесла»¹⁰ и Марина Цветаева. Г. Чхартишвили в своей книге «Писатель и самоубийство» отмечает: «Образ веревочной петли незримо свивался вокруг ее шеи всю жизнь. Первый раз пыталась повеситься семнадцатилетней <...>. Потом в Париже было два самоповешения родственников <...> В последние годы чаша весов наполнялась всё стремительней и стремительней: полицейские неприятности во Франции; роковая ошибка возвращения на родину; арест С. Эфрана и дочери. Осенью 1940 года записала: “Никто не видит – не знает – что я год уже (приблизительно) ищу глазами – крюк”»¹¹.

Жизнь Марина Ивановна определяет для себя задолго до трагической гибели в стихотворении «Поезд жизни», датированном 1923 г.:

Не штык – так клык, так сугроб, так шквал, –
В Бессмертье что час – то поезд!
Пришла и знала одно: вокзал.
Раскладываться не стоит.¹²

⁸ Цветаева М. Указ. соч. Т. 2.: Сочинения; Переводы. – С. 277–278.

⁹ Цветаева М. Указ. соч. Т. 7. Кн. 2.: Письма. – С. 295.

¹⁰ Там же. – С. 296.

¹¹ Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – С. 308.

¹² Цветаева М. Указ. соч. Т. 2.: Сочинения; Переводы. – С. 230.

Здесь же она определяет свое отношение к судьбам поэтов и к собственной судьбе:

Так через радугу всех планет
Пропавших – считал-то кто их? –
Гляжу и вижу одно – конец:
Раскаиваться не стоит¹³.

Уход Марины Ивановны взволновал многих. Так, в книге «Курсив мой» поэтессы Нина Берберова пишет о разговоре с мужем, В. Ходасевичем, где он вспоминает о том, как были похожи С. Есенин и М. Цветаева в молодости: «...цветом волос, цветом лица, даже повадками, даже голосом»¹⁴. Следом за разговором Н. Берберова описывает свой сон: «И вот я вижу их перед собой: висят, качаются, оба светлоголовые, в петлях. Слева он, справа она, на одинаковых крюках и веревках, и оба с льняными волосами, остриженными в скобку»¹⁵. Здесь же отметит: «...не могу не видеть этой страшной параллели в смерти обоих»¹⁶.

В записной книжке Марины Цветаевой, начатой в 1925 году, сохранилось всего лишь несколько страниц. На одной из них – строки, которые можно, в какой-то мере, соотнести с темой «Цветаева – Есенин»:

В смерти, как в сене,
Лежать и дружить.¹⁷

¹³ Цветаева М. Указ. соч. Т. 2.: Сочинения; Переводы. – С. 231.

¹⁴ Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Т. 1.: Воспоминания / Вступ. ст., коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М.: Инкон, 1993. – С. 284.

¹⁵ Там же. – С. 284.

¹⁶ Там же. – С. 284.

¹⁷ Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. 2: 1919–1939 / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. – М.: Эллис Лак, 2001. – С. 329.

МАРК ШАГАЛ И СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

В.Е. Кузнецова
(Мурманск)

В 1964 году в Праге вышел сборник стихов Сергея Есенина «Лирика», иллюстрированный образами Марка Шагала.

Почему Марк Шагал не создал для книги иллюстраций, а использовал уже созданное ранее, ведь он был жив в то время? Может быть, потому, что издательство выпустило сборник, не поставив о том в известность художника? Может быть на то была воля автора, воля художника? Сергея Есенина Марк Шагал, по-видимому, знал в 20-е годы, его рисунки именно этого времени и использованы в качестве иллюстраций к поэтическому сборнику.

Норвежский журналист Мартин Наг утверждает, что мы «имеем основание назвать Есенина Марком Шагалом в лирике»¹.

Марк Шагал и Сергей Есенин – современники. Марк Захарович Шагал родился 7 июля 1887 года в Витебске, Сергей Александрович Есенин – 3 октября 1895 года в селе Константиново Рязанской губернии. Шагал старше Есенина на 8 лет.

В 1922 году Марк Шагал уезжает в Каунас, затем в Берлин, а в 1923–1924 году переезжает во Францию.

В 1925 году С. Есенин ушел из жизни. Марк Шагал прожил почти целый век, умер 28 марта 1985 года. Работал он всю свою жизнь и даже незадолго до кончины устраивал выставки, целиком состоявшие из новых картин и графических композиций. Однако в 1964 году он не смог выполнить к сборнику Есенина новые иллюстрации. Скорее всего, он не знал о сборнике и был поставлен перед фактом выхода книги.

Знакомы ли были Шагал и Есенин? В 1916–1917 годах Шагал участвует в московских и петроградских выставках, а с 1920 года живет в Москве, работает в Малаховской колонии для беспризорных «III Интернационал», занимается оформлением зала и первой премьеры Еврейского камерного театра в Москве; живет активной творческой и общественной жизнью, посещает кафе

¹ Av Martin Nar, Sergej Jesenin – Chagale, moderne Russik Jyrikk – FRIHETEN № 248, 26 ara, Fredag 29 okt 1965 – C. 11.

поэтов, поэтические вечера, собрания поэтов. Там он и мог встретиться с Есениным.

У Сергея Есенина есть стихотворение о беспризорниках «Папироники». Конечно, его не мог не заметить Марк Шагал, работавший сотрудником колонии беспризорников.

Что имел в виду Мартин Наг, называя Сергея Есенина Марком Шагалом в лирике? Что роднит их творчество? Только ли метод примитивизма, о котором пишет Мартин Наг?

У обоих художников имеется общее во взглядах на искусство. У Есенина и Шагала есть способность увидеть в обыденном и бытовом – *нечто возвышенное, родное, светлое, душу народную выраждающее*.

У Шагала в годы первой мировой войны, перед Октябрем, стало заметным нарастание обыденных, бытовых мотивов. Многие стихи Есенина той поры тоже рисуют милые сердцу крестьянина детали быта.

В годы войны и у Шагала, и у Есенина в творчестве звучат антивоенные мотивы, мысли о том, что человек рожден для мирной жизни.

В книге «Моя жизнь» Марк Шагал вспоминает о поэтическом собрании, где поэты шумно опровергали соперников: «Мне больше нравился Есенин, с его неотразимой белозубой улыбкой. Он тоже кричал, опьяненный не вином, а божественным наитием. Со слезами на глазах он тоже был кулаком, но не по столу, а себе в грудь и оплевывал сам себя, а не других. Есенин приветственно помахал мне рукой. Возможно, поэзия его несовершенна, но это после Блока единственный крик души в России»². Есенинская нежность, любовь к деревне и к «зверью» близки Шагалу. Книга «Моя жизнь» была написана в Париже в 1923–1924 годах. Встречались ли они?

22 мая 1964 года в письме английскому слависту, исследователю творчества Есенина Гордону Маквею Марк Шагал писал: «...Я понимаю, что Вы должны любить поэзию Есенина. Он из

² Шагал М. Моя жизнь. – СПб.: Моя Азбука, 2000. – С. 314–315.

характернейших поэтов России. Я хорошо знал его, тогда он был чрезвычайно красив. Я думаю, что мы были примерно одного возраста, но все же тогда я был гораздо моложе. По правде говоря, мне повезло. Он одарил меня своей любовью.

Мне кажется, что суть нашего искусства была похожа, но тогда мы редко это обсуждали. Со временем для меня становилось все более и более ясно, что из всех русских поэтов он мне ближе других...»³.

Марку Шагалу была близка и есенинская нежность грустная русской души, и любовь к «братьям нашим меньшим», и метафоричность. Многие поздние его работы вызывают в памяти есенинское «неказанное, синее, нежное...».

Драгоценную по цвету живопись, и ностальгические стихи с их дохристианским библейским началом, и воздушную графику можем отметить в творчестве и Есенина, и Шагала. Приведём близкое есенинскому мироощущению стихотворение Марка Шагала:

Высокие врата

Отечество мое – в моей душе.

Вы поняли ?

Вхожу в нее без визы,

Когда мне одиноко – она видит.

Уложит спать.

Укутает, как мать.

Во мне растут зеленые сады.

Нахохленные скорбные заборы,

И переулки тянутся кривые.

Вот только нет домов.

В них – мое детство

И, как оно, разрушились до нитки.

Летят по небу бывшие жильцы.

Где их жилье?

В моей душе дырявой.

Вот почему я слабо улыбаюсь,

Как слабенькое северное солнце,

А если плачу –

³ Цит. по: Сергей Есенин в стихах и письмах: Письма. Документы. – М., 1995.

Это плачет дождь.
Бывало —
Те обе головы мои смеялись,
Накрытые любовным одеялом...
Ах, умерли, как резкий запах розы!
Мне кажется, я все иду к Вратам,
Иду вперед, даже идя обратно. —
Передо мной высокие Врата.
Врата — это распахнутые стены.
Там громы отгремевшие ночуют
И молнии расщепленно трещат.

Ирина Антонова отмечала: «Шагал — мастер изобразительной метафоры... В этом смысле его поэтики. Однако в его искусстве нет ребусов, аллюзий, аллегорий. Оно наполнено подлинно поэтическим символом, требует от зрителей не умозрительных интеллектуальных упражнений, а взволнованной души и сердца... Марк Шагал нежно любит родину... Мы видим Марка Шагала — великого мастера, ироничного и доброго сказочника, веселого человека с грустными синими глазами, помогающего нам сохранить улыбку и помнить детство»⁴. Все это можно сказать и о Есенине.

А.А. Каменский отмечает: «У времени, в сущности, остается только одна функция — объединять все доброе и человечное, что когда-либо встречал и может встретить человек. Иными словами, время у Шагала становится одной из категорий радости... Шагал — один из тех художников нашего века, голосом которых говорит извечная традиция народного жизнеутверждения Всепроникающая одухотворенность и глубокая человечность... идет именно от этой традиции»⁵. Этим, видимо, и объясняется выбор составителей чешского сборника стихов Есенина «Лирика», использовавших образы Марка Шагала в оформлении книги.

Есенин и Шагал — современники, и время в их творчестве оживает, наполненное деталями и подробностями бытия, миро-восприятия. Шагал это время носил в памяти. Его родина — свет-

⁴ Шагал М. Возвращение мастера: По материалам выставки Москвы к 100-летию со дня рождения художника. — М.: Советский художник, 1988.

⁵ Каменский А.А. Марк Шагал и Россия. — М.: Искусство, 1988. № 8. — С. 42.

лый оазис, питающий его в заграничной жизни. Приехав в 1973 году в СССР, он не стал посещать Витебск, предчувствуя, как сильно изменился город, совсем другой стала страна его детства.

Сергей Есенин, разделив тяжёлую судьбу своей родины – боль, голод, разрушения, ломку старого – нес вместе с ней её крест. Он не остался за границей жить безбедно. Его любовь к «стране березового ситца» не умерла. Поэт гордился тем, что у него есть Рязань, он часто повторял: «Я люблю Родину. Я очень люблю Родину!»

Еще в 1936 году Марк Шагал писал на родину: «Меня хоть в мире и считают “интернац”, и французы берут в свои отделы, но я себя считаю русским художником, и мне это так приятно». Однако в нашей энциклопедии мы читаем: «Шагал – французский художник».

Книга «Лирика» (1964) включает в себя небольшой автобиографический очерк С. Есенина «О себе». С. Есенин рассказывает об эпизодах своего детства настолько живописно, будто мы воочию видим все это.

Сборник «Лирика» открывается рисунком Шагала «Улица в Витебске», а внизу в правом углу голубым цветом дан портрет юного Сережи Есенина (1909–1910). Лист соединен (не разрезан) со следующей страницей, где в левом углу дана фотография родителей Есенина, а на развороте двух страниц – рисунок Шагала, изображающий интерьер дома.

На левом развороте следующей страницы – рисунок «Шагал и Бэлла», а на правом развороте – автограф стихотворения Сергея Есенина 1925 года «Слышишь, мчатся сани?». По всему развороту дана панорама города Витебска, а над ним парит пара влюбленных – графический рисунок Шагала «Прогулка над городом».

Владимир Бондаренко отмечал: «Где бы ни работал Марк Шагал, как бы далеко ни был от родных mestечек Витебщины, он не отрывался от своей почвы». Сам М. Шагал подчеркивал: «Я только хочу сказать, что всегда чувствовал себя художником из России. Когда в 1922 году я оказался за рубежом, то почувствовал себя деревом с вырванными корнями, висящими в воздухе. Я испытывал тяжкие мучения. Я выжил и даже – если сравнить меня с деревом – не переставал расти только потому, что никогда не порывал духовной связи с Родиной»:

Во мне звенит
тот город дальний,
церквишки белые —
белы, как мел они —
церквишки дальние
и синагоги...
Во мне грустят
кривые улочки,
надгробья серые — на склоне,
где лежат
в горе благочестивые евреи...

Эти строки М. Шагала — отражают не только личностное видение художника, но и видение его народа, видение родной ему почвы. Творчество Марка Шагала жило и дышало Россией, хотя он был далеко от неё.

Признанья в любви Сергея Есенина к Родине можно цитировать бесконечно, ими пронизан и «чешский» сборник лирики поэта.

Как бы я и хотел не любить,
все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.....

Дальше льется музыка его стихов в переводах на чешский язык, авторы которых — Ян Забран, Мария Марзанова, Эмиль Френт, Богомил Матсессиус, Ладислав Фикар, Юрий Фиска, Йозеф Гора, Юрий Тауфер. Вступительная статья о жизни и творчестве Сергея Есенина написана Яном Забраном. После статьи — разворот: на зеленом фоне изображена белая стая птиц. «Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою,» — звучит в памяти есенинская строка... Заключает книгу эта же стая птиц, но фон — белый, а птицы — синие. В белой вечности неба летят они синими стаями, строками стихов в бессмертие. На черном фоне — перевод стихотворения Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...». На обороте левой страницы на зеленом фоне слова Маяковского (в чешском переводе): «В этой жизни умереть не ново, сделать жизнь значительно трудней». Это слева, а справа на красном фоне — черный оттиск фотографии поэта работы Наппельбаума.

О Маяковском, как и о Есенине, в книге воспоминаний М. Шагала «Моя жизнь» есть несколько строк, относящихся к 20-м годам XX века: «Митинг поэтов». Громче других кричит Маяковский: «Друзьями мы не были, что не помешало ему подарить мне свою книжку с надписью: “Дай бог, чтоб каждый шагал, как Шагал!”». Его крики и оплевывание публики были мне глубоко противны. Неужто поэзии нужен весь этот гвалт?

Вот Есенин – с его трогательной улыбкой, с его зубами. Случилось, кричал и он – но хмель его был от бога, а не от вина. Слезы стояли у него на глазах, когда он бил кулаком себе в грудь, а не по столу и когда он плевал – только не на других, а себе в лицо.

Он поприветствовал меня со сцены. Поэзия его, может быть, и не столь совершенна, но разве после Блока в России – она не единственный крик одинокой души?» (Перевод с идиш – Л. Беринского).

Среди стихов сборника, представленных в чешском переводе, выделяется «Исповедь хулигана». Перед «Исповедью хулигана» – графический портрет работы М. Шагала: юноша в кепке, подперев щёку рукой, глубоко задумался о чём-то. Пристально супров его взгляд сощуренных глаз, твердо сжаты губы, нахлобучена кепка, крепко сжат кулак, подпирающий щеку. Рядом – стихи из «Москвы кабацкой»: «Исповедь хулигана» «Не жалею, не зову, не плачу», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут»... Здесь же приведена иллюстрация Марка Шагала – образ Ангела из его «Видения» (1917–1918). Ангел изображён на целом развороте книги: голова и верх крыла на ярко-зеленом фоне левой страницы, темнота земного бытия еще не отпустила, окутывает его. Художник рассказывает, что фабульной основой картины послужил давний странный сон: «Меня одолевали сны. Квадратная пустая комната. В углу одинокая постель, где сижу я. Вдруг разверзся потолок и крылатое существо с шумом и грохотом спустилось вниз, наполняя комнату движением и облаками. Шёлест влекущихся крыльев. Я понимаю: ангел! Не могу открыть глаза, становится слишком светло и лучисто. Пошарив повсюду, он поднялся к прорези в потолке, унося с собой весь свет и голубой воздух... Снова стало темно. Я проснулся.

Моя картина «Видение» вызвана этим сном⁶.

И действительно, сюжет полотна соответствует этому описанию сна. Единственное отличие: живописец сидит не на постели, а у мольберта с кистью в руке. Художник ощущает себя словно бы медиумом, через сознание которого проходит тайная суть бытия, дабы быть выраженной на полотне, пока еще пустом. Вся картина выдержана в не характерных для Шагала прохладных (синих, белых) тонах, имеющих некий астральный оттенок, вызывающих ассоциации с живописью Врубеля.

Здесь же, в графическом варианте за крылами видны скат крыши, несколько домиков, часть улицы... – на весь уютный покой мирского ложится отсвет таинственности. На память приходят строки стихов Марка Шагала:

Ты помнишь ли меня, мой город,
мальчишку, ветром вздутый ворот...
Река из памяти испей-ка
и вспомни въявь юнца того,
что на твоих сидел скамейках
и ждал призванья своего.
Там, где дома стоят кривые,
где склон кладбищенский встает,
где спит река – там золотые
деньки я грезил напролет,
А ночью ангел светозарный
над крышей пламенел амбарной
и клялся мне, что до высот
мое он имя вознесет...

Это строки из стихотворения художника «Ангел над крышами». В сборнике Есенина «Лирика» образ ангела разделяет стихи поэта цикла «Москвы кабацкой»: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника, скука, скука...» и стихи, посвященные Августе Миклашевской: «Ты такая простая, как все...», «Заметался пожар голубой...», а затем проникновенное «Письмо матери».

В сборнике в качестве иллюстраций использован и портрет сестры Марка Шагала. Это еще одно, что роднит художника и

⁶ Каменский А.А. Марк Шагал и Россия. – М.: Искусство, 1988. № 8. – С. 42.

поэта: и в стихах, и в рисунках образы родных даны любовно, нежно. У Шагала есть стихи, близкие к зарисовкам: «Уходит матери виденье...», стихотворение «Сестры»:

Смеются сестры или плачут,
В дверях, бывало, став, поют
или, окно открыв, судачат,
выглядывают, счастья ждут...

Василий Федоров писал о Марке Шагале: «Художник делает в поэзии то же, что и Сергей Есенин в поэзии. Но не формальные признаки, а что-то другое сближает их. Это любовь к родному пепелищу. Шагал так же привязан к своему Витебску, как Есенин к Рязанской губернии. Эта любовь и освещает творческую деятельность художника неповторимого таланта. И в стихах и в картинах Марк Шагал – лирический поэт»⁷.

Вот на этом ощущении и основывались, по всей видимости, издатели в Праге, выпустившие сборник Есенина «Лирика» и проиллюстрировавшие его на основе собственных ассоциаций образами Марка Шагала.

⁷ Fedorov W. Mark Shagal in Literaturum Sovremennik. Munich, 1951. P. 106.

Разыскания, находки, новые материалы

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В 1914–1916 ГОДАХ

Новые биографические материалы

С.И. Субботин

(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

1

В процессе работы над «Летописью жизни и творчества С.А. Есенина», проводящейся ныне в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН, удалось по архивным материалам выявить ряд фактов биографии поэта, не известных ранее, а также по-новому взглянуть на некоторые уже известные.

Несколько лет назад член авторского коллектива «Летописи» Ю.Б. Юшкин обратил внимание коллег на хранящиеся в РГАЛИ воспоминания К.Ф. Богоявленской, где шла речь о контактах Есенина с ее братом М.Ф. Богоявленским, а также Г.Н. Пылаевым, П.П. Цельминым и другими московскими социал-демократами в 1913–1914 гг.¹. Если об отношениях Г.Н. Пылаева и С.А. Есенина ранее уже были обнародованы некоторые факты и соображения на основе данных из архива Московского охранного отделения², то другие вышеперечисленные фамилии в едином контексте с именем поэта исследователям нигде более не встречались.

Для документального подтверждения сведений, сообщенных К.Ф. Богоявленской, пришлось вновь обратиться к материалам московской охранки, находящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), и провести соответствующий поиск.

¹ Эти воспоминания ныне опубликованы. См.: Воспоминания К.Ф. Богоявленской // Российский писатель. – М., 2002. № 6 (33). Март. С. 12 (публ. Ю.Б. Юшкина).

² Шалагинова Л. Сергей Есенин в революционной Москве (1912–1914) // Вопросы литературы. 1987. № 11. С. 181.

И вот передо мной «Дневник наружного наблюдения» на 1914 год, на обложке которого проставлена кличка наблюдаемого «Пень» и его данные: «Цельмин Петр Петров, кр^ест^иянин Курляндской губ^иернии, Ф^еридрихштадского у^езда, слушат^ель Унив^ерситета Шенявского». 26 октября 1914 г. филёр сделал в этом дневнике такую запись: «“Пень” проживает в д. № 21 по Грузинскому Камер-Кол^илежскому валу. В 10 ч. утра пришел “Скакун” ^кличка, присвоенная полицией Г. Н. Пылаеву. – С. С.> с неизвестным, принесли корзину размером 1 арш^и длины, 3 чет^и ширины и 3 чет^и вышины; через 30 м^и вышли, т.е. в 10 ч. 30 м^и утра, “Пень”, “Скакун” и неизвестный, отправились в д. № 4 во двор по 5-й Ямской ул. Через 10 м^и вышел “Скакун”, нанял извошика, вынесли вещи: постельную принадлежность, стол, табуретку, лампу и еще узел. “Скакун” и “Пень” на извошике сели, отправились, а неизвестный пошел без наблюдения. “Пень” и “Скакун” поехали в Сокольники в д. № 20 по 3-й Сокольнической ул. во двор, скоро туда же пришел и тот неизвестный. Через 30 м^и вышли все трое: “Пень”, “Скакун”, неизвестный, отправились трамваем в Музей Александра III по Б. Знаменскому пер., где пробыли до 3 часов дня, вышли, тут же сели в трамвай, отправились в столовую слушателей Шенявского ^{так!} Университета по Б. Грузинской ул., через 40 м^и вышли все трое, пошли ^в Университет имени Шенявского ^{так!} по Миусской площади. Через 15 м^и вышел “Скакун” с неизвестным, пошли без наблюдения, а “Пень” пробыл 2 часа 30 м^и, вышел, вернулся домой. Более выхода не видали»³.

На следующий день, в соответствии с установленным порядком, охранка направила полицейскому надзирателю 4-го участка Мещанской части запрос:

«Выяснить негласно и донести ПОДРОБНО.

26 октября в д. № 20, Сергеева ^{фамилия} домовладельца. – С. С., по 3-й Сокольнической ул., во дворе, проведены “Пень”, “Скакун” и неизвестный, откуда через 30 мин. вышли.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 63. Оп. 44. Ед. хр. 5673. Л. 10–11.

Они сюда привезли на извощике вещи.

Кого посетили?»⁴.

31 октября 1914 г. участковый надзиратель Соколов ответил на этот запрос следующее: «26 октября Пень, Скаакун и неизвестный сняли в квартире № 7 комнату, в которой остались на жительство Скаакун и неизвестный под фамилией –

Скаакун:

Пылаев Георгий Николаев 19 л^ет, кр^естьянин Грязовецкого у^езда Ростиловской вол^ости дер^евни Прокунино, холост, прибыл из 1-го уч^астка Сущевской ч^асти, д. № 4 Додонова по 5-й Тверск^ой-Ямской ул., учащийся.

Неизвестный:

Есенин Сергей Александров 19 л^ет, кр^естьянин Рязанского у^езда Кузьминской вол^ости села Константинова, приб^ыл из 1-го уч^астка Сущевской ч^асти, д. № 4 Додонова по 5-й Тверской-Ямской ул., учащийся.

Содержатель квартиры № 7 Молофеев Илья Евдокимов 38 л^ет и его жена Мария Федорова 30 л^ет»⁵.

Аналогичный запрос был направлен и надзирателю 1-го участка Сущевской части Саушкину. Его ответ от 29 октября 1914 г. также сохранился. Он содержит точный адрес местожительства Есенина и Пылаева до 26 октября (5-я Тверская-Ямская ул., д. 4 (Додонова), кв. 9) и характеристику последнего: «Пылаев Георгий Николаев 20 л^ет, кр^естьянин Вологодской губ^ернии Грязовецкого уезда Ростиловской вол^ости, дер^евни Прокунино, прибыл с родины 9 октября 1914 г. и выбыл в 4-й уч^асток Мещанской ч^асти 29 октября 1914 г.»⁶.

Итак, совокупность этих документов, помимо почасового распорядка дня Есенина на 26 октября 1914 г. (в первом из них), дает также возможность установить следующее:

⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 45. Ед. хр. 415. Л. 93.

⁵ Там же. Л. 93–93 об. Над фамилией «Есенин» здесь позднее вписана карандашом кличка «Набор», как известно, присвоенная ему полицией еще в ноябре 1913 г.

⁶ Там же. Л. 94 об.

а) 9 октября Есенин и Пылаев прописываются в 1-м полицейском участке Сущевской части по адресу снятой ими комнаты в квартире № 9 дома № 4 по 5-й Тверской-Ямской ул.;

б) 26 октября они съезжают с этой квартиры и перебираются в квартиру № 7 дома № 20 по 3-й Сокольнической ул. В перевозке личных вещей им помогает студент университета им. А.Л. Шанявского социал-демократ П.П. Цельмин. Содержателем квартиры, куда переехали Есенин и Пылаев, является И.Е. Малофеев;

в) 29 октября они выписываются с прежнего места жительства, а 30 или 31 октября прописываются на новом, т.е. в 4-м полицейском участке Мещанской части.

В воспоминаниях П.П. Цельмина, фрагменты которых цитируются К.Ф. Богоявленской, о событиях того времени сказано так: "...тов. Георгий Пылаев скоро провалился и был выслан. Осенью 1914 г. т. Пылаев вернулся под чужим именем. Вместе с нынешним поэтом Сергеем Есениным⁷ остановился проживать под чужим именем где-то в Лефортове. Есенин считал себя социалистом-революционером, в партии не состоял, а т. Георгий взялся сделать из него большевика. Есенин нашу работу знал, нас не выдавал, а технически в работе еще помогал"⁸.

Теперь в рассказе Цельмина можно кое-что уточнить. Действительно, летом 1914 г. Пылаев, находившийся под негласным надзором полиции как член социал-демократической организации, «провалился» – он был арестован на московской Театральной площади 28 июля 1914 г.⁹ Есенин же находился в этот день далеко от Москвы – в Крыму, куда он выехал еще 16 июля¹⁰. Документы о тогдашней высылке Пылаева выявить пока не удалось, однако К.Ф. Богоявленская, очевидно, была знакома с ними, так как отмечает, что Пылаев и ее брат Михаил Богоявленский были «осуждены Особым Совещанием 31 августа (ст. стиль) 1914 года

⁷ Воспоминания П.П. Цельмина написаны в 1924 г. (сообщено Ю.Б. Юшкиным), т.е. при жизни Есенина.

⁸ Воспоминания К.Ф. Богоявленской. С. 12.

⁹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 44. Ед. хр. 5762. Л. 27.

¹⁰ Есенина Н. В семье родной: Новые материалы о Сергее Есенине. – М.: Советский писатель, 2001. – С. 14.

и высланы из Москвы с запрещением проживать в Москве, Московской губернии, в Петрограде и других городах»¹¹.

Обнаруженными документами подтверждается, что осенью 1914 г. Пылаев вернулся в Москву (но не под чужой, а под своей фамилией) и поселился вместе с Есениным (но не в Лефортове, а в соседнем районе – Сокольниках). Однако прожили они вместе на этой квартире недолго: 15 ноября Пылаев был арестован вновь¹². В тот же день взяли под стражу и Цельмина¹³.

А.Р. Изряднова, у которой через пять недель (21 декабря) родился сын Юрий, отцом которого был Есенин, о событиях осени и конца 1914 г. вспоминала: «В сентябре <Есенин. – С. С.> поступает в типографию Чернышева-Кобелькова, уже корректором. Живем около Серпуховской заставы <а не в Сокольниках. – С. С.>, он стал спокойнее. Работа отнимает очень много времени: с восьми утра до семи вечера, некогда стихи писать. В декабре он бросает работу и отдается весь стихам, пишет целыми днями»¹⁴. Но вооткрытые документы показывают, что недолгая семейная жизнь Есенина конца 1914 – начала 1915 гг., ознаменовавшаяся его переселением из Сокольников в район Серпуховской заставы, началась только после арестов его друзей, т.е. после 15 ноября 1914 г.

2

Этот раздел посвящен некоторым событиям жизни Есенина в Петрограде (декабрь 1915 – апрель 1916 гг.).

Вскоре после того, как 25 октября 1915 г. в зале Тенишевского училища прошел вечер группы «Краса», в одной из хроникальных заметок столичной газеты «Обозрение театров» отмечалось: «Интерес к национальному искусству завоевывает все более и более широкие слои публики. Так, поэты-крестьяне Николай Клюев и Сергей Есенин, участники недавно состоявшегося художественного вечера «Краса», – приглашаются всюду, и каждое выступление их вызывает живой интерес»¹⁵.

До сих пор выявлены далеко не все тогдашние совместные

¹¹ Воспоминания К.Ф. Богоявленской. С. 12.

¹² ГАРФ. Ф. 63. Оп. 45. Ед. хр. 376. Л. 167.

¹³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 45. Ед. хр. 387. Л. 24.

¹⁴ С.А. Есенин в воспоминаниях современников в двух томах / Вступ. ст., сост. и comment. А.А. Козловского. – М.: Худож. лит-ра, 1986. Т. 1. – С. 145.

¹⁵ Обозрение театров. Пг., 1915. 14 нояб. № 2931. С. 13 (без подписи).

выступления поэтов. Вновь обнаруженные либо дополнительные сведения о некоторых из них приводятся ниже.

13 декабря 1915 г. в двух петроградских газетах появилась следующая информационная заметка: «14-го декабря в зале собрания инженеров путей сообщения (Бородинская ул., 6) состоится “Вечер родной старины”, устраиваемый членами и слушателями археологического института для усиления средств на содержание в лазаретах на передовых позициях кроватей имени института. Разнообразной программе и всей обстановке вечера будет придан национально-археологический характер. На вечере выступят артисты Императорских театров В.К. Устругова (старинные народные сказки) и Н.В. Ростова (рязанские частушки), артисты Н.Д. Славская и М.И. Нелидова (русские песни под аккомпанемент гуслей), Е.Г. Карина (народные танцы Тамбовской губернии, исполняемые в костюмах местных крестьянок), Т.М. Метлина (пляски) и др. Два народных поэта Н.А. Клюев и Сергей Есенин прочтут свои произведения. Выступят хоры гусляров Голосова и Смоленского. Народные танцоры Дулов и Александров исполнят пляску скоморохов. В антрактах будет устроено шествие рынд, бирючей, скоморохов и др.»¹⁶.

Отклики на этот вечер не выявлены, так что бесспорного подтверждения участию Есенина и Клюева в нем пока нет. Однако вероятность того, что поэты все же выступили там, весьма высока.

28 декабря 1915 г. в Главное управление по делам печати было направлено следующее прошение: «Совет Общества Изящных Искусств просит разрешение на помещение в программу устраиваемого им литературно-музыкального вечера 6 января в Калашниковской Бирже следующих произведений: стихотворений Сергея Есенина “Танюша”, “Сыплет черемуха снегом”, “Край родной”; стихотворений Николая Клюева “Под вечер”, “Голос из народа”, “Лесная быль”, “Певучей думой обуян”, “В златотканые дни сентября” <...>

За секретаря М. Умова»¹⁷.

¹⁶ [Б. п.] Археологи – на помощь раненым // Бирж. вед. Утр. вып. 1915. 13 дек. № 15267; [Б. п.] Вечер родной старины // Речь. 1915. 13 дек. № 343. С. 6.

¹⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Ед. хр. 1139. Л. 202.

Сами тексты стихов, которые должны были (по существующим правилам) прилагаться к прошению, не сохранились. Не выявлено и цензурное разрешение на их публичное чтение. Тем не менее, судя по помете на прошении, это разрешение за № 13150 было выдано 29 декабря 1915 г.¹⁸ Однако участие Есенина и Клюева в петроградском вечере 6 января не состоялось, так как с 4 по 23 (или по 24) января 1916 г. они находились в Москве¹⁹.

Вскоре после возвращения в Петроград поэты встречаются с критиком и историком литературы профессором П.Н. Сакулиным, о чем свидетельствует помета в его записной книжке от 29 января: «Клюев и Ясенин <так!>»²⁰. О содержании их беседы сведений нет. Впрочем, одной из ее тем, без сомнения, стало обсуждение предстоящего выступления поэтов перед участниками литературного кружка, руководителем которого был Сакулин в женском педагогическом институте. Это выступление, как известно, состоялось 10 февраля.

Еще об одном событии с возможным участием Есенина мы узнаём из заметки в газете «Речь» от 1 марта 1916 г.: «В 9 час. вечера на выставке произведений искусства в пользу поляков-инвалидов (Фонтанка, 24) состоится “художественный чай” при участии Л.В. Бенуа, Е.Л. Бенуа, артиста Императорских театров Н.В. Андреева 2-го, артиста музыкальной драмы г. Окороченко, виртуоза-скрипача г. Коханского, артистки Н.А. Окиничич, Н. Клюева и мн. др.»²¹. Судя по тому, что на этот «чай» был приглашен Клюев, очень вероятно, что он пришел туда вместе с Есениным, который в то время был его постоянным спутником.

Около сорока лет назад В.А. Вдовин вкратце упомянул о совместном выступлении Есенина и Клюева 20 марта 1916 г. с

¹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Ед. хр. 1139. Л. 202.

¹⁹ Об этой поездке см.: Субботин С. Сергей Есенин в январе 1916-го: поиски и находки // Голос. Рязань, 1993. 18–24 марта. № 11.

²⁰ ИРЛИ, ф. 272, оп. 1, ед. хр. 129, л. 26 об. Затем Сакулин вычеркнул эту запись. Совокупный анализ записных книжек, имеющихся в архиве профессора за многие годы, показывает, что свои пометы в них он вычеркивал лишь в случаях, если предполагавшееся событие действительно состоялось.

²¹ Речь. Пг., 1916. 1 марта. № 59. С. 5 (рубрика «Хроника»).

чтением стихов в зале 19-го городского попечительства о бедных города Петрограда²². В сохранившихся документах, связанных с получением у властей разрешения на это мероприятие, информации о нем гораздо больше.

16 марта в канцелярию Управления петроградского градоначальника (Гороховая ул., 2) поступил и был зарегистрирован под № 10805 типографский оттиск следующей повестки:

«Общество СОБОРНАЯ РОССИЯ. 1916 год

Председатель О-ва С. Р. Аф. Васильев просит Вас по-жаловать 20 сего марта к 8 ч. веч. в большую палату 19-го гор. Попечительства о бедн^{ых}. Петроградская стор. Покровская ул., д. 45 на 5-й в этом году *вечер-беседу*

БЕСЕДА О ВОЙНЕ.

1. Вступительное слово *Аф. В. Васильева*: Значение и место войны в общем миростроительстве и миропорядке. Что уже дала России и что должна дать миру нынешняя война?

2. *Война в мировоззрении и в переживаниях русского народа. Деревенские баяны Николай Алексеевич Клюев, олончанин, и Сергей Алексеевич <так!> Есенин, рязанец, скажут свои стихотворения.*

3. *Народный гусляр из Смоленского Приднепровья Сергей Павлович Колосов с товаркой-поводыркой Надеждой Николаевной Лавровой исполнят под гусельный звон несколько песнопений-сказок.*

4. Заключительная беседа.

<...> Начало ровно в 8 час., конец к 11 часам»²³.

В тот же день 6-е делопроизводство канцелярии градоначальника направило в совет общества «Соборная Россия» уведомление за № 24 о необходимости представления дополнительных документов — заявления, оплаченного гербовым сбором и «подробной программы докладов, предположенных к прочтению на означенной беседе»²⁴.

²² Вдовин В.А. Некоторые замечания о вступлении Сергея Есенина в литературу // Науч. докл. высш. шк.: Филол. науки. 1965. № 2. С. 140.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Ед. хр. 619. Л. 44 и 45.

²⁴ Там же. Л. 46.

17 марта в заявлении, поступившем в канцелярию петрографадского градоначальника, председатель совета «Соборной России» А.В. Васильев сообщал: «...имею честь заявить, что предложенная на 20 марта беседа не платная. Вход за нее будет по разосланным приглашениям. Но если кто пожелает – может, сколько захочет, внести на покрытие расходов по устройству беседы. Докладов читаться не будет, а преподатель скажет краткое слово на тему, обозначенную в повестке, и деревенские поэты <т.е. Есенин и Клюев. – С.С.> будут говорить свои стихотворения, а гусляр пропоет деревенские же духовные стихи.

Прошу утвердить как программу, прилагаемую к листку. На всякий же случай представляю содержание своего слова»²⁵.

Приводим это «слово» А.В. Васильева.

«Вселенная и весь мировой порядок – великая тайна Божия. Это великое единство бесконечного множества и разнообразия веществ и существ: единиц, особей, лиц и телесных и бесплотных соборов-миров (народов и небесных сил и воинств), восходящих по степени совершенства от земли к небу, т.е. от мертвого бесформенного вещества к миру духовных, личных существ и соборов, венец которых – Единый всесовершеннейший Дух, всё содержащий и всем управляющий, имя которого Единый Триипостасный Бог. Глубочайшее в этой тайне миростроительства таинство – это всеобщее жертвоприношение: принесение всеми стихиями и существами мира себя в жертву, плодом которой является новая более совершенная ступень мировой жизни. Война – неизбежное и законное явление предустановленного Творцом порядка мировой жизни. Война – Божий суд между Царствами и племенами. Решительная, т.е. оставляющая след в истории, направляющая жизнь по новым путям победа дается неизменно лучшему. По слову Христа: милостивые помилованы будут, кроткие наследуют землю и миротворцы сынами Божиими нарекутся. Нынешняя война – великое для России счастье: она уже отрезвила и обновила народ, восстановляет внутреннее в нем единство и выявляет таившуюся внутреннюю силу, красоту и доблесть. Образчик этой духовной моси и красоты будет представлен в про-

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Ед. хр. 619. Л. 41.

изведениях приглашенных в собрание деревенских стихотворцев и в пении и сказах баяна-гусляра. Правота защищаемого Россией дела привлекла к ней сердца и поставила на ее сторону так долго враждовавших ранее с ней нынешних ее могущественных союзников. Победа России и держав, находящихся в согласии с ней, прежде всего самой России даст свободу от хозяйственного и духовного плена; широко отворит ей двери на мировой простор; объединит русскую нацию и русский народ; освободит затем и объединит все славянство и православный Восток; даст новый, согласный с заветами Христа уклад общественной, государственной и международной жизни; даст мир всему Миру.

Затем деревенские стихотворцы Клюев и Есенин скажут стихи из печатных их сборников «Мирские думы» и «Радуница», а гусляр Колосов — подслушанные им в Приднепровье сказы и духовные стихи.

Заключительная беседа — о впечатлении от выслушанного»²⁶.

В тот же день в канцелярии градоначальника было выдано (за № 00181) разрешение на печатание вышеприведенной повести. Одновременно А.Ф. Васильев в установленном порядке обратился в комитет драматической цензуры с заявлением: «В устраиваемом обществом “С^иоборная Р^{оссия}” 20-го сего марта вечере-беседе <...> предположено произнесение крестьянами-поэтами Н.А. Клюевым и С.А. Есениным их собственных стихотворений. Представляя при сем эти стихотворения, числом шесть <их названия неизвестны>, в двух экземплярах, прошу Драматическую цензуру разрешить произнесение их на упомянутом вечере-беседе “Соборной России” 20 сего марта»²⁷.

18 марта это заявление было зарегистрировано в Главном управлении по делам печати (под № 2956 / 656) В тот же день драматическая цензура выдала А.Ф. Васильеву (за № 2640) разрешение исполнить стихотворения Есенина и Клюева на вечере общества «Соборная Россия» (это установлено по канцелярским пометам на указанном заявлении²⁸). Подлинник цензурного разрешения не выявлен.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Ед. хр. 619. Л. 42.

²⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Ед. хр. 1182. Л. 135.

²⁸ Там же.

Тогда же 6-е делопроизводство канцелярии Управления петроградского градоначальника отправило в совет общества «Соборная Россия» (и одновременно – приставу 2-го участка Петроградской части) следующее отношение за № 24: «Канцелярия уведомляет совет, что со стороны градоначальника не встречается препятствий к устройству в пользу общества 20 сего марта в 8 часов вечера в зале 19-городского попечительства о бедных города Петрограда (Геслеровский пер., 12), в присутствии полиции, платного публичного собрания-беседы “О значении и месте войны в общем миростроительстве и миропорядке. Что дала России и что должна дать миру нынешняя война” со вступительным словом А.В. Васильева и к исполнению С.П. Колосовым и Н.Н. Лавровой под гусельный звон песнопений-сказок по программе, представленной при заявлении от 16 сего марта, и прочтению Н.А. Клюевым и С.А. Есениным стихотворений, разрешенных к исполнению Петроградской драматической цензурой 18 сего марта за № 2640. Гербовый сбор уплачен»²⁹.

В итоге 20 марта Есенин и Клюев прочли свои стихи из сборников «Радуница» и «Мирские думы» на 5-м вечере-беседе общества «Соборная Россия». Подтверждением того, что это чтение действительно состоялось, является донесение, представленное в канцелярию градоначальника приставом 2-го участка Петроградской части, которому был вменен в обязанность надзор за соблюдением утвержденной программы мероприятия. 21 марта пристав сообщил в градоначальство: «...доношу, что отступлений от прилагаемой утвержденной программы не было»³⁰.

1 апреля 1916 г. в помещении петроградского студенческого журнала «Вешние воды» (Фонтанка, 88) прошел концерт с участием приглашенных артистов и других исполнителей. В заметке о нем, в частности, говорилось: «Первоапрельская вечеринка “Вешних вод” привлекла много учащейся молодежи и прошла мило и оживленно. <...> читали свои стихи Н. Клюев, С. Копыткин, А. Бурнакин, Н. Броницкая...»³¹. Скорее всего, вместе с Клюевым на Фонтанке, 88, побывал тогда и Есенин.

А на следующий день, 2 апреля, в Главном управлении по

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Ед. хр. 619. Л. 48.

³⁰ Там же. Л. 47 об.

³¹ [Б. п.] В «Вешних Водах» // Новое время. Пг., 1916. 5 апр. № 14396. С. 6.

делам печати за № 3508 / 772 было зарегистрировано прошение, представленное от имени петроградского городского лазарета № 11, учрежденного Вольным экономическим обществом. В нем содержалась просьба «разрешить к публичному исполнению приложенные при сем в двух экземплярах стихи. Вечер, на котором они будут исполняться, состоится в пользу лазарета в Тенишевском концертном зале 15 апреля с/г»³². Среди представленных в цензуре текстов были и стихи Есенина как участника вечера.

К сожалению, какие именно произведения были им прочитаны на этом «Вечере современной поэзии и музыки»³³, не установлено, ибо приложенные к указанному прошению (и разрешенные 6 апреля 1916 г. к исполнению³⁴) стихи не сохранились. Впрочем, в печатном отклике на вечер содержатся некоторые другие подробности этого события: «...почти половина указанных в афише лиц, из которых особенно обаятельно для публики имя Блока, не выступила вовсе»³⁵. Таким образом, интерес программы свелся к чтению молодых поэтов-эпигонов, справедливо признаваемых плеядою Кузмина, который и открыл вечер двумя нежными и прекрасными стихотворениями (особенно хороши «Русский рай»).

Особо стояли так называемые народные поэты – Клюев и Есенин и независимые по своему жанру Мандельштам и Ахматова. Последняя пользовалась в этот вечер восторженным успехом, объединившим публику, в общем, далёко не согласно и даже некультурно настроенную. Впрочем, шиканье и свистки придавали вечеру своего рода живость и остроту. Первые протесты вызвали прекрасные стихи Клюева, к сожалению, читаемые им всё более нарочито, претенциозно, «костюмно», да к тому же трудные и утомительные в чисто филологическом смысле (в особенности по-

³² РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Ед. хр. 1182. Л. 167.

³³ Воспроизведение афиши вечера см., напр.: Есенин С. Полн. собр. соч. в семи томах. – М.: Наука – Голос, 2000. Т. 7. Кн. 2. – С. 538.

³⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 25. Ед. хр. 1182. Л. 167 (канцелярские пометы на прошении). Подлинник цензурного разрешения не выявлен.

³⁵ В «Хронологической канве жизни и творчества Сергея Александровича Есенина (1895–1925)» (Есенин С. Полн. собр. соч. Т. 7. Кн. 3. С. 292) упоминание имени А.А. Блока как участника «Вечера современной поэзии и музыки» 15 апреля 1916 г. ошибочно.

стоянно повторяемый поэтом Беседный наигрыш “с малым по-гречом ногтевым и суставным”). Несомненно искренни и прости были стихи юного и свежего Сергея Есенина, вступающего в критический и опасный для популярного юноши период поэтической зрелости. <...> Зал был полон»³⁶.

3

Через четыре дня после своего выступления в концертном зале Тенишевского училища, 20 апреля 1916 г., Есенин, как известно, явился в Царское Село к месту прохождения своей воинской службы – санитаром в полевом Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны (ниже сокращенно – поезд № 143). Еще в начале 1960-х гг. П.Ф. Юшин и В.А. Вдовин положили начало публикации хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) документов, связанных с военной службой поэта. Однако некоторые из них исследователями вообще не затрагивались, а другим была дана интерпретация либо неточная, либо не отвечающая действительному положению дел.

Среди таких документов – рапорт № 676/56 уполномоченного Ее Величества по поезду № 143 полковника Д.Н.Ломана от 16 января 1916 г., поданный начальнику главного управления Генерального штаба. В нем дается обоснование необходимости перевода четырнадцати санитаров поезда № 143 для обслуживания вновь открытого в Царском Селе Серафимовского лазарета-убежища № 79 и испрашивается разрешение перечислить этих санитаров «в состав резерва Красного Креста, в ведении которого находится лазарет, с тем чтобы затем мне, – продолжал Д.Н. Ломан, – было предоставлено пополнить санитарную команду поезда соответствующим числом людей». Рапорт заканчивался словами: «О лицах для означенного пополнения я войду с представлением, в зависимости от подбора людей, соответствующих потребностям

³⁶ Воронов В. Вечер современной поэзии и музыки // Речь. Пг., 1916. 17 апр. № 104. С. 5. Судя по стилю и интонации изложения, автором этой статьи был один из друзей Есенина – В.С. Чернявский, скрывшийся здесь под достаточно прозрачным псевдонимом.

поезда ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, действиями коего ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА непосредственно, ближайшим образом изволит интересоваться»³⁷.

Вскоре Д.Н. Ломан действительно подал в Генеральный штаб три конкретных представления о пополнении санитарной команды вверенных ему поезда и лазарета. Следует отметить, что недатированные машинописные копии этих документов были подшиты в соответствующее канцелярское дело друг за другом, причем над текстом первой из них – сделанная от руки помета делопроизводителя, однозначно удостоверяющая связь с цитированным выше рапортом: «Подано без препроводительной бумаги к рапорту от 16 января 1916 г. за № 56»³⁸.

Отсюда почти наверняка следует, что документы, о которых идет речь, хотя и готовились порознь, но были отправлены «наверх» или через очень небольшие промежутки времени, или даже одновременно. В первом из них (известном еще с начала 1960-х гг.) «ходатайствуется о зачислении в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ следующих лиц: 1) Тиханова Афанасия <...>; 2) Рязанова Ивана <...>; 3) Крестьянин Рязанской губ. и уезда Кузьминской волости села Константинова Сергей Александров Есенин; 4) Ратника ополчения Кронида Леонидова Преображенского <...>; 5) Александра Брагина <...>»³⁹. Во втором содержится характеристика только одного человека: «Николай Алексеевич Клюев призыва 1907 года, белобилетник. Освобожден от военной службы вследствие тяжкой болезни. 6 месяцев лежал в Николаевском военном госпитале на испытании»⁴⁰. В третьем документе перечисляются лица, которых Д.Н. Ломан хотел бы определить «в Серафимовский лазарет-убежище № 79:

³⁷ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 454–455.

³⁸ Там же. Л. 470.

³⁹ Факсимile документа см. в кн.: Юшин П. Ф. Сергей Есенин: Идейно-творческая эволюция. [М.:] Изд-во МГУ, 1969. С. 176.

⁴⁰ Впервые опубликовано В.А. Вдовиным: Вопр. лит. 1970. № 7. С. 167. Архивный шифр документа – РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 471.

1) Повар Виктор Еремов Иванов, белобилетник призыва 1910 года <...>; 2) Иван Пашков, ратник 2 разряда <...>; 3) Старший унтер-офицер Александр Голиков <...>⁴¹.

Сопоставление этих документов делает, в частности, вполне вероятным предположение, что (скорее всего на рубеже 1915–1916 гг.) возник замысел, по которому Есенин и Клюев по соглашению с Д.Н. Ломаном намеревались вместе нести военную службу санитарами в одном из вверенных тому военно-медицинских учреждений. Тогда же было положено начало практическим шагам по осуществлению этого замысла. Об одном из таких шагов свидетельствует карандашная помета «Полк<овник> Туроверов», которая имеется на листке с вышеупомянутой характеристикой Н.А. Клюева⁴². Ее наличие бесспорно говорит в пользу того, что обращение в главное управление Генерального штаба о зачислении Клюева в одно из подведомственных Ломану подразделений имело место в действительности – ведь полковник Туроверов служил тогда в I отделении мобилизационного отдела указанного управления⁴³. Судя по помете на клюевской характеристике, он как раз и готовил решение отдела о возможности несения Клюевым военной службы (см. о нем ниже).

В 1923 г. Есенин отметит в автобиографии: «В 1916 году был призван на военную службу. При некотором покровительстве полковника Ломана <...> был представлен ко многим льготам»⁴⁴. По-видимому, исходной из этих «льгот» было само ходатайство Д.Н. Ломана о зачислении Есенина санитаром поезда № 143: ведь, согласно действующему в 1915–1916 гг. циркуляру того же мобилизационного отдела Генштаба, «по возбуждении ходатайств о перечислении в санитары Красного Креста ратников ополчения 2-го разряда <к которым относился Есенин – С.С.> в ген. штаб должны быть представлены списки лишь тех лиц, которые уже призваны на действительную военную службу»⁴⁵. В представлениях же Д.Н. Ломана, о которых шла речь выше, значилось не

⁴¹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 472 (ранее не публиковалось).

⁴² Там же. Л. 471.

⁴³ Там же. Л. 789.

⁴⁴ Есенин С. Полн. собр. соч. Т. 7. Кн. 1. С. 12.

⁴⁵ [Б.п.] Перечисление ратников 2-го разряда в санитары // Речь. Пг., 1915.

только шесть военнослужащих, но и два белобилетника (В.Е. Иванов и Н.А. Клюев), а также еще не призванный на военную службу Есенин, что входило в прямое противоречие с упомянутым циркуляром.

В наброске одной из более поздних по времени бумаг, очевидно, предназначавшихся для Генштаба, Д.Н. Ломан упоминает, что разрешение на кадровые перестановки и перечисление в санитары, о котором он просил в рапорте № 56, было получено «при последующих словесных переговорах»⁴⁶. Следовательно, согласование этого разрешения осуществлялось не только по переписке. Очень вероятно, что как раз при «словесных переговорах» и была достигнута договоренность об официальном оформлении положения, в соответствии с которым Есенин сразу после призыва на военную службу оказался бы под началом уполномоченного Ее Величества по поезду № 143.

В результате 11 февраля 1916 г. I-е отделение мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба направило Д.Н. Ломану отношение № 9110 за подписями генерал-лейтенанта Аверьянова и начальника отделения полковника Саттерупа: «Уполномоченному поезда, лейб-гвардии Павловского полка полковнику Ломану.

Последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на перечисление в санитары Алек. Голикова, Ивана Пашкова, А. Тихонова, И. Раззаренова, К. Преображенского, А. Брягина и С. Есенина, с назначением всех в Ваше распоряжение»⁴⁷.

Одновременно (относением № 9105 за теми же подписями) об этом решении был уведомлен начальник штаба Петроградского военного округа: «Последовало ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на перечисление в санитары, с оставлением на службе Царскосельского Имени ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

⁴⁶ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 456.

⁴⁷ Факсимile документа см.: Юшин П.Ф. Сергей Есенин... С. [177]. Его архивный шифр – РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 508. Разъяснение действительного смысла слов «высочайшее соизволение», имеющихся в этом и следующем документах, см.: Вдовин В.А. Материалы к биографии Есенина // Вопр. лит. 1970. № 7. С. 168–169.

военно-санитарного поезда за № 143, следующих нижних чинов: 1) Александра Голикова <...>; 2) Ивана Пашкова <...>; 3) Тиханова <так!> Афанасия Андреевича <...>; 4) Раззорёнова Ивана Федоровича <...>; 5) Преображенского Кронида Леонидовича <...>; 6) Брягина Александра <...>; 7) Есенина Сергея Александровича, крестьянина Рязанской губ. и уезда (родился 21-го сентября 1895 года), подлежащего призыву в Петрограде»⁴⁸.

Из этих документов явствует, что решение Генштаба относительно представлений Д.Н. Ломана оказалось компромиссным. Перечисление в санитары белобилетников Н.А. Клюева и В.Е. Иванова, за которых просил полковник, было, в соответствии с существующими правилами, отклонено, но о Есенине было принято положительное решение еще до его призыва на действительную службу, что было несомненным отступлением от этих правил.

9 марта 1916 г. император Николай II подписал именной Высочайший указ Правительствующему Сенату о призывае на военную службу «ратников ополчения 2-го разряда сроков призыва с 1916-го по 1906-й годы включительно», к которым принадлежал и Есенин. Первым днем призыва было объявлено 25 марта⁴⁹.

В связи с этим 5 апреля Д.Н. Ломан выдал Есенину известное с 1960-х гг. удостоверение:

«Дано сие крестьянину Рязанской губ. и уезда Кузьминской волости села Константинова Сергею Александрову Есенину в том, что он, согласно уведомлению мобилизационного отдела Главного Управления Генерального Штаба от 11 февраля с.г. за № 9110, с ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения назначен санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ, а потому прошу направить Есенина в г. Царское Село в мое распоряжение»⁵⁰.

На машинописной копии этого документа, подшитой в дело, написан от руки адрес: «Фонтанка / д. № 149, кв. 9», по которому

⁴⁸ РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Ед. хр. 1720. Л. 427 (выявлено В.А. Вдовиным – Вопр. лит. 1970, № 7. С. 159). Полный текст документа сообщен мне Н.Г. Юсовым.

⁴⁹ См., напр.: одну из газетных публикаций указа: Новое время. Пг., 1916. 17 марта. № 14377. С. 3.

⁵⁰ Юшин П.Ф. Сергей Есенин... С. 174–175. Впрочем, в какой инстанции предъявлял Есенин этот документ, до сих пор не установлено.

Есенин и Клюев жили тогда в Петрограде.

В левом верхнем углу листа с машинописной копией уже упоминавшегося выше другого документа, хранящейся в другом архивном деле поезда № 143 и содержащей характеристику Клюева как белобилетника⁵¹, есть карандашные пометы, сложные для прочтения. В.А. Вдовин, посчитав их единым текстом в виде: «Пол. 5 А. за Ес.», заключил: «Эту сокращенную запись можно прочитать таким образом: «Получил 5 апреля за Есенина»...». И тут же сделал такой вывод: «...т.е. удостоверение от 5 апреля на имя Есенина, подписанное Ломаном <и приведенное выше. – С.С.>, было выдано Клюеву»⁵².

Выяснилось, однако, что на этом документе имеется не одна, а две разных пометы (двумя почерками). Первая из них (прочитанная исследователем как «пол.») на самом деле означает – «поезд» (слово написано по старой орфографии, т.е. через «ять» и с концевым твердым знаком). Вторая исполнена в две строки, на первой из которых действительно значится «5 А.». Однако следующая строка читается вовсе не как «за Ес.», но как «Зго Ян.», т.е. как сокращенное – «З-го Января». Отсюда очевидностью следует, что рассматриваемые пометы не имеют абсолютно никакого отношения к Есенину (и тем более к выданному Ломаном удостоверению), и потому интерпретация В.А. Вдовина несомненно нуждается в пересмотре.

Но вернемся к военной службе Есенина. Известно, что 16 апреля 1916 г. Петроградский резерв санитаров при Управлении Главноуполномоченного Северного района Российского Общества Красного Креста направил Есенина в поезд № 143, выдав ему на руки соответствующие документы вместе со следующим сопроводительным письмом за № 6224: «Резерв препровождает при сем в распоряжение Поезда санитара Сергея ЕСЕНИНА (личный знак № 9999), прося о времени его прибытия уведомить.

ОСНОВАНИЕ: Предписание Управления г. Главуполномоченного Северного района Российского Общества Красного Кре-

⁵¹ См. примеч. 40.

⁵² Вдовин В.А. Материалы к биографии Есенина. С. 167.

ста от 14-го сего апреля за № 2899/25833.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Аттестаты за №№ 6225–6226, арматурный список в 2-х экземплярах за № 6227 и приходо-расходная тетрадь за № 6228.

И. об. Начальника резерва санитаров

Капитан Сухомель <подпись-автограф>⁵³.

Документы Есенина за № 6225–6228 в архиве поезда № 143 не выявлены. Тем не менее, по сохранившимся арматурным спискам других санитаров, представляющим собой типовые типографские бланки, графы которых заполнялись от руки, арматурный список, выданный санитару Есенину, реконструируется без труда:

«В двух экземплярах

По засвидетельствовании один экземпляр подлежит возвращению.

Арматурный список № 6227

на казенные вещи, состоящие на санитаре

ПЕТРОГРАДСКОГО РЕЗЕРВА САНИТАРОВ

Российского общества Красного Креста,

отправляемом в распоряжение Г. Уполномоченного

по Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143

“16” апреля 1916 года

<Следующие за заголовком графы списка расположены на самом бланке по горизонтали; здесь же они даются по вертикали. – С. С. >

№№ по порядку 1

№№ личных знаков 9999

Фамилия и имя Есенин Сергей

НАИМЕНОВАНИЕ ВЕЩЕЙ:

Как известно, Есенин прибыл в поезд № 143 20 апреля и по 14 июня 1916 г. нес в нем службу как санитар вагона № 6. За это

Обмундирование:

Годовые вещи:

Фуражки:

Сапоги 1

Летние

1

Рубашки нижн. 2

⁵³ Юшин П.Ф. Сергей Есенин... С. [179], факсимиле.

Зимние	—	Исп. брюки	2
Сукон. рубахи	1	Портян. пар	3
Гимнастерки	1	Носов. платки	2
Погоны	1	Утиральники	1
Шаровары:			
Летние	1		
Суконные			
Шинели	1		
Ремень поясной	1		
<u>Теплые вещи:</u>		<u>Снаряжение:</u>	
Папахи		Вещев. мешки	
Фуфайки		Сухарн. мешки	
Кальсоны		Фляга	1
Портянки		Котелок	
Носки		Кружка для чая	
Перчатки		Палатка с принадлеж- ностями	
Телогрейки		Брез ^е ентовая под- стилка	
Ватн. брюки		Ремень для скатыва- ния шинели	
Башлык		Ремень для шаровар	
Наушники			
Набрюшники	1		
Полушубки			
Валенки			

И. об. Начальника Резерва Санитаров

*Красного Креста,
Капитан Сухомель»⁵⁴.*

⁵⁴ Реконструкция выполнена по документу РГИА (архивный шифр: Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 26. Л. 105 об.–106) с учетом содержания вышеприведенного сопроводительного письма. Курсивом в тексте везде обозначено прописываемое в бланк от руки.

время он (в составе команды санитаров поезда) дважды побывал вблизи линии фронта, участвуя в погрузке и выгрузке раненых. 13 июня Есенину был выписан отпускной увольнительный билет, после чего в т.н. «Тетради для записывания увольнительных билетов санитарного поезда № 143» (1916) под № 67 была сделана регистрационная запись: «Июня 13. Санитару поезда Сергею Есенину в Рязань сроком на пятнадцать дней по 30 июня с/г»⁵⁵.

По мнению В.А. Вдовина, поводом для предоставления Есенину отпуска стало обстоятельство, что «в те дни, в связи с работами землеустроительных комиссий по размежеванию на хутора селений, Главнокомандующий фронтом отдал приказ “увольнять в мере возможности нижних чинов в отпуск на 2–3 недели в свои деревни для разрешения вопросов по землеустройству”. До сведения санитаров поезда этот приказ был доведен 23 мая 1916 г. Тогда же Есенин подал заявление с просьбой отпустить его в деревню»⁵⁶.

С одной стороны, последнее утверждение исследователя не подкреплено ссылкой на документ, а попытки найти «заявление» Есенина в архивных делах Управления дворцового коменданта (РГИА, ф. 1328, оп. 2–4), к которому был приписан поезд № 143, и Феодоровского Государева собора (РГИА, ф. 489), предпринятые мной, успеха не принесли. С другой стороны, приведенная В.А. Вдовиным цитата из приказа Главнокомандующего имеет в самом этом документе продолжение – после слов «...увольнять <...> в свои деревни» там следует: «...по удостоверениям местных органов по землеустройству о желательности прибытия на хутора нижних чинов»⁵⁷. Спустя полмесяца (26 апреля 1916 г.) военное командование разослало дополнительное разъяснение на этот счет: «В случае действительной необходимости для завершения землеустройства личного присутствия в деревне нижних чинов землеустроительным органам предложено обращаться об увольнении их в отпуски непосредственно к начальникам частей»⁵⁸. В канцелярии поезда № 143, находящейся при Феодоровском Государевом соборе в Царском Селе, эти распоряжения (со-

⁵⁵ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 21. Л. 5 об. Сам билет не сохранился.

⁵⁶ Вдовин В.А. Материалы к биографии Есенина. С. 173.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 412 (с датой: 11 апреля 1916 г.).

гласно штампам регистрации на них) были получены 10 и 11 мая 1916 г., когда Есенин в составе санитарной команды поезда находился на ж.-д. станциях Клевань⁵⁹ и Ровно⁶⁰. В Царское Село поезд № 143 с Есениным вернулся 16 мая⁶¹. Менее чем за месяц, с 17 мая по 12 июня, исхлопотать и представить полковнику Д.Н.Ломану соответствующий запрос от землеустроительных органов было практически невозможно. Но самое главное – Есенин не владел тем «приусадебным» участком, который был у его семьи в Константинове, и потому просто не мог быть отозван для разрешения землеустроительных споров.

Совокупность приведенных документальных данных позволяет не только отвести соображения В.А. Вдовина о поводе, послужившем Есенину для получения им отпуска, но и серьезно усомниться в утверждении исследователя, что поэт-санитар писал в связи с этим заявление. К тому же термин «заявление» не употребляется в армейском делопроизводстве, где документы подобного рода именуются другим словом – «рапорт».

Между тем о действительной причине, по которой Есенину в июне 1916 г. был дан отпуск, упомянуто в воспоминаниях его сестры Е.А. Есениной: «Худой, остиженный наголо, приехал он на побывку <в Константиново. – С.С.>. Отпустили его после операции аппендицита»⁶².

Медицинские документы 1916 г., которые могли бы непосредственно подтвердить этот факт, не выявлены. Однако в графе «Операции» последней истории болезни Есенина, заполненной врачом поликлиники внутренних болезней и общеклинической амбулатории 1-го Московского государственного университета 5 декабря 1925 г., проставлено: «Appendic*t* 21»⁶³. Это означает, что поэт на самом деле перенес указанное его сестрой хирургическое вмешательство, причем, с его собственных слов, в возрас-

⁵⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 4. Л. 414.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 6. Л. 312 об.–313.

⁶⁰ Там же. Л. 313.

⁶¹ Там же. Л. 313 об.

⁶² С.А. Есенин в воспоминаниях современников... Т. 1. С. 42.

⁶³ ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 37; факсимиле – Russian Literature Triquarterly. Ann Arbor, Michigan, 1974. Vol. 8. P. [441] (публ. Г. Маквея).

те 21 год, т.е. как раз в 1916 г.

О времени, когда могло состояться это событие, пока можно судить лишь ориентировочно. Уже шла речь о том, что из своей первой поездки к линии фронта с поездом № 143 Есенин возвратился в Царское Село 16 мая 1916 г.⁶⁴ 28 мая поезд № 143 вышел в очередную поездку⁶⁵, и вновь с Есениным в составе команды санитаров – 6 июня его фамилия как санитара вагона № 6 фигурировала в приказе по поезду⁶⁶. 13 июня, как уже упоминалось ранее⁶⁷, ему был выписан увольнительный билет для поездки на родину.

Заметим, что хирургическое вмешательство в условиях военной службы Есенина могло быть осуществлено не только в стационарных, но и в полевых условиях, т. е. в пути следования поезда № 143. Учитывая это обстоятельство, можно полагать, что операция Есенину могла быть сделана либо с 17 по 25 или 26 мая, либо с 28 мая по 4 или 5 июня. Во всяком случае, 7 июня 1916 г. Есенин написал отцу: «Чувствую себя лучше и веселей»⁶⁸. Думается, эти слова имеют прямое отношение к состоянию поэта-санитара после перенесенной операции. Где она происходила, – в одном из царскосельских лазаретов, подведомственных полковнику Д.Н. Ломану, или непосредственно в поезде № 143 – пока не установлено.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1328. Оп. 4. Ед. хр. 6. Л. 313 об.

⁶⁵ Там же. Ед. хр. 20. Л. 148.

⁶⁶ Там же. Л. 158.

⁶⁷ См. примеч. 55.

⁶⁸ Есенина Н. В семье родной. С. 23.

О ДАТИРОВКЕ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ С.А. ЕСЕНИНА В «ЛЕТОПИСИ»

М.В. Скороходов

(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

Один из центральных вопросов, который приходится решать в есениноведении, – вопрос датировок. Об есенинских датировках написано множество статей и неоднократно на эту тему велись дискуссии¹. Многие сложные вопросы датировок произведений и писем Есенина были решены в ходе подготовки полного академического собрания сочинений Есенина. Однако при работе над «Летописью» жизни и творчества поэта вопрос датировок вновь встает очень остро. Это связано в первую очередь с тем, что основная цель академического издания – дать канонический, выверенный текст каждого произведения. Для тех из них, которые не были датированы поэтом ни в одном из источников, «в угловых скобках ставится редакционная дата, которая ограничивается указанием года, без дальнейших уточнений (месяца, места написания и т. п.)» (ПСС, 1, 415, выделено автором статьи). Если в первых двух томах академического собрания сохранена последовательность расположения стихотворений, предложенная Есениным при подготовке в 1925 году своего Собрания стихотворений, то в томе 4 «материалы в каждом разделе размещаются в хронологическом порядке» (ПСС, 4, 335). Это во многом облегчает работу над «Летописью», однако не исключает проведения дополнительных разысканий. В соответствии с принципами подготовки академического издания даже для тех произведений, для которых можно было указать более точное время создания, это не сделано. Исключения составляют письма, при датировке которых дается по возможности точная дата, часто предположительная, основанная на использовании различных косвенных свидетельств, помогающих сократить временной отрезок написания письма.

¹ Краткий обзор с упоминанием некоторых основных публикаций. См., например: Полное собрание сочинений Есенина: В 7 т. (9 кн.). – М., 1995–2001. Т. 1. – С. 403–415. Далее ссылки на это издание (ПСС) даются в тексте с указанием тома и страницы.

Задача «Летописи» иная – точно датировать по возможности все события жизни и творчестве поэта. В «Летописи», где порой расписываются по часам даже отдельные дни из жизни Есенина, расширенная датировка, характерная и достаточная для ПСС, не всегда оправдана. Есть случаи, когда дату можно значительно сузить, ограничив время написания того или иного произведения несколькими месяцами или даже днями. При этом важно подчеркнуть, что ПСС является той базой, на основе которой создается «Летопись». Таким образом, для уточнения фактологической канвы, в том числе и дат создания того или иного произведения, требуется дополнительная разыскательская и исследовательская работа. Есть возможность для наполнения «Летописи» новыми материалами.

При подготовке «Летописи» проводится как уточнение дат создания произведений, так и передатировка на основе вновь обнаруженных источников или более внимательного изучения уже известных. Одна из наиболее сложных проблем при этом – датировка ранних произведений Есенина. В «Летописи», как и в ПСС, в значительной степени она базируется на датах, проставленных Есениным при подготовке в 1925 году своего собрания стихотворений.

Произведения наиболее раннего из известных на сегодняшний день рукописного сборника поэта «Больные думы» датируются в ПСС 1911–1912 годами². Однако приводимые в комментариях воспоминания М.Д. Ильиной, в собрании которой сохранился есенинский сборник, позволяют существенно сузить временные границы создания вошедших в сборник произведений: «В беседе с сотрудниками музея М.Д. Ильина рассказала, что летом 1912 года вместе со своим братом Сергеем гостила в Константинове – отмечался престольный праздник Казанской Богоматери (8 июля ст. ст.). «На следующий день, – продолжала Мария Дмитриевна, – возвращаясь в Рязань, я и брат оказались в одном вагоне с неизвестным юношем. Вскоре брат разговорился с ним. Юноша назвал себя Сергеем Есениным. <...> По-видимому, Есенина постигла неудача <с устройством публикации стихотворений в Рязани>. Он

² Исключение сделано лишь для стихотворения «Выюга на 26 апр<еля> 1912 г.», которое имеет редакционную дату 1912.

не стал задерживаться в Рязани и тотчас отправился в Москву, оставив брату тетрадь со стихами”» (ПСС, 4, 343). Если основываться на этих мемуарах, можно предположить, что «Больные думы» были записаны Есениным в тетрадь не позднее 8 июля 1912 года. Точная дата переезда Есенина в Москву в настоящее время не установлена. Известно лишь, что после 8 июля 1912 года Есенин некоторое время оставался на родине и успел отправить письмо воспитаннице Рязанского женского епархиального училища Марии Бальзамовой, с которой познакомился в доме отца Иоанна (И.Я. Смирнова). В «Летописи» это знакомство предполагается датировать «июль, 8–10 или 11». Таким образом, воспоминания М.Д. Ильиной, сообщающей, что Есенин выехал из Константинова на следующий день после праздника, то есть 9 июля, подвергаются сомнению. Но ошибка памяти может касаться лишь дней, но не 1912 года, так как одно из стихотворений рукописного сборника называется «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.». В «Летописи» необходимо указать дату, когда сборник «Больные думы» был передан Есениным Сергею Дмитриевичу Ильину – брату мемуаристки. Дата эта будет предположительной: «Июль, после 11». Соответственно все стихотворения сборника «Больные думы» были созданы и записаны в тетрадь ранее этой даты.

Теперь относительно верхней границы создания вошедших в сборник стихотворений. Одно из них – «Вьюга на 26 апр<еля> 1912 г.» – предлагается датировать «1912. Апрель, не ранее 26». При датировке других стихотворений необходимо учитывать воспоминания учителя Спас-Клепиковской второклассной школы Евгения Михайловича Хитрова и соучеников Есенина, а также то, что ни одно из стихотворений сборника «Больные думы» не вошло в тетрадь Г.А. Панфилова 1910–1911 годов³. Можно предположить, что сборник был подготовлен Есениным в 1911–1912 учебном году. Это подтверждается и тем, что одно из стихотворений сборника – «Брату Человеку» – сохранилось в записной книжке соученика Есенина по Спас-Клепиковской второклассной школе И.Е. Смирнова, в которой, наряду с другими записями, содержит-

³ Краткое описание тетради см.: ПСС Есенина. Т. 7. Кн. 2. – С. 35.

ся список учащихся III отделения второклассной школы за 1911–1912 учебный год (см.: ПСС, 4, 344). Вполне вероятно, что Есенин готовил сборник непосредственно перед поездкой в Рязань, а затем и в Москву, отобрав для него лишь отдельные свои произведения. Так, не вошли в «Больные думы» стихотворения «Звезды», «И.Д. Рудинскому»⁴, «Другу», «Сосна и река»⁵ и ряд других, о которых достоверно известно, что они были написаны до лета 1912 года. Время составления сборника «Больные думы» в «Летописи» предлагается обозначить достаточно широкой датой – 1912, не позднее 8 июля.

В «Летописи» предлагается сузить дату создания стихотворения «Поэт» («Не поэт, кто слов пророка...»), датированного в ПСС 1912 годом. По словам Е.А. Есениной, дочь которой Н.В. Есенина впервые полностью напечатала это стихотворение, записанное Есениным на обороте своей фотографии 1912 года, эта фотография была подарена Г.А. Панфилову после окончания Есениным Спас-Клепиковской второклассной школы (см.: ПСС, 4, 347). В письме, отправленном Есениным из Москвы Панфилову

⁴ В ПСС оно имеет редакционную дату «1911», однако известно, что «Звёзды» Есенин читал во время посещения Спас-Клепиковской второклассной школы статским советником, кандидатом богословия, наблюдателем школ церковно-приходских и грамоты Рязанской губернии Иваном Дмитриевичем Рудинским. Е.М. Хитров показал ему стихотворение Есенина «Звёзды». «Рудинский в классе при всех расхвалил поэта и дал ему несколько советов. В результате этого у Есенина появилось новое стихотворение «И.Д. Рудинскому». <...> Первое произведение, которое меня поразило у Есенина, было стихотворение «Звёзды». Помню, я как-то смутился, будто чего-то испугался. Несколько раз вместе с ним прочел стихотворение. Мне стало совестно, что я недостаточно много обращал внимания на Есенина. Сказал ему, что стихотворение это мне очень понравилось, что его можно даже напечатать» (Е.М. Хитров – Восп., 1, 142). На основе этих сведений стихотворение «Звёзды» предлагается датировать в «Летописи» «1912, ноября, 16, не позднее», а «И.Д. Рудинскому» – «1912. Ноябрь, после 17».

⁵ В ПСС (Кн. 2. Т. 7) два последних стихотворения имеют редакционную дату «1911», она же, вероятно, будет сохранена и в «Летописи», так как нет данных, позволяющих сузить ее. Можно лишь предположить (но не доказать, что необходимо для внесения датировки в «Летопись»), что стихотворения написаны в первой половине 1911 года, так как входят в тетрадь, содержащую записи за 1910–1911 учебный год.

в конце августа 1912 года, говорится: «Отныне буду следовать своему “Поэту”. Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки» (ПСС, 6, 16). Как видим, воспоминания сестры поэта полностью подтверждаются письмом: в августе 1912 года фотография Есенина – выпускника второклассной школы – с текстом стихотворения была у Панфилова, следовательно, Есенин подарил ее своему другу перед отъездом из Спас-Клепиков в Константиново в первой половине июня 1912 года, поскольку согласно «Правилам для второклассной школы», «на летние каникулы учащиеся отпускаются с 15 июня по 1 сентября»⁶.

Широкую дату имеет в ПСС стихотворение «На память об усопшем. У могилы...» (1912–1913). Это произведение приводится Есениным в письме Г.А. Панфилову, которое в томе 6 ПСС датируется «1912. Август. ... Сентябрь, начало (?)» (ПСС, 6, 16, 266). В томе 4 высказывается мнение, что «возможно, оно навеяно безвременной смертью их <Есенина и Панфилова> общего друга Д.Ф. Пырикова (скончался 17 мая 1912 года)» (ПСС, 4, 348). Более определенно говорится об этом в томе писем: «Есенин почти наверняка был на похоронах друга. Приведенное в данном письме стихотворение, бесспорно, написано в память Пырикова» (ПСС, 6, 267). Однако у нас нет оснований утверждать, что Пыриков был другом Есенина. В одном из писем Есенина Г.А. Панфилову читаем: «Да, я частенько завидую *твоему* другу Пырикову» (ПСС, 6, 53, выделено автором статьи). Смерть Пырикова могла послужить лишь одной из предпосылок создания этого произведения, тематика которого близка всему творчеству Есенина этого периода. Например, строкам стихотворения «Что прошло – не вернуть»:

Крепким сном спит в могиле подруга,
Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь (ПСС, 4, 14).

Та же тема звучит и в стихотворении «К покойнику»:

Уж крышку тую закрывают,
Чтоб ты не смог навеки встать,

⁶ Церковные ведомости. 1908. № 39. 27 сентября. С. 302.

Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят (ПСС, 4, 18).

Можно предположить, что образ в стихотворении «На память об усопшем. У могилы» обобщенный. Эта эпитафия вписывается в отечественную традицию.

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой (ПСС, 4, 42).

Воспоминания о душевной чистоте почившего, о его благих намерениях можно найти во многих эпитафиях. Характерно для них и противопоставление положительных качеств умершего той среде, в которой он жил. Как пример можно привести надпись на памятнике, установленном на Покровском кладбище в Череповце (1885 г.):

Тот, чей труп в могиле хладной
Перед нами здесь лежит,
В жизни нашей тусклой, смрадной
Яркой звездочкой горит⁷.

Вписывается в эту традицию и стихотворение И. Т. Бушукина «У гроба (Посвящается памяти учителя И. В. Демидова, скончавшегося 12 января 1910 г.)», опубликованное 17 января 1910 года в «Рязанском вестнике»:

Спи же, труженик честный, смиренный,
Праху мир твоему! Ты отжил!
Ты работал, как пахарь на ниве,
Ты для блага народу служил.

Есенин неоднократно упоминает Пырикова в своих письмах, однако в том из них, в котором приведено стихотворение, он не назван. 26 января 1913 года Есенин сообщает М. П. Бальзамовой, что «Великий идеалист Пыриков» «умер 18 лет, 1912 г. июня месяца», а не 17 мая⁸, то есть спустя чуть больше полугода после

⁷ Русская стихотворная эпитафия. – СПб, 1998. – С. 431.

⁸ Справка архива отдела записи актов гражданского состояния Рязанской области от 24.11.1994 г., № 1025, выдана Н. Д. Чистякову.

смерти Пырикова Есенин не мог даже примерно вспомнить ее дату. Возможно, 19–20 мая 1912 года, в день похорон Пырикова, Есенина по каким-либо причинам не было в Спас-Клепиках и об этой смерти он узнал позже (в июне (?), отсюда и ошибка в письме). Интересное предположение, подкрепленное системой доказательств, высказал В.А. Дроздков, связавший создание этого стихотворения с Ленским расстрелом и последовавшими за ним событиями. В «Летописи» предлагается датировать стихотворение «На память об усопшем. У могилы» 1912 годом, причем до времени отправки письма Панфилову с его текстом.

Уточнить время создания ряда произведений Есенина помогает их тематика, например, военная⁹. Этот критерий дает возможность прояснить датировку произведений, написанных в начале первой мировой войны. Известно, что 19 июля 1914 года, когда Германия объявила войну России, Есенин находился в Ялте. В конце июля или начале августа Есенин пишет родителям: «Оставаться в Ялте опасно, все бегут. Вследствие объявленного военного положения в Севастополе тут жить нельзя. Я бы и сейчас уехал, да нельзя. Все приостановлено. Теперь найду автомобиль до Симферополя со своими товарищами и поедем в Москву. Дела очень плохи»¹⁰. Вскоре Есенин возвращается в Москву.

Одно из наиболее ранних стихотворений Есенина о войне – «Бельгия», опубликованное в январском номере московского журнала «Марс». В академическом собрании оно имеет редакционную дату «1914». Можем ли мы более точно установить, когда написано это стихотворение? Бельгия одной из первых подверглась нападку германской армии. Утром 18 июля 1914 года на столичных улицах появились объявления: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил привести армию и флот на военное положение. Первым днем мобилизации назначено 18 июля 1914 г.»¹¹. На следующий день Германия объявила войну России, 20 июля

⁹ При датировке произведений Есенина, связанных с военной тематикой, учтены предложения, высказанные при обсуждении данной статьи на заседании Есенинской группы Института мировой литературы РАН 26 февраля 2002 г., прежде всего В.А. Дроздковым и Н.И. Гусевой.

¹⁰ Слово. 2000. № 6. С. 68.

¹¹ Биржевые ведомости. Вечерний вып. № 14258. 1914. 18 июля.

вторглась в Люксембург и захватила правительственные здания этого государства. 21 июля Германия предъявила Бельгии ультиматум, требуя пропустить через территорию этого нейтрального государства свои войска. «Возникает вопрос, могут ли бельгийцы отказать в этом германскому правительству?

Бельгийская армия состоит всего из 4-х девизий пехоты и 2-х кавалерийских дивизий. С приведением на военное положение она насчитывает 180000 человек.

<...> Но, с другой стороны, Бельгия не может не считаться с тем, что если она пропустит немецкие войска через свою территорию, то она связывает этим свою судьбу с успехом германских войск.

В случае победы Франции Бельгию, несомненно, ожидает сурьое наказание за нарушение суверенитета¹².

Однако Бельгия, проведя в двухдневный срок мобилизацию, оказала серьезнейшее сопротивление интервентам. 21 июля Германия объявила войну Бельгии. А уже через несколько дней в российских газетах появляются заголовки «На бельгийском театре военных действий»¹³, «На театре германо-бельгийской войны»¹⁴. На территории Бельгии произошли первые крупные сражения, в которых участвовало около двух миллионов человек¹⁵. Оперативные сводки с театра военных действий печатались не только в центральных газетах, которые доходили до Крыма, где находился Есенин, с некоторым опозданием, но и в местной прессе. Так, еженедельная газета «Ялтинский курьер» 28 июля помещает статьи

¹² Там же, экстренное прибавление к вечернему вып. № 14263. 1914. 21 июля. Ср. также в редакционной статье в той же газете: «Небольшие европейские государства вроде Дании, Бельгии, Швейцарии и Голландии не могут быть причислены сегодня ни к нашим врагам, ни к союзникам. Каждое из них в начинающейся борьбе народов будет стремиться только к тому, чтобы всеми силами оградить свою территорию и независимость» (утренний вып. № 14261. 1914. 20 июля).

¹³ См., например: «Биржевые ведомости», вечерний вып. № 14271. 1914. 25 июля.

¹⁴ Там же. № 14276. 1914. 28 июля; подпись под картой.

¹⁵ «Началась великая битва народов. Сражаются в Бельгии 2000000 людей. Против 21 французского и 3 бельгийских корпусов сражаются 25 германских корпусов и 1 австрийский» («Биржевые ведомости», экстренное прибавление к вечернему вып. № 14283. 1914. 31 июля).

под заголовками «Осада Льежа», «Льеж взят»¹⁶, информирующие о боевых действиях в окрестностях этого бельгийского города.

Таким образом, Есенин узнал о героической борьбе бельгийского народа¹⁷, еще находясь в Ялте, в третьей декаде июля 1914 года. Есенинское стихотворение начинается строками:

Побеждена, но не рабыня,
Стоишь ты гордо без доспех,
Осквернена твоя святыня,
Зато душа чиста, как снег.
Кровавый пир в дыму пожара
Устроил грозный сатана,
И под мечом его удара
Разбита храбрая страна (ПСС, 4, 74).

Как видим, здесь нашли отражение не первые дни войны, когда Бельгия еще не покорилась врагу и активно боролась за свою свободу, а события более позднего времени, когда «дух свободный, дух могучий» «как орел парит» «над цепью доблестных могил» (ПСС, 4, 74). Возможно, что стихотворение «Бельгия» написано в августе 1914 года, когда германские войска, оккупировав Бельгию, вплотную подошли к Парижу, вынудив французское правительство перебраться в Бордо. Оно могло быть написано и в сентябре, когда началось отступление немцев по всему фронту. В настоящий момент, когда отсутствуют какие-либо документальные свидетельства о точных сроках создания «Бельгии», стихотворение будет датировано: «1914. Август... Декабрь», учитывая, что в январе 1915 года оно было опубликовано.

Стихотворения «Греция» и «Польша», впервые напечатанные в московском журнале «Огниво» (№ 6/8), отнесены в академическом издании к 1915 году, причем даты эти редакционные. Однако мож-

¹⁶ № 101. Эта информация была не совсем точна. «Главнейшие форты Льежа еще в руках бельгийцев. Вся Бельгия под оружием. В Бельгии установлена полная связь между союзными армиями», – писали «Биржевые ведомости» (экстренное прибавление к вечернему вып. 1914. № 14281. 30 июля).

¹⁷ «Говорить о бельгийском бургомистре – значит говорить о герое», – вот фраза, которую теперь часто повторяют в стране, принявшей на себя первый удар германского меча. И эта народная оценка отнюдь не преувеличение» (Утро России: вечернее изд. 1914. 9 сентября).

но предположить, что эти стихотворения (или одно из них) могли быть написаны Есениным и раньше, то есть с августа по декабрь 1914 года. В тексте «Греции» и «Польши» нет никаких косвенных доказательств, позволяющих датировать их только 1915 годом.

В стихотворении «Греция» Есенин обращается к стране, сохраняющей нейтралитет, в то время как другие государства определили свою позицию в мировой войне и активно участвуют в ней. Интересно здесь обращение к историческому прошлому страны:

Могучий Ахиллес громил твердыни Трои.
Блистательный Патрокл сраженный умирал.
А Гектор меч о траву вытирал
И сыпал на врага цветущие левкои (ПСС, 4, 96).

Такая тематическая соотнесенность прошлого и настоящего характерна и для других стихотворений этого периода. Так, например, стихотворение «К Италии», написанное 9 сентября 1914 года Константином Липскеровым, начинается строками:

Пора, страна Буонаротти!
Святое рушится, — взгляни!¹⁸

Сходны по содержанию и другие части этих стихотворений, близких по тематике — обращение к нейтральному государству с призывом включиться в войну. У Есенина:

Возьми свой меч. Будь Сербии сестрою.
Напомни миру сгивнувшую Трою,
И для вандалов пусть чернеют меч и плаха (ПСС, 4, 96).

У Липскерова:

Что медлишь ты! Что ропщешь глухо!
Покинь родимые межи!
Хранить сокровищницы духа
Благое право докажи¹⁹.

¹⁸ Утро России — М. № 219. 1914. 13 сентября. — С. 1.

¹⁹ Там же. Две последние из приведенных строк соотносятся и с другим стихотворением Есенина — «Бельгия»:

И жребий правды совершится:
Падет твой враг к твоим ногам
И будет с горестью молиться
Твоим разбитым алтарям (ПСС, 4, 74).

Основываясь на анализе стихотворения «Греция», в Летописи предполагается датировать время его создания октябрем – декабрем (?) 1914 года.

В Польше боевые действия начались в первые недели войны. В октябре – ноябре на территории Польши проходили два крупнейших сражения: Варшавско-Иваногодское и Лодзинское. В боях с обеих сторон участвовало временами свыше 800 тысяч человек. К этому времени вполне могут быть отнесены есенинские слова:

Над Польшей облако кровавое повисло,
И капли красные сжигают города (ПСС, 4, 97).

Важны для датировки последние строки сонета, в которых говорится о победе, хотя еще далеко не окончательной:

Ты мощною рукой сеть плена распорола.
Пускай горят родных краев опушки,
Но слышен звон побед к молебствию костела
(ПСС, 4, 97).

Первые победы были одержаны союзниками уже в первые месяцы войны, хотя еще неоднократно после этого инициатива переходила к австрийским и немецким войскам. Предлагается датировать стихотворение «Польша» октябрем – ноябрем (?) 1914 года.

Последние два примера не говорят о том, что для датировки каждого стихотворения требуются подобные разыскания. В ряде случаев сужение даты недостижимо. Так, стихотворение «Черемуха», впервые напечатанное в мартовской книжке московского журнала «Мирок» за 1915 год, датируется в ПСС 1915 годом. По содержанию стихотворения невозможно установить временные рамки его создания. Понятно, что датировка типа «1910–1915» в подобном случае неуместна. Можно дать в «Летописи» приблизительную датировку: «1915 (?). Январь...Февраль, не позднее». Таким образом, не исключается, что стихотворение было написано и до 1915 года – в 1914 году, однако акцент сделан на наиболее вероятный отрезок – первые два месяца 1915 года. Еще один подобный пример – стихотворение «Не в моего ты Бога верила...», опубликованное в газете «Петроградский вечер» 7 фев-

раля 1916 года. Предлагается отметить в «Летописи», что оно было написано не позднее 6 февраля 1916 года.

Декабрем (?) 1915 года С.И. Субботин датирует время отправки стихотворения «Русалка под Новый год» в редакцию газеты «Ростовская речь», поскольку 1 января 1916 года это стихотворение было опубликовано с редакционной пометой: «Петроград». Можно предположить, что стихотворение названо не автором, а редактором. Это косвенно подтверждается тем, что в данном произведении отсутствует какая-либо соотнесенность с кануном Нового года. Имеются лишь отсылки к зиме и сменяющей ее весне: «Кинусь с берега в черную прорубь», «Я русалкой вернуся весною». Такое редакторское вмешательство могло быть вызвано желанием напечатать стихотворение в новогоднем номере. Впрочем, возможно, что сам Есенин дал название «Русалка под Новый год», отправляя стихотворение в редакцию в декабре 1915 года и резонно полагая, что подобный заголовок будет способствовать его скорой публикации. Декабрем 1915 года предположительно датируется в Летописи и время написания стихотворения.

Вернемся к военной тематике в раннем творчестве Есенина. Маленькая поэма «Русь» датирована в ПСС 1914 годом – в соответствии с авторской пометой в наборном экземпляре. Текст этого произведения ясно показывает, что «Русь» написана после начала войны:

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну,
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину (ПСС, 2, 18–19).

Как уже отмечалось, мобилизация в России началась 18 июля 1914 года, с августа русские войска участвовали в боевых действиях.

Но в стихотворении описывается время, когда солдаты стали писать письма на родину, получив краткий отдых, более того, эта корреспонденция была получена родными:

Затомилась деревня невесточкой –
Как-то милые в дальнем kraю?
Отчего не уведомят весточкой, –
Не погибли ли в жарком бою?

В рошце чудились запахи ладана,
В вербе бластились стуки костей.
И пришли к ним нежданно-негаданно
С дальней волости груды вестей.
Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамоты,
За ветловую сели тесьму (ПСС, 2, 19).

Наиболее ранний из известных автографов «Руси» с авторской надписью «Переписывал для Серафимы Павловны Ремизовой» датирован 18 апреля 1915 года, публикация отрывка состоялась в мае 1915 года в журнале «Северные записки» (см.: ПСС, 2, 288). По воспоминаниям С.Д. Фомина, Есенин читал «Русь» в Москве до отъезда в Петроград, который состоялся в первой декаде марта 1915 года (ПСС, 2, 289). Таким образом, нет оснований подвергать сомнению есенинскую дату – 1914 год. Ее можно сузить: Октябрь... Декабрь.

Еще более точную датировку можно дать стихотворению «Богатырский посвист», которое открывается строками, близкими строкам «Руси». Как справедливо полагает С.И. Субботин, вероятно, это стихотворение было написано ранее «Руси». Анализ «Богатырского посвиста» показывает, что это произведение было создано после начала войны. Важны для его датировки строчки, в которых говорится о первых победах русских войск:

Видят немцы – задрожали дубы столетние,
На дубах от свиста листы валятся.
Побросали немцы шапки медные,
Испугались посвисту богатырского...
Правит Русь праздники победные,
Гудит земля от звона монастырского (ПСС, 4, 73).

Учитывая, что 23 ноября 1914 года «Богатырский посвист» был опубликован в московской газете «Новь», в «Летописи» стихотворение должно иметь датировку: 1914, Октябрь... Ноябрь, до 22.

Кроме того, в «Летописи» будут передатированы некоторые произведения. Приведем примеры.

В четвертом томе академического собрания по воспоминаниям троюродного брата, одногодка Есенина Николая Ивановича

Титова включено стихотворение «Есть в селе-то у нас барин...». В ПСС оно датируется 1907–1908 годами. Как пишет Титов, возможно, стихотворение было написано в ответ на арест учителя Александра Ивановича Воронова, которого увезли прямо с урока. Когда же был арестован Воронов?

28 января 1906 года уездный исправник отправляет Рязанскому губернатору рапорт, касающийся учителя Константиновской школы А.И. Воронова. Он сообщает, что в конце ноября 1905 года Воронов привез из Рязани нелегальную литературу, которую давал для чтения разным лицам и крестьянам.

В феврале 1906 года уездный исправник вновь отправляет Рязанскому губернатору информацию об А.И. Воронове. И вскоре учитель был арестован. «Александра Ивановича забрали несколько раньше, чем моего дядю Василия Ивановича, — вспоминал Николай Иванович Титов, — обратно он не вернулся и вообще с тех пор как в воду канул». После этого втором учителем Константиновской школы на какое-то время стала Александра Павловна Прокимнова, окончившая Рязанское Епархиальное женское училище, дочь Кузьминского священника. Эти архивные данные опубликованы в книге Анатолия Дмитриевича Панфилова «Константиновский меридиан»²⁰.

Как видим, документы свидетельствуют о том, что арест учителя приходится на начало 1906 года. Соответственно этим временем и будет датировано в «Летописи» стихотворение «Есть в селе-то у нас барин...», так как нет каких-либо других свидетельств о времени его создания, кроме уже процитированных воспоминаний Н.И. Титова.

Стихотворение «Милый друг, не рыйдай...» имеет в ПСС редакционную дату 1907–1908. В комментариях сообщается, что четверостишие приводится по рукописи К.П. Воронцова, который вспоминал: «Учась уже во второклассной школе, Сергей стал, как говорится, сочинять стихи, но не опубликовывал их. Мне в то время его стихи нравились, и я просил лишь его, чтобы он писал. Наприм^{ер}, помню, такой стих: “Милый друг, не рыйдай...” *<и*

²⁰ Том 2. С. 177–179.

т.д.» (ПСС, 4, 499; выделено автором статьи). Известно, что в Спас-Клепиковскую второклассную школу Есенин поступил в 1909 году. Во время каникул приезжая в Константиноvo, Есенин мог показать другу свои новые стихотворения. Следовательно, четверостишие в «Летописи» будет датировано ориентировочно: 1910–1911(?). В поправках к ПСС это стихотворение датируется 1910–1912 годами.

Приведенные примеры показывают, что Летопись будет отличаться от предшествующих изданий наиболее точной и доказательной датировкой всех известных на сегодняшний день произведений Есенина.

ВОСПОМИНАНИЯ К.Ф. БОГОЯВЛЕНСКОЙ

Публикация и комментарий

Ю.Б. Юшкін

(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

ВОСПОМИНАНИЯ К.Ф. БОГОЯВЛЕНСКОЙ

В Москве в 1913 и 1914 годы Сергей Есенин дружил с моим старшим братом Михаилом Федосеевичем Богоявленским и его товарищами – молодыми большевиками. Они встретились в типографии Сытина, где Сергей Есенин работал корректором, а Михаил вместе с другими большевиками подпольно проводили революционную работу. В те годы Сергей Есенин часто бывал у нас в доме (мы жили в Москве в рабочем районе близ Селезневской улицы, в Антропьевском переулке).

Для характеристики взаимоотношений Сергея Есенина с Михаилом Богоявленским и другими большевиками необходимо более подробно о них сообщить. В 1912, 1913 и первой половине 1914 годов бурно нарастало революционное движение. Молодых большевиков объединяла общая борьба за свободу, их глубокое убеждение в неизбежности революции. Рабочая молодежь стремилась к образованию, глубоким научным знаниям.

В эту среду попал Сергей Есенин в первые годы жизни в Москве. Я думаю, что наибольшее влияние из всех товарищей на Сергея Есенина имел мой брат Михаил. На партийной работе он был агитатором, пропагандистом, организатором молодежи. Очень добрый и чуткий, Михаил любил людей, и товарищи любили его.

Большая революционная работа проводилась большевиками в Университете Шанявского. В 1913 и 1914 годы большевики, слушатели Университета, образовали подпольный большевистский кружок, куда в числе других входили – Михаил Богоявленский – 18 лет, Георгий Николаевич Пылаев – 20 лет, Валерьян Нахумов – 18 лет, Цельмин Петр – 20 лет, Латис Мартин Иванович («Дядя» – парткличка) – 25 лет и многие другие.

В дальнейшем из этого большевистского кружка образовалась «Тверская группа», проводившая большую революционную работу с 1913 года до Февральской революции под различными названиями («Северная группа» и др.).

Есенин в партии большевиков не состоял, но был близко знаком с перечисленными мною молодыми большевиками, которые доверяли Сергею и считали его своим человеком.

Я не могу подробно и конкретно написать, что именно делал Есенин, так как никто из нас о своей подпольной революционной работе не говорил, но точно знаю, что он распространял нелегальную литературу, бывал на рабочих нелегальных собраниях. Мне это известно от моих братьев Михаила и Николая, от их товарищей. Я сама носила нелегальные большевистские листовки и воззвания в своем гимназическом портфеле и хорошо знала, кому доверяли большевики.

По рассказам участников хорошо помню случай выступления Сергея Есенина со своими стихами на кладбище. В 1913 году в Москве группа рабочих организованно и торжественно хоронили одного рабочего, погибшего по вине предпринимателя. Эти похороны стали демонстрацией против эксплуататоров. На кладбище выступали с речами Михаил Богоявленский и другие рабочие. Они обвиняли царский строй и предпринимателя в смерти рабочего. Сергей Есенин прочитал свое стихотворение, посвященное погившему рабочему. Я думаю, что это было стихотворение «На память об усопшем. У могилы». После похорон погибшего рабочего о Есенине говорили, что он пишет задушевные стихи, у него талант и он будет поэтом.

Помню, летом 1913 года во дворе, где мы жили, стоял Есенин и, сияя своими сине-голубыми глазами и золотыми волосами, читал свои стихи. Вокруг Есенина стояли наша мать Любовь Ивановна Богоявленская, мои братья Михаил и Николай, я, мои сестры – Клавдия и Надежда, Валя Наумов, Петр Цельмин, Сергей Михайлов. Мы слушали стихи Есенина, которые звучали, как музыкальный напев. Он читал, не повышая голоса, с большим чувством, которое чутко воспринимали благодарные и расположенные к нему слушатели.

Наша мама сказала: «Сережа, у тебя большой талант, учись, ты будешь поэтом». Она по-матерински относилась ко всей молодежи, приходившей к нам в дом. Мама была одинаково добра и строга и со своими детьми, и с их товарищами. Сережа Есенин держался скромно и просто, как и все товарищи брата Михаила.

Общение Есенина с революционными рабочими повлекло наблюдение за ним Охранного отделения полиции. Известно, что в 1913 году у Есенина дома был обыск. В материалах Московской охранки сохранилось донесение начальника охранки, где среди других рабочих называется «Есенин С.».

В марте 1913 года группа рабочих Замоскворецкого района написала письмо в газету «Правда» с резким осуждением раскольнической деятельности ликвидаторов и антиленинской позиции газеты «Луч». В этом письме рабочие горячо поддерживали большевиков А. Бабаева, Г. Петровского, Ф. Самойлова, Н. Шагова – рабочих депутатов и членов Государственной Думы, которые в газете «Правда» 1 февраля 1913 года напечатали заявления об их выходе из состава сотрудников газеты «Луч».

Рабочие Замоскворецкого района передали свое письмо депутату Государственной Думы Малиновскому для публикации в газете «Правда». Только после революции выяснилось, что Малиновский был провокатором, и письмо рабочих он передал не в «Правду», а в департамент полиции.

Начальник московской охранки подполковник Мартынов доносил 11 декабря 1913 года в департамент полиции: «...упоминаемыми в приложении к означеному номеру рабочие Замоскворецкого района могут являться... далее перечисляются 16 человек, среди них, – «Есенин С.» – «Есенин <так!> Сергей Александрович, кр. Рязанской губ. и уезда, Кузьминской вол., села Константинова, 19 лет, корректор в типографии Сытина... Все эти лица ранее по делам отделения не проходили. Остальные лица до сего времени не установлены!».

Подпись Сергея Есенина на письме-протесте доказывает сознательное его участие в революционной борьбе рабочих. Близость Сергея Есенина с большевистской молодежью проявилась также и в том, что он приезжал в коммуну в селе Крылатское (Кунцево близ Москвы).

Под видом летнего отдыха в 1913 и 1914 годы Георгий Пылаев, Михаил Богоявленский и Валерьян Наумов снимали ком-

¹ ГАРФ. Ф. 102. П. 243. 1913 г. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Прод. 1. Л. 189–190 об.

нату в деревенской избе, где жили коммуной. Кроме них здесь жили и другие товарищи, в том числе Петр Цельмин и М.И. Лацис. Таких коммун в Крылатском было несколько.

Там собирались большевики, проводились нелегальные собрания, хранился печатный шрифт, держалась нелегальная литература. Многие профессиональные революционеры, скрывавшиеся от полиции, имели возможность жить в Крылатском.

В своих воспоминаниях «О работе в Московских группах РСДРП (большевиков) в период 1911 года по вторую половину 1915 года», Петр Цельмин пишет: «Крылатское летом 1914 года стало революционным центром. Сюда по воскресеньям приезжали из Москвы товарищи и на даче у тов. Пылаева часто устраивались собрания»².

Вспоминается такой случай. Один рабочий приехал в село Крылатское к своим товарищам, не зная точно, в каком доме они живут. По конспиративным соображениям он не мог обратиться к посторонним при розыске дома. Этот рабочий ходил мимо каждого дома и заглядывал в окна. Через окно одного дома он увидел газету «Правда» и решил, что здесь живут свои товарищи. Он открыл не запертое окно, залез в комнату, поел что нашел и лег спать. Приехавшие вечером с работы Михаил Богоявленский, Георгий Пылаев и другие с удивлением увидели на кровати спящего неизвестного парня. Они его разбудили и после выяснения, к кому он приезжал, смеялись, как он нашел их по газете. Все вместе дружно поужинали, после чего указали приезжему, куда ему идти.

Вместе с другими товарищами приезжал в Крылатское и Сергей Есенин. В книге «О подпольной работе Тверской группы РСДРП (б) в Москве в годы войны» Петр Цельмин пишет: «В коммуне в селе Крылатское в 1914 году были – Пылаев Георгий, Богоявленский Михаил, Валерьян Наумов, Лацис М.И., Цельмин Петр и другие. Были Сережа Есенин, Николай Богоявленский».

В 1914 году в Москве Сергей Есенин жил в одной комнате с молодым большевиком Георгием Николаевичем Пылаевым.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 373. С. 14

Вспоминая те годы, Петр Цельмин³ отмечает: «...Тов. Георгий скоро провалился и был выслан. Осенью 14 года Пылаев вернулся ... Вместе с нынешним поэтом Сергеем Есениным остановился проживать под чужим именем где-то в Лефортове. Есенин считал себя [социалистом]-р[еволюционером], но в партии не состоял, а тов. Георгий взялся из него сделать большевика. Есенин нашу работу знал, нас не выдавал, а технически иногда в работе ещё помогал»⁴.

Война 1914 года грянула неожиданно и дала возможность царскому правительству мобилизовать реакционные силы, временно подавить революционное движение. На улицах и площадях, находившихся в стороне от центра, на окраинах города производились учения новобранцев, мобилизовались лошади, проходили войска. Черная сотня и полиция организовывали манифестации с иконами, портретами царя и царицы, с криками: «Долой башей, долой швабов!».

Большевики с самого начала были против войны, разоблачали империалистическую и хищническую сущность войны. Московские большевики (Тверская группа) 20 июля (ст. стиль) 1914 г. собрались на даче Пылаева в Крылатском на тайное совещание, на котором разработали план демонстрации против войны и написали протест против войны с разъяснениями ее грабительского характера. Он начался словами: «Братоубийственная война все разгорается и разгорается...».

Сергей Есенин знал о предполагавшейся демонстрации против войны и принимал в ней участие.

27 июля (ст. стиль) 1914 года в воскресенье около 4 часов дня на Екатерининской площади (теперь площадь Коммуны), под видом гуляющих, в одиночку и группами, собирались демонстранты. Постепенно площадь заполнялась, но масса демонстрантов по стратегическим соображениям держалась близ тротуаров

³ Петр Цельмин вступил в партию в 1909 году. В сопроводительной записке к воспоминаниям сообщал: «Мой адрес: гор. Бобруйск. Начальнику политотдела 4 стрел. дивизии П. Цельмину. 5. III. 24». См.: РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 373. С. 1.

⁴ РГАСПИ, ф. 70, оп. 3, д. 373, с. 15

и парка, чтоб по сигналу с красным флагом построиться в ряды. Среди демонстрантов был и Есенин.

Мальчишки, непременные участники всех демонстраций, проявили инициативу. Они обежали закоулки и дворы вокруг Екатерининской площади и сообщили организаторам демонстрации – Михаилу Богоявленскому и другим, что кругом прячутся полицейские и жандармы. Подтвердил сведения об окружении площади и большевик Тихомиров. Желая избежать кровопролития, большевики предложили демонстрантам разойтись.

Я с группой девочек (возраст 14–16 лет) стояли у школы (теперь здание Института путей сообщения). К нам подошел мой брат Николай и сказал: «Бегите скорее домой, площадь окружила полиция». Мы через Селезневскую улицу побежали домой на Антроповскую, а нам навстречу от Сущевской пожарной части уже мчались на лошадях городовые.

В тот день на Екатерининской площади полиция нагайками била людей, топтала их лошадьми. Среди демонстрантов были раненые, были произведены и аресты. Из организаторов демонстрации в этот день были арестованы Георгий Пылаев, брат Михаил и Валерьян Наумов.

В материалах департамента полиции сохранилось донесение Московской охранки о состоявшемся собрании большевиков 20 июля 1914 г., с перечислением многих участников и об организации демонстрации против войны. Начальник Московской охранки подполковник Мартынов пишет: «Лица эти неудержимо идут на активные противоправительственные выступления, поэтому для парализования этих предприятий всех арестовать».

Скрываясь от преследования полиции, многие из демонстрантов уехали из Москвы, уехал и Сергей Есенин.

В нашем доме Сергей Есенин больше не бывал. Георгий Пылаев, Михаил Богоявленский, Валерьян Наумов были осуждены Особым Совещанием 31 августа (ст. стиль) 1914 года и высланы из Москвы с запрещением проживать в Москве, Московской губернии, в Петрограде и других городах.

Но вскоре все они скрылись с места высылки, перешли на нелегальное положение и подпольно продолжали революционную борьбу.

В 1916 году я приезжала в Петроград по вызову брата Михаила, где он жил нелегально. Сергея Есенина я в Петрограде не видела, но слышала о нем от товарищей.

Знавшие Сергея Есенина большевики сохранили к нему хорошее товарищеское отношение, продолжали считать его своим товарищем. Михаил Богоявленский говорил, что все наносное и случайное у Сергея Есенина пройдет, и он найдет свое настоящее место в жизни.

В годы Гражданской войны погибли многие молодые большевики знавшие и любившие Сергея Есенина, как товарища и друга. Погиб и мой брат Михаил. Активный участник Октябрьской революции в Москве, Михаил Богоявленский по заданию ЦК партии большевиков с марта 1918 года работал на Северном Кавказе под фамилией Власов. Он был членом Президиума ЦИК Северо-Кавказской республики⁵ и председателем ЧК. В октябре 1918 года во время контрреволюционного выступления изменника Сорокина⁶ и его клики были расстреляны члены ЦИК Северо-Кавказской республики, в их числе и Михаил Федосеевич Богоявленский-Власов. Его прах перезахоронен у Огня вечной славы на площади Ленина Пятигорска 5 ноября 1967 года.

В 1922 году, когда я была студенткой МГУ, в доме Герцена встретила уже известного поэта Сергея Есенина в окружении свиты. Внешне он был другой, иначе одет, другая манера держаться. Мы с ним разговорились, и я рассказала ему о гибели моего брата Михаила и о других товарищах.

Есенина торопили, но он продолжал расспрашивать меня о друзьях его юности, погибших в борьбе за революцию.

Больше с Сергеем Есениным я не встречалась. <...>

Светлая память о Сергее Есенине свято хранилась в нашей семье. Мы глубоко сожалели о безвременной смерти поэта.

⁵ Северо-Кавказская Советская республика, в составе РСФСР, с 7 июля по декабрь 1918 г. объединяла Кубано-Черноморскую, Ставропольскую и Терскую Сов. республики. Столица – Екатеринодар (ныне Краснодар).

⁶ Сорокин Иван Лукич (1884–1918), левый эсер, есаул (1915), главнокомандующий советскими войсками на Сев. Кавказе (август – сентябрь 1918 г.), затем командующий 11-й армии. 21 октября поднял мятеж против Советской власти; убит при аресте в Ставрополе.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНИЙ

Строки «Хронологической канвы жизни и творчества Сергея Александровича Есенина» из третьей книги VII тома академического Полного собрания сочинений поэта гласят: «31<декабря 1913 г. > <Есенин> Встречает Новый год у себя на квартире с друзьями Г.Н. Пылаевым и В.Н. Наумовым, являющимися членами РСДРП (б) и находящимися под негласным надзором полиции.»

Кто же такие Г.Н. Пылаев и В.Н. Наумов?

До недавнего времени о них и их отношениях с Есениным было мало что известно. Некоторый свет проливают на их взаимоотношения воспоминания Капитолины Федосеевны Богоявленской. Эти мемуары были написаны спустя много лет после смерти С. Есенина. Их написание было востребовано временем – далее национального гения от народа прятать было нельзя. Помеченные автором «март 1971 г.», они поступили в распоряжение «Председателя комиссии по литературному наследию С. Есенина при Союзе писателей СССР» К.Л. Зелинского и осели в его фонде РГАЛИ. Исследователи знали об этих воспоминаниях, но обходили стороной, считая, быть может, их легендарными.

Что ж, они, конечно, не лишены некоторых неточностей, как и все написанное много позже гибели Есенина – аберрации памяти исключать нельзя. Но достоинство этих мемуаров заключается в том, что их автор далек от «похлопывания по плечу» Есенина, а заставляет более внимательно отнестись к именам людей из окружения поэта. Мемуары К.Ф. Богоявленской позволяют по-новому взглянуть на участие Есенина в революционном движении московского пролетариата в 1913–1914 годах. Напоминают они и о том, что нужно осторожно, более критически относиться к таким, например, воспоминаниям, как мемуары Г.Д. Деева-Хомяковского, хотя и написаны они были вскоре после гибели С.А. Есенина.

Конкретный пример.

В начале марта 1913 года Есенин, пробыв в Константинове около месяца, возвращается в Москву и с помощью отца устраивается на работу в экспедицию типографии «Товарищество И.Д. Сытина». Позднее, в 1926 году, И. Атюнин напишет: «Его отец, желая устроить Сергея куда-либо на более прочное место, просил знакомо-

го корректора фабрики Сытина Коростелева Алексея Саввича оказать содействие, и в результате в марте 1913 года Сергей Есенин поступил... на фабрику издательства Сытина».

Но... существует и другая версия устройства Есенина на работу в типографию «Товарищества И.Д. Сытина». На этой версии следует остановиться особо, ибо она связана с участием поэта в работе Суриковского литературно-музыкального кружка. Один из руководителей этого творческого объединения Г.Д. Деев-Хомяковский в своих воспоминаниях «Правда о Есенине» пишет: «Нужно оставить вздорный вымысел, утверждающий, что Есенин пришел в Питер прямо из рязанских сел.

Поэт, прежде чем попасть в цепкие лапы питерских барынь, испытал горькую долю крестьянского самородка-писателя.

Появился он в Москве весной 1912 года <?>.

Он приехал из деревни, без гроша денег и пришел к поэту С.Н. Кошカラу-Заревому.

Сергей Николаевич тогда был председателем Суриковского кружка писателей.

Привело Есенина к т. Заревому, близкому другу и ученику т. Бонч-Бруевича, желание найти пути в литературу.

Литературная буржуазия Москвы встретила холодно белокурого смельчака.

Некоторое время он жил у Кошカラова и посещал собрание кружка писателей.

В 1912 году кружок являлся самой мощной организацией пролетарско-крестьянских писателей <...>.

Деятельность кружка была направлена не только в сторону выявления самородков-литераторов, но и на политическую работу.

Лето после Ленских расстрелов было самое живое и бурное. Наша группа конспиративно собиралась часто в Кунцеве, в парке бывшем Солдатенкова, близ села Крылатского, под заветным старым вековым дубом.

Там, под видом экскурсий литераторов, мы впервые и ввели Есенина в круг общественной и политической жизни.

Там молодой поэт впервые стал публично выступать со своим творчеством.

Талант его был замечен всеми собиравшимися.

Решено было его устроить куда-либо на службу.

После ряда хлопот его устроили через социал-демократическую группу в типографию бывшую Сытина на Пятницкой улице <...>.

В течение первых двух лет Есенин вел непрерывную работу в кружке.

Казалось нам, что из Есенина выйдет не только поэт, но и хороший общественник. В 1913–1914 гг. он был чрезвычайно близок кружковой общественной работе, занимая должность секретаря кружка...»⁷.

Цитируемые строки мемуаров Г. Деева-Хомяковского, опубликованных в 1926 году в журнале «На литературном посту», – это легенда, в которой попадаются очень редкие зерна подлинности. Есенин придет в Суриковский кружок только тогда, когда у него будут в руках первые публикации его произведений, наличие которых, судя по всему, являлось необходимым условием для вступления в кружок. И свое заявление о зачислении его в члены кружка поэт напишет, вероятно, в конце 1914 г. – начале 1915 г.:

«В Суриковский литературно-музыкальный кружок

Сергея Александровича Есенина

Заявление

Настоящим покорнейше прошу Совет кружка зачислить меня в действительные члены. Печатные материалы появлялись: «Рязанская жизнь», «Новь», «Мирок», «Проталинка», «Путеводный огонек».

Б.Строченовский пер., д.24

Сергей Александрович Есенин

1913 г.»⁸.

Данное заявление печатается по копии рукой неустановленного лица (ИМЛИ. Ф. 32. Оп. 2. Ед. хр. 2). На листе с текстом помета той же рукой: «Копия с заявления С. Есенина в Сурковский кружок от 1913 г.». Сам же подлинник есенинского заявления будет храниться до марта 1958 г. у поэта Семена Фомина, который об этом сообщит в письме в ИМЛИ от 28 февраля 1958 г. Нынешнее местонахождение документа неизвестно. Видимо, при снятии с него копии в датировку <1913 г.> вкрадась ошибка. Известно, что журнал «Мирок» в январе 1914 г. публикует под псевдо-

⁷ Воспоминания. 1. С. 147–149.

⁸ ПСС. VII. Кн.2. С. 199, 272–275.

нимом «Аристон» стихотворение «Береза». Московская газета «Новь» и журнал «Проталинка» стали издаваться лишь с января 1914 г., причем в газете стихотворение Есенина «Богатырский по-свист» появилось 23 ноября, а другое его стихотворение – «Молитва матери» – будет напечатано в октябрьском номере «Проталинки» в том же 1914-м⁹.

Следовательно, ранее 23 ноября 1914 г. Есенин не напишет своего заявления и не сможет в годы 1913–1914 быть «близок кружковой общественной работе, занимая должность секретаря кружка».

Пребывание Есенина в Суриковском кружке будет кратковременным, ибо люди там долго не задерживались. Причиной тому, видимо, были и периодические возникавшие в кружке конфликты, которые Г. Деев-Хомяковский в своих мемуарах обходит стороной. Один из них заставит Есенина написать следующее заявление, датированное 8 февраля 1915 года:

«В С<уриковский> л<литературно>-м<музыкальный> к<ружок>.

Прошу совет кружка вычеркнуть меня из числа действительных членов и возложенных на меня обязанностей кружка. 19 8/II 15 г.

Сергей

Александрови<ч> Есенин»¹⁰.

Об обязанностях Есенина в кружке и причине выхода из членов и отказа от обязанностей поэта в нем напишет позже С. Фомин: «8-го февраля 1915 г. Общее собрание одного кружка самоучек и начинающих писателей избрало меня и Есенина в редакционную коллегию издававшегося журнала. Вот на этом собрании и скзался подлинный Есенин.

– Надо создать настоящий художественный журнал. Слабые вещи печатать не годится!

А старая редакционная коллегия тянула назад:

– Нельзя так: у нас много принятого материала.

Тогда Есенин схватил свой картузик и кивнул мне:

– Идем, Фомин. Здесь делать нам нечего!

И мы оба вышли из редакционной коллегии кружка»¹¹.

⁹ ПСС. IV. 4. С. 361–362.

¹⁰ ПСС. VII. Кн. 2. С. 199–200.

¹¹ Памяти Есенина. С. 128–129.

Так закончилось мимолетное пребывание Есенина в Суриковском кружке. А о том, что литераторы там долго не задерживались, сам Г. Деев-Хомяковский в письме критику Л.М. Клейнборту спустя месяц после ухода из него Есенина писал: «Ей-Богу, никак не могу уяснить себе такое явление в жизни: все идут в наш кружок, знакомятся с ним, с членами и, побыв некоторое время, уходят. Куда? Зачем? Почему? Положим, к Олимпу литературы и искусства; но почему же не хотят работать с демократией, с рабочей самомыслящей силой?.. Вот у нас в кружке, должен вам сказать, перебывало довольно много людей по спискам – здесь были и гг. Белоусов, и М.Д. Телешов и др.; но странно, почему же теперь эти люди даже не спросят – как живет и чем дышит кружок?»¹².

Интересовался ли, скажем, И.А. Белоусов жизнью Суриковского литературно-музыкального кружка? Можно сказать, что очень интересовался. Вот что писал Иван Алексеевич в октябре 1913 года в редактируемом им журнале «Путь» о книгах стихов С.Н. Кошкова «Светлые песни», «Первая ласточка», «Для народа», «В родном просторе», «Звездочка» и о книге И.М. Корнева «Стихи и песни», изданных Суриковским кружком: «Много лет в небольших журналах, провинциальных газетах и сборниках встречаются подписи под стихами – «Крестьянин», «Самоучка». Эти определения как будто сделаны для того, чтобы извиниться: «Извините меня, что я так плохо написал, – я неученый»... А спросить бы этих людей, где же такое учреждение, в котором учили бы писать стихи?

Если говорить об общем образовании и трудности его, то теперь ведь не 50–60 гг. Теперь образование получить гораздо легче, чем тогда. Получил же образование Горький, да какое образование – широкое.

Повторяю, плохо писали «писатели-самоучки», за исключением 2–3-х. И никто не думал их извинять; все думали: не умеешь писать, то и не пиши!.. И стало реже и реже повторяться слово «самоучка». Стали подписываться «писатель из народа» – и это правильнее.

«Выходит из народа столько славных...», – говорит Некрасов.

Видимо, последние писатели из народа перестали кичиться званием самоучки, сознали свою ошибку и принялись учиться, читать, вдумываться в прочитанное у лучших художников слова, – отчего и

¹² Воспоминания. I. С. 459.

стихи этих писателей стали похожи на стихи, — явились образы, звучные, хорошие рифмы, картины природы одухотворенные, а не написанные по шаблону.

Многое хорошее замечается и у 2-х поименованных авторов, членов “Кружка писателей из народа”. Наприм., у г. Корнева встречаются уже такие уверенные строки:

Над умирающею степью,
Над сном развенчанной земли
Плынут протянутою цепью
В осеннем небе журавли.
И с вожаком в полете смелом
Они с воздушного пути
Кричат полям осиротелым
Свое печальное прости...

Будем надеяться, что придет время, когда к слову “поэт” не нужны будут никакие прилагательные, — оно будет говорить само за себя без всяких извинений и вычурностей».

«Надо создать настоящий художественный журнал. Слабые вещи печатать не годится!» — эти слова Есенина запомнятся С. Фомину. Поэт, конечно, чувствовал, что, прия в Суриковский кружок, онступил в «застойное болото, где было много принятого материала», подобного тому, видимо, о котором идет речь в небольшой заметочке, которая будет напечатана в октябре 1915 года в «Журнале журналов» (№ 26):

«Уж, — или гадюка?

Выпустивший около пятнадцати книжек “собственных” стихотворений, народный поэт С.Н. Кошкаров, как нельзя лучше подтверждает известное определение: поэт мыслит образами:

На пашне зеленых былинок
Уж много сверкает кругом...

...Один лишь миг и над травою
Дрожит уж множество лучей...

...Жизнь есть пир!.. Развратник, вор
Уж пресытился их телом!

... И мать и старого отца
Родной уж сын любить не может!

...Светлый поднялся и тихо, без шума
Грустно, уходит уж вдаль.

...Спустилась бабочка к цветку;
Вблизи летить уж и другая...

Так интересующий поэта уж встречается чуть ли не в каждом стихотворении С.Н. Кошакова; как видит читатель, этот универсальный уж и сверкает, и дрожит над травою, и развратничает, и не любит своих старых родителей, и грустно уходит вдаль и даже летит!

Горький сказал об этом самом уже: "Рожденный ползать летать не может".

Детально изучивший ужа С.Н. Кошаков доказывает, что это неверно».

Чему мог научить Есенина председатель Суриковского кружка С.Н. Кошаков?...

Бывал С. Есенин и в Кунцеве, в Крылатском, но не в 1912 году, а позже, когда уже работал в «Товариществе И.Д. Сытина» и не с членами Суриковского кружка, а с большевиками, на даче Георгия Пылаева. И жил поэт одно время на московской квартире последнего. Четвертое издание «Советского энциклопедического словаря» (1990 г.) сообщает о нем: «*Пылаев Георг. Ник.* (1894–1937), сов. парт. деятель. Чл. КПСС с 1912. Участник Окт. рев^{олю}ции (Петроград), Гражд. войны. В 1921–24 команд^{овал} Донецкой трудовой армией, один из рук^{оводителей} восстановления Донбасса. Чл. ЦКК ^{контрольной комиссии} партии в 1923–25, 1930–34. Чл. комиссии сов. контроля с 1934. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно» (С. 1096).

Теперь же (после прочтения воспоминаний К.Ф. Богоявленской), кажется, становится понятным, почему героем поэмы «Товарищ» является не Прон, не Платон и не Максим, но Мартин. И, быть может, реалии биографии М.И. Лациса нашли отражение в строках поэмы Есенина.

Из того же издания «Энциклопедического словаря» (С. 701): «*Лацис Мартын Ив.* (Судрабс Ян Фридрихович (1888–1938), сов. гос., парт. деятель. Чл. КПСС с 1905. Участник Рев~~олю~~ции 1905–1907 (Латвия), Окт~~ябрьской~~ 1917 (Петроград), чл. ВРК. В 1918–21 чл~~ен~~ коллегии ВЧК, одновременно, в 1919 г. пред~~седатель~~ Всеукр~~аинской~~ ЧК. С 1932 дир~~ектор~~ Ин-та нар~~одного~~ х~~озяйст~~ва им. Плеханова (Москва). Чл. ВЦИК, ЦИК СССР. Необоснованно репрессирован; реабилитирован посмертно».

Вот это «необоснованно репрессирован», видимо, было и еще одной причиной позднего написания воспоминаний. Обнародование их стало возможным, когда свершилась посмертная реабилитация.

В своей «Руси уходящей» Есенин в 1924 году (в преддверии 7-й годовщины Октябрьской революции) напишет:

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею. (II, 105)

Думается, что эти строки относятся к М.И. Лацису и Г.Н. Пылаеву, с которыми поэт, наверное, встречался в Петрограде.

Возможно, Есенин был знаком и с сестрой Георгия Пылаева. Елизавета Николаевна Пылаева (1898–1926) была одним из организаторов комсомола. Член КПСС с 1917 года, член комитета Петроградского социалистического союза рабочей молодежи и помощник секретаря Петербургского комитета РСДРП(б), она принимала участие в Октябрьской революции и гражданской войне, затем была на партийной и хозяйственной работе.

И еще одно. Воспоминания К.Ф. Богоявленской позволяют более точно датировать написание Есениным стихотворения «На память об усопшем. У могилы». В комментарии к нему в четвертом томе ПСС читаем: «Печатается по одному из недатированных писем Есенина к Г.А. Панфилову 1912–1913 годов (РГБ). Эта датировка принята и для стихотворения. Возможно, оно навеяно безвременной смертью их общего друга Д.Ф. Пырикова (скончался 17 мая 1912 года)» (IV, 348).

Со смертью Д.Ф. Пырикова вернее было бы связать ученическое «К покойнику» – третье из пяти стихотворений второй рукописной

тетради, переданной поэтом Е.М. Хитрову перед окончанием учительской школы в Спас-Клепиках, которое начинается строками:

Уж крышку тugo закрывают,
Чтоб ты не мог навеки встать,
Землей холодной зарывают,
Где лишь бесчувственные спят.
Ты будешь нем на зов наш зычный,
Когда сюда к тебе придем.
И вместе с тем рукой привычной
Тебе венков мы накладем. (IV, 18)

Первая же строка более совершенного стихотворения «На память об усопшем. У могилы» позволяет предположить, что оно написано уже после того, как С. Есенин совершенно ответственно поставил свою подпись под письмом «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района гор. Москвы». Только сблизившись с М.И. Лацисом, Г.Н. Пылаевым, В.Н. Наумовым и другими участниками революционного движения, молодой поэт мог написать:

В этой могиле под скромными ивами
Спит он, зарытый землей,
С чистой душой, со святыми порывами,
С верой зари огневой. (IV, 42)

Связать эти строки, конечно, можно и с одним из писем Есенина к Г.А. Панфилову. Ну, например, с тем (относимым к первой половине (?) сентября 1913 г.), в котором он пишет: «Ты просишь рассказать тебе, что со мной произошло, изволь. Во-первых, я зарегистрирован в числе всех профессионалистов, во-вторых, у меня был обыск, но все пока кончилось благополучно» (VI, 50).

И следующее письмо, в котором Есенин сообщает своему другу о поступлении в университет Шанявского, свидетельствует о том, что строку «С верой зари огневой» едва ли можно отнести к Д. Пырикову.

Это письмо начинается стихотворными строками – эпиграфом:

Сбейте мне цепи, скиньте оковы!
Тяжко и больно железо носить.
Дайте мне волю, желанную волю,
Я научу вас свободу любить.

И далее поэт пишет: «Тебе ничего там не видно и не слышино в углу твоего прекрасного далека. Там возле тебя мирно и плавно текут, чередуясь, блаженные дни, а здесь кипит, бурлит и сверлит холодное время, подхватывая на своем течении всякие зародыши правды, стискивает в свои ледяные объятия и несет Бог весть куда в далекие края откуда никто не приходит» (VI, 51).

И, касаясь Д. Пырикова, который жил и умер там, где «мирно и плавно» текли, «чередуясь, блаженные дни», Есенин продолжает: «Да, я частенько завидую твоему другу Пырикову. Вероятно, его боги слишком любили, что судили ему умереть молодым. Как хорошо закатиться звездой пред рассветом, а сейчас-то его пока нет и не видно» (VI, 53).

Стихотворение «На память об усопшем. У могилы» ближе строкам:

Там вдали, за черной тучей,
За порогом хмурых дней,
Реет солнца блеск могучий
Над равнинами полей. (IV, 65)

Это из стихотворения Есенина «Кузнец», опубликованного в газете «Путь правды» 15 мая 1914 г. (№ 87). И существует предположение, что в Петербург, в редакцию газеты текст «Кузнеца» был доставлен Георгием Пылаевым.

Известны воспоминания друга Есенина Николая Сардановского «На заре туманной юности». И в первой редакции воспоминаний он писал: «Его общественные убеждения до 1913 года заключали в себе значительную долю толстовства с его преклонением перед образом русского крестьянина. Потом в Москве мне Есенин как-то в разговоре заявил, что его знакомство с рабочим классом заставило перемнить прежнее мнение, и он горячо стал мне доказывать, что наивысшую общественную ценность в государстве представляют рабочие¹³.

Эти строки лишний раз свидетельствуют о том, что «На память об усопшем...», как и «Кузнец», написано после знакомства с рабочим классом.

И снова к строкам «Хронологической канвы...» из третьей книги VII тома: «Август, до 10. Возвращается из Крыма в Москву» (VII (3), 278).

¹³ Воспоминания. I. С. 459.

Известно, что в Крым Есенин уехал 16 июля. Утром 18 июля он уже в Севастополе и пишет отцу: «Я в Севастополе. Дорога была чудная. Места прекрасные. Только Солнце встает и садится по-иному. Не могу понять, где наша сторона.

*Сейчас пойду гулять к морю с 9 часов утра до 2-х часов дня, а потом еду в Ялту*¹⁴.

Следующее открытое письмо, судя по почтовому штемпелю отправлено уже из Ялты 19 июля: «Дорогой папаша! Я расположился в Ялте как нельзя лучше. <...> Дорога была не из приятных. Когда вышли из Севастополя, в нас хотели стрелять из миноносца. Все вышло по недоразумению. Наш капитан не ответил на три сигнальных выстрела. <...> Пока все хорошо»¹⁵.

19 июля (1 августа нов. стиля) Германия объявляет России войну. И кажется естественным, вероятно, в скорости написанное третье письмо, в котором Есенин пишет: «Папаша! Письмо я твое получил. Ты пишешь, когда я приеду в Москву, я готовлюсь ехать каждый день. Оставаться в Ялте опасно, все бегут. Вследствие объявленного военного положения в Севастополе тут жить нельзя. Я бы и сейчас уехал, да нельзя. Все приостановлено. Теперь найду автомобиль до Симферополя со своими товарищами и поедем в Москву. Дела очень плохи»¹⁶.

Конверта от этого письма не сохранилось, а поэтому и датировать его нельзя. Но, приняв во внимание воспоминания К.Ф. Богоявленской, можно предположить, что до воскресенья 27 июля (ст. стиля) Есенин был уже в Москве. И вместе с Г.Н. Пылаевым, В.Н. Наумовым и другими намерен был принять и принял участие в демонстрации протеста против войны. После разгрома демонстрации и ареста Георгия Пылаева, Михаила Богоявленского и Валерьяна Наумова, после 27 июля, Есенин уезжает в Константиново.

Вот на такие строки размышлений, быть может, и несколько спорные, привело знакомство с воспоминаниями Капитолины Федосеевны Богоявленской.

¹⁴ Слово. 2000. 6 (ноябрь–декабрь). С. 68.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

АССОЦИАЦИЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВ В МОСКВЕ (новые разыскания)

В.А. Дроздков
(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

Непродолжительная, но во многих отношениях интересная история русского имажинизма знала несколько творческих объединений имажинистов. Важнейшим из них была Ассоциация вольнодумцев в Москве. Она образовалась по инициативе и при деятельном участии Сергея Есенина в сентябре 1919 года. Он же до своего отъезда за границу бессменно был её председателем.

Ассоциация имела устав, в котором, как известно, в качестве целевой установки декларировалось «духовное и экономическое объединение свободных мыслителей и художников», участвующих «в пропаганде и самом широком распространении творческих идей революционной мысли и революционного искусства человечества путём устного и печатного слова». О круге «мыслителей и художников», которые «путём печатного слова» участвовали в деятельности Ассоциации, можно судить по четырём номерам издававшегося ею журнала «Гостиница для путешествующих в прекрасном». Известно также о подборе С. Есениным конкретных авторов для участия в «толстом» (в отличие от «Гостиницы...») литературном журнале «Вольнодумец», издание которого не было осуществлено.

Вместе с тем о реализации второй, обозначенной в уставе, агитационно-просветительной функции Ассоциации вольнодумцев путём устройства митингов, лекций, вечеров известно немногого. Чаще всего её связывают с организацией литературных вечеров в имажинистском кафе «Стойло Пегаса». Обнаруженные в московских архивах (главным образом, в ЦИАМ и ЦАЛИМ) документы позволяют под другим ракурсом взглянуть на агитационно-просветительскую деятельность Ассоциации вольнодумцев.

Первый документ – это заявление Ассоциации вольнодумцев в Центральный институт политехнических знаний¹. Так стал

¹ ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л. 214.

называться Политехнический музей после передачи его в ведение Наркомпроса в июле 1918 года (старое название, остававшееся между тем на афишах, было возвращено в 1923 г.). Приводя ниже факсимиле этого документа, обратим внимание на штамп Ассоциации, в котором отдельно стоящее слово «ВОЛЬНОДУМЦЕВ» напечатано вызывающе крупными буквами и ассоциируется со словами «свободные мыслители и художники» в тексте устава. Под заявлением, направленным в Центральный институт политехнических знаний, подлинные подписи председателя Ассоциации С. Есенина и секретаря А. Мариенгофа и круглая печать Ассоциации. Рукой Мариенгофа в штампе сделана приписка «агитационный отдел» и проставлены дата «декабря 31 дня» [1920 года] и № 598.

Как следует из заявления, Ассоциация вольнодумцев, обращаясь к Правлению Центрального института политехнических знаний с просьбой предоставить Аудиторию № 1, была готова провести в течение февраля – марта 27 культурно-просветительных лекций, диспутов и художественных вечеров. Поистине впечатляющи масштабы запланированной Есениным и его соратниками культурно-просветительной деятельности. Другие творческие

Ассоциация
Вольнодумцев
Москва, 1920

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

заявление

Ассоциация Вольнодумцев просит Правление Центрального Института Политехнических Знаний предоставить Аудиторию № 1 Политехн. Музея для устройства культурно-просветительных лекций и диспутов и художественных вечеров на 5, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 22, 26, 27, 28, февраля и на 5, 6, 7, 12, 13, 14, 19, 20, 21, 25, 26, 27, и 28 марта 1921 года.

Председатель Есенин

Секретарь

Мариенгоф

объединения имели более скромные запросы, что удалось установить из аналогичных заявлений этих объединений, поступивших в это же время в Центральный институт политехнических знаний. Так коллектив поэтов и критиков «Литературный особняк» просил для своих лекций и концертов в январе – марте 1921 года предоставление помещений один раз в неделю², Дворец искусств и Всероссийский союз поэтов – два раза в неделю³. В своём обращении председатель Вольной академии духовной культуры Н. Бердяев просил предоставление помещений для лекций в течение декабря 1920 и января 1921 года по одному дню в неделю⁴.

В отличие от недостаточно просторного кафе «Стойло Пегаса» арендуемые залы Политехнического музея, рассчитанные на 970, 400 и 200 (два зала) слушателей, позволяли имажинистам, с одной стороны, выйти к широкой аудитории и, с другой – приглашать для участия в своих мероприятиях известных представителей других литературных течений. Это соответствовало планом Есенина, поэтическая слава которого разнеслась уже до самых удалённых уголков России.

Как же в действительности протекала реализация планов агитационно-просветительной деятельности Ассоциации вольнодумцев в сравнении с другими творческими объединениями? Возможно, этот вопрос остался бы без ответа, если бы в марте 1921 года в дело не вмешались милицейские органы, заподозрившие финансовые нарушения при организации лекций в Политехническом музее. Так на свет появился ещё один важный документ с двумя приложенными списками лекций, приводимый здесь без купюр⁵:

«Р.С.Ф.С.Р.

Народный Комиссариат по Просвещению

Центральный Институт Политехнических Знаний

Марта 19 1921г. № 454

Начальнику 39-го Отделения

М.С.Р. и К.Д. Милиции

² ЦИАМ. Ф. 277. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л. 161.

³ Там же. Л. 241, 255.

⁴ Там же. Л. 264.

⁵ ЦАЛИМ. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 140–142.

Вследствие запроса о всех бывших и имеющих быть в Центральном Институте Политехнических Знаний (бывший Политехнический Музей) лекций в течение февраля и марта месяцев с.г. Правление Института препровождает при сём список таковых лекций.

Все лекции, устраиваемые самим Институтом, состоялись на основании разрешения Административного Отдела М.С.Р. и К.Д., причём на все означенные лекции вход был бесплатный.

Остальные лекции устраивались от разного рода организаций и учреждений, как-то: Ассоциации Вольнодумцев, Наркомздрава, Союза Поэтов, О-ва Любителей Астрономии, Политического Красного Креста, Вольной Академии Духовной Культуры, Союза Писателей, Дворца Искусств, Военно-Спортивного Клуба, Школьного подотдела МОНО и т. Филаретовой.

Аудитории представлялись в свободные дни и часы на основании выданных разрешений; что касается до цен на билеты и вопроса о том, в чью пользу шёл сбор с этих лекций, то таковых сведений в Институте не имеется.

Секретарь Института

Подпись

Лекции, состоявшиеся от различных учреждений и организаций:

1) 3 февр. Ассоциация Вольнодумцев; "Вечер поэзии". Лекторы Сологуб, Пастернак. Разр. Админ. Отд.

2) 4 февр. Наркомздрав; "Омолаживание организма". Семашко и Кольцов. Разр. Админ. Отд.

3) 5 февр. Союз Поэтов; "Литературный вечер". А. Белый. Разр. Админ. Отд.

4) 6 февр. Об-о Люб. Астрон.; "Жизнь на Марсе". Михайлов. Разр. Админ. Отд.

5) 6 февр. Филаретова; Лекция по географии. Корсини. Разр. Админ. Отд.

6) 7 февр. Вольн. Акад. Дух. Культ.; Маяковский и др. Разр. Админ. Отд.

7) 8 февр. Союз Писателей; Лекция по литературе. А. Белый. Разр. Админ. Отд.

8) 10 февр. Ассоциация Вольнодумцев; Есенин и др. Разр. Админ. Отд.

9) 11 февр. Полит. Красный Крест; "Вечер литературы". Иванев, Маяковский. Разр. Админ. Отд.

- 10) 12 февр. Союз Поэтов; "Вечер поэзии". А. Белый, Маяковский. Разр. Админ. Отд.
- 11) 13 февр. Об-о Люб. Астрон.; "Затмение". А. Михайлов. Разр. Админ. Отд.
- 12) 13 февр. Филаретова; Лекция по географии. Корсини. Разр. МОНО.
- 13) 14 февр. Вольн. Акад. Дух. Культ.; "Литер, вечер". Есенин и др. Разр. Админ. Отд.
- 14) 15 февр. Союз Писателей; А. Белый и др. Разр. Админ. Отд.
- 15) 16 февр. Полит. Красный Крест. "Вечер литературы". Иванев, Маяковский. Разр. Админ. Отд.
- 16) 17 февр. Ассоциация Вольнодумцев; "Вечер поэзии". Есенин, Сологуб, Пастернак и др. Разр. Админ. Отд.
- 17) 18 февр. Дворец Искусств; "О театре". Лектор неизвестен. Разр. Админ. Отд.
- 18) 19 февр. Союз Поэтов; "Вечер поэзии". А. Белый и др. Разр. Админ. Отд.
- 19) 20 февр. Об-о Люб. Астрон.; "Жизнь на Марсе". А. Михайлов. Разр. Админ. Отд.
- 20) 26 февр. Наркомздрав; "Охрана детей". Колонтай. Разр. Админ. Отд.
- 21) 27 февр. Об-о Люб. Астрон.; "Затмение". А. Михайлов. Разр. Админ. Отд.
- 22) 27 февр. Филаретова; Лекция по географии. Корсини. Разр. Админ. Отд.
- 23) 28 февр. Наркомздрав; "Омолаживание организма". Кольцов. Разр. Админ. Отд.
- 24) 2 марта. Военно-Спорт. Клуб; "Физическое развитие". Игнатьев. Разр. Админ. Отд.
- 25) 3 марта. Об-о Люб. Астрон.; "О планетах". А. Михайлов. Разр. Админ. Отд.
- 26) 5 и 6 марта. Школьн. Отд. МОНО; Лекция по географии. Корсини. Разр. Админ. Отд.
- 27) 6 марта. Об-о Люб. Астрон.; Лекция по астрономии. А. Михайлов. Разр. Админ. Отд.
- 28) 8 марта. Ассоциация Вольнодумцев; "Вечер поэзии". Пастернак, Есенин и др. Разр. Админ. Отд.
- 29) 12 марта. Филаретова; Лекция по географии. Корсини. Разр. МОНО.

30) 13 марта. Презид. Моссовета; Лекция по физике. Лавров.
31) 13 марта. Школьн. Подотдел МОНО; Лекция по географии. Корсии.

32) 13 марта. Ассоциация Вольнодумцев; "О театре". В. Шершеневич. Разр. Админ. Отд.

33) 15 марта. Школьн. Подотдел МОНО; Лекция по географии. Корсии. Разр. Админ. Отд.

34) 16 марта. Ассоциация Вольнодумцев; Доклад Ф. Жица "Этапы русской поэзии". Разр. Админ. Отд.

35) 17 марта. Школьн. Подотдел МОНО; Лекция по географии. Корсии. Разр. Админ. Отд.

36) 18 марта. Филаретова; Лекция по географии "Иерусалим". Корсии. Разр. Админ. Отд.

Кроме того, состоялись лекции, устроенные Советом Центрального Института Политехнических Знаний: 20 и 27 февраля лекции проф. Шилова по химии "Менделеев – фаянс", разрешённые Административным Отделом.

Секретарь Института

Подпись.»

К документу также был приложен список «Предстоящие лекции от имени различных учреждений», охватывающий период с 20 по 31 марта. Из литературных мероприятий намечалось проведение 30 марта лекции В. Брюсова (устроитель – Л. Филаретова) и двух лекций 26 и 31 марта, организуемых Дворцом искусств (темы не указаны).

Приведенные сведения, рассмотренные в контексте с другими материалами, знакомящими с выступлениями поэтов и писателей в аудиториях Москвы⁶, позволяют утверждать следующее.

1. В списке состоявшихся в Политехническом музее лекций названы четыре выступления С. Есенина, ранее неизвестные есениноведам, 10, 14, 17 февраля и 8 марта 1921 года. Правда, необходимо оговориться: в «Известиях ВЦИК» было напечатано объявление о предстоящем вечере Ассоциации вольнодумцев 17 февраля («поэтический бой имажинистов Есенина, Мариенгофа

⁶ Русская литература XX века. Хроника литературной жизни. 1917–1922. – Москва и Петроград. Т. 1. Под ред. А.Ю. Галушкина. Готовится к изданию.

и Шершеневича против всех литературных школ, течений и направлений). Однако в рассматриваемом документе он представлен как вечер Есенина, Сологуба, Пастернака и других поэтов.

2. Важно отметить частоту выступлений Есенина в Политехническом музее в период «февраль – две первые декады марта». По количеству выступлений он делит второе место с В. Маяковским. Только на одно выступление больше у А. Белого.

3. При известной негативной позиции Б. Пастернака по отношению к имажинизму и имажинистам требуют объяснения совместные выступления поэта с Есениным 17 февраля и 8 марта, а также устройство Ассоциацией вольнодумцев вечера Б. Пастернака и Ф. Сологуба. Не был ли кратковременный альянс Пастернака с имажинистами попыткой их расколоть? Интересна запись в дневнике поэта Т.Г. Мачтета его разговора с Пастернаком 11 июня 1921 года⁷: «Вообще имажинизм разве поэзия, – воодушевился мой собеседник. – Вот дайте только срок и года через два мы ему такую панихиду устроим, всем этим Шершеневичам и Мариенгофам, разве Кусиков останется, да ещё Есенин».

4. Знаменательным, по нашему мнению, является участие С. Есенина в литературном вечере, устроенном 14 февраля Вольной академией духовной культуры. То, что духовный мир С.А. Есенина во многих своих аспектах соприкасается с философией основателя Вольной академии духовной культуры Н.А. Бердяева, отмечали ещё современники поэта. В наше время «многочисленные точки пересечения духовных исканий Есенина и Бердяева» были предметом анализа в обстоятельной работе О.Е. Вороновой⁸. Участие Есенина в вечере, организованном Вольной академией духовной культуры, позволяет сделать предположение и о личном знакомстве поэта с выдающимся философом.

5. Далеко не на все заявленные Ассоциацией вольнодумцев выступления удалось получить помещение в Политехническом музее. В период «февраль – первые две декады марта» состо-

⁷ Дневник Т. Мачтета. РО РГБ. Ф. 162. Карт. 7. Ед. хр. 4. Л. 42.

⁸ О.Е. Воронова...Между религией и «русской идеей»: С.А. Есенин и Н.А. Бердяев / Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум: Есенинский сборник. Вып. III. – М.: Наследие, 1997. – С. 83–92.

ялось только 6 литературных вечеров, организованных Ассоциацией, вместо более двадцати заявленных.

Не исключено, что Ассоциация вольнодумцев в дальнейшем планировала наверстать упущенное и организовать ещё много других литературных вечеров и диспутов. Письмом, направленным 16 февраля в Центральный институт политехнических знаний⁹, Ассоциацию поддержал Нарком А. Луначарский: «Прошу удовлетворить просьбу "Ассоциации Вольнодумцев" и предоставить помещение аудитории Политехнического музея № 1 на все просимые в заявлении ассоциации дни при отсутствии к тому каких-либо особо важных препятствий». Однако письмо «не сработало», и ничего подобного не произошло.

За три дня до обращения Луначарского «Правда» опубликовала статью председателя Главного политко-просветительного комитета республики Н.К. Крупской «Главполитпросвет и искусство», в которой она резко отозвалась о работе руководимого им наркомата: «Наркомпрос не сумел сделать из искусства могучего орудия воспитания коммунистических чувств...». Сам нарком в статье обвинялся в поддержке искусства молодых «левых» художников. В ходе начавшейся реорганизации Наркомпроса значительная часть вопросов искусства теперь переходила в Главполитпросвет, перед которым была поставлена задача «пристально следить, чтобы искусство было коммунистично, чтобы оно помогало выражению, укреплению, углублению коммунистических чувств». Репрессивные меры со стороны Главполитпросвета не заставили себя долго ждать. Имажинисты же были для этого подходящим объектом.

30 марта 1921 года на заседании Главного политко-просветительного комитета республики¹⁰ был заслушан вопрос «О сборнике порнографических стихотворений "Золотой кипяток" Есенина, Мариенгофа и Шершеневича». Принятое постановление гласило: «Просить Госиздат произвести срочное расследование, с привлечением к строжайшей ответственности всех винов-

⁹ ЦИАМ. Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 290. Л. 200.

¹⁰ Протокол № 28 заседания Коллегии Наркомпроса. ГАРФ. Ф. 2313. Оп. 1. Ед. хр. 4.

ных в даче разрешения, печатания и распространения этого сборника». Реакцией на это постановление и является неоднократно цитированное ранее письмо А. Луначарского в газету «Известия ВЦИК» (14 апреля 1921 г.), в котором он публично отказался от звания почетного председателя Всероссийского союза поэтов, поскольку Союз не протестовал против выпуска книг имажинистов, включая сборник «Золотой кипяток». По мнению автора письма, «как эти книги, так и все другие, выпущенные за последнее время так называемыми имажинистами, при несомненной талантливости авторов представляют собой злостное надругательство и над собственным дарованием, и над человечеством, и над Россией».

Положение имажинистов усугублялось ещё и тем, что из Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции в Наркомпрос поступил подготовленный в мае 1921 года доклад о результатах обследования издательской деятельности Союза поэтов и имажинистов¹¹. В нём отмечались различные нарушения, в том числе и допущенные Есениным, Мариенгофом и Шершеневичем при издании их авторских книг и коллективных сборников. Были названы «Исповедь хулигана» Есенина, «Развратничаю с вдохновением» Мариенгофа, «Похождения Арлекина»¹² Шершеневича и их коллективные сборники «Плавильня слов» и «Золотой кипяток».

Из этого доклада также следует, что Госиздат (ещё до начала проверки его деятельности), обнаружив отсутствие разрешения на печатание книг «Исповедь хулигана» С. Есенина и «Развратничаю с вдохновением» А. Мариенгофа, довёл до сведения ВЧК это по тем временам суроно наказуемое нарушение. Пришлось давать объяснения. Спасло от преследования Есенина и Мариенгофа то обстоятельство, что и «Исповедь хулигана» и «Развратничаю с вдохновением» входили в ранее разрешённый сборник «Золотой кипяток». Скорее всего разбирательство происходило в середине апреля, и по-видимому вызов поэтов в ВЧК как раз и обсуждался на заседании правления Всероссийского союза

¹¹ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 607. Л. 1–5.

¹² «Похождения Электрического Арлекина» В. Шершеневича были опубликованы С. В. Шумихиным в журнале «Новое литературное обозрение» (1998. № 31. С. 5–44).

писателей 15 апреля 1921 года, когда об «аресте С. Есенина и А. Мариенгофа» делал сообщение Г.Г. Шпет (на протокол этого заседания указал А.Ю. Галушкин).

В дополнение ко всему был освобождён от должности начальника Центропечати Борис Фёдорович Малкин, охотно поддерживавший издательские проекты С. Есенина и его друзей. Место Малкина занял более жёсткий функционер Л.А. Либерман¹³.

В складывающейся обстановке, лишившись поддержки А. Луначарского и других влиятельных лиц государства, творческое объединение имажинистов вряд ли могло рассчитывать на представление престижных аудиторий Политехнического музея для устройства своих вечеров и диспутов. Так и случилось. В нашем распоряжении есть отчётный материал Центрального института политехнических знаний за весь 1921 год, всё расставляющий по своим местам¹⁴. Мы приводим его с изъятиями сведений об устроителях вечеров, не носивших литературного характера.

*Сведения о лекциях, устраиваемых в аудитории
Центрального Института Политехнических знаний в 1921 году*

Учрежд. и лица	Количество лекций											
	янв.	февр.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	сен.	окт.	нояб.	дек.
Цент. Инст. литех. Знаний <...>	3	—	3	17	2	—	—	—	5	24	24	21
Ассоциац. Вольнодумцев	—	3	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дом литераторов	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Союз писателей <...>	6	1	—	—	1	—	—	—	5	1	—	3
Воль. Акад. Дух. Культ. <...>	5	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Дворец Искусств	1	3	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Союз Поэтов	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Литерат. Особы	—	—	—	6	—	2	8	11	2	—	—	—
Петрог. Дом Искусств	—	—	—	—	6	3	—	—	—	—	—	—

В этом документе Ассоциация вольнодумцев фигурирует как устроитель литературных вечеров только в сведениях за фев-

¹³ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 3384. Л. 45об., 68.

¹⁴ ЦАЛИМ. Ф. 59. Оп. 1. Ед. хр. 5. Т. 1. Л. 165.

раль (3 вечера) и март (4 вечера¹⁵). После марта 1921 года, как и следовало ожидать, залы Политехнического музея Ассоциации не предоставлялись. Та же участь была уготована и Вольной академии духовной культуры. Дворец искусств был закрыт. Аудитории Политехнического стали предоставляться более лояльным к Советской власти объединениям: Литературному особняку, Союзу писателей. Сам Центральный институт политехнических знаний стал чаще выступать как устроитель вечеров. С января 1922 года организаторы литературных вечеров должны были получать разрешение на их проведение еще и в Лекционной секции Московского Губполитпросвета. В результате деятельность Ассоциации вольнодумцев по организации литературных вечеров и диспутов вне кафе «Стойло Пегаса» не удалось развернуть в желаемых для Есенина масштабах.

1922 и последующие годы поставили на повестку дня вопрос о самом существовании Ассоциации вольнодумцев. В августе 1922 года было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними». Всем общественным организациям предписывалось пройти обязательную регистрацию с представлением необходимых сведений в административные органы НКВД. О том, как складывалась судьба Ассоциации вольнодумцев в этот тяжелый для творческих объединений период, можно узнать из статьи А.Ю. Галушкина и К.М. Поливанова «Имажинисты: лицом к лицу с НКВД»¹⁶. В ней говорится о том, что в апреле 1923 года Ассоциации вольнодумцев было отказано в перерегистрации. Несмотря на это, в конце года имажинисты предпринимают попытку зарегистрировать объединение в виде кооперативного товарищества, преследующего издательские цели и клубную деятельность.

¹⁵ Четвёртым мероприятием Ассоциации вольнодумцев в марте месяце могло быть «утро» А. Мариенгофа, объявленное в «Известиях ВЦИК» 20 февраля и тогда не состоявшееся.

¹⁶ Галушкин А.Ю., Поливанов К.М. Имажинисты: лицом к лицу с НКВД // Литературное обозрение. 1996. № 5–6. С. 55–64.

Попытка удалась. В таком качестве, утверждают авторы статьи. Ассоциация функционировала до 1925 года.

Со своей стороны, добавим, что ещё в 1924 году Главлит выступил против издательской деятельности Ассоциации вольнодумцев, и издание журнала имажинистов «Гостиница для путешествующих в прекрасном» было прекращено на четвёртом номере. 17 ноября 1924 года на заседании Коллегии Наркомпроса под председательством А. Луначарского слушался вопрос «Протест Ассоциации вольнодумцев против закрытия Главлитом журнала ассоциации». Своим постановлением Коллегия оставила решение Главлита в силе¹⁷. От такого удара Ассоциация вольнодумцев уже не могла оправиться.

Таким образом, предпринятая Ассоциацией вольнодумцев попытка создания в конце 1920 – начале 1921 годов «культурного анклава», где торжествует свобода мысли и свобода творчества, была заблокирована усилиями ортодоксальных партийных чиновников, курировавших развитие культуры. Насаждавшиеся ими, а также ангажированными властью журналистами методы государственного руководства культурой приводили к утрате ею духовной независимости, являлись посягательством на личную и творческую свободу художника. Всё это не могло не стать одной из причин трагического надлома великого русского поэта, обозначившего в 1924 году в «Руси советской» тот последний бастион, который он собирался защищать до конца:

Приемлю всё,
Как есть всё принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Ед. хр. 2902. Л. 257.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К «СЛОВАРЮ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА С.А. ЕСЕНИНА»

Л.М. Шалагинова

(Институт мировой литературы
им. А.М. Горького, г. Москва)

В 1998 году я работала в Государственном архиве Российской Федерации для доклада в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН на Международной научно-практической конференции, посвященной 103-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина и обнаружила, что в 60-е годы в Праге сотрудники научно-исследовательского объединения Русского свободного университета составляли словарь языка по произведениям С.А. Есенина.

Большую помощь им оказывал Петр Александрович Остроухов, эмигрировавший в 1920 году в Чехословакию, и там, в Праге, он с 1929 по 1944 год работал в этом университете.

П.А. Остроухов родился 27 июня 1885 года в Рязани, где провёл детство до эмиграции в Чехословакию. Но в 1903 году он окончил с золотой медалью в г. Красноярске классическую гимназию, а в 1909 году – экономическое отделение Петербургского политехнического института. За дипломную работу «Англо-русский торговый договор 1734 г.», напечатанную в трудах института, он был удостоен звания кандидата экономических наук и оставлен в этом институте для подготовки к профессорскому званию.

В 1920 году П.А. Остроухов эмигрировал за границу и продолжал научные изыскания в Праге. По постановлению русского юридического факультета в Праге от 25 июня 1925 года П.А. Остроухову было предоставлено право преподавания на юридическом факультете в звании приват-доцента политической экономии и статистики.

20 декабря 1931 год он защитил диссертацию на тему «Очерки Нижегородской ярмарки в XIX столетии в эпоху великих реформ», получив степень магистра политической экономии и статистики. Но он не забывал и свою Рязань, приезжая туда не толь-

ко к родным и близким, но, и как истинный поклонник Сергея Есенина, выполняя задания пражских знакомых по «Словарю поэтического языка С. Есенина». Он встречался с людьми, любившими поэта. Зная об этом, его чешские знакомые обращались к нему, чтобы он как-то помог им в составлении словаря. Это удалось установить лишь по двум документам Фонда П.А. Остроухова¹.

Первый – это расписка некоего Топонта, жителя Праги. В ней Топонт писал: «Сим подтверждаю, что получил от Д/окто/ра Петра Александровича Остроухова собранные им, во исполнение задания при его поездке в СССР летом 1963 г., материалы по словарю к произведениям С.Есенина: а) двести двадцать (220) карточек с объясненными словами, б) девяносто (90) карточек со словами, объясненными предположительно, и в) одиннадцати (11) карточек со словами, смысл коих выяснить пока не удалось и пояснения к коим, если таковые будут из СССР получены, будут П.А. Остроуховым представлены дополнительно (10) (I) 1964 г. Топонт»².

Второй документ – это письмо, полученное Остроуховым из России, к сожалению, также неизвестной женщины: «Глубокоуважаемый Петр Александрович. Простите, что так задержала ответ. Я справлялась и в нашей Областной библиотеке, и в краеведческом Музее, даже в Москву писала. Меня обещали познакомить с одной Специалисткой по Есенину, но, к сожалению, это знакомство до сих пор еще не состоялось. Поэтому посылаю Вам то, что удалось выяснить. Если узнаю истолкование остальных слов и выражений в стихах Есенина – пришлю дополнительно.

1. «*Из пасти вспурга*» – такого слова в словарях нет даже у Даля. Профессор кафедры языкоznания в нашем пединституте объясняет его как производное от «пурга» (по типу *взлет, взвихрение*), слово, придуманное Есениным.

2. *Желна* – черный или большой дятел (*Dryocopus Martius*).

¹ Личный фонд П.А. Остроухова 1 августа 1974 г. передала его жена Надежда Викторовна Остроухова в Праге при Консульском отделе посольства СССР в Чехословакии доктору исторических наук, заведующему сектором института исторических наук Владимиру Терентьевичу Пашуто. 31 мая 1976 г. В.Т. Пашуто передал его в ЦГАОР СССР.

² ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 197. Л. 1.

3. *Згиты черные* – в словаре Даля есть *Зга-искра*.

4. *Куга – Куга полевая* – растение на торфяных почвах (*Yuncus conglomerates*).

5. *Кукан реки* – кукан – бечевка, на которую надевается пойманная рыба (Словарь Даля). Здесь, видимо, извины реки.

6. *Кулижска* – ровное место чистое и безлесное (Словарь Даля).

7. *Купырь* – дягиль – зонтичное растение (*Anthriscus Hoffm*).

8. *Лещуга* (плакучая) – лещина, орешник (*Corylus Avelana*).

9. *За лещужною сурьмою* – сурьма – темная краска. Видимо, здесь поэтическое изображение темных зарослей орешника.

10. *Житейская мреть* – мрак, морок (от морочить) отсюда же *мря-туман* (Словарь Даля).

11. *На умяк* – глагол умякнуть, смякнуть, разжалобиться (Словарь Даля).

12. *Попонча* – покрывало, фата (Словарь Даля).

13. *Прутняк* – мелкий ивняк, тальник.

14. *Поставник* блинный – по словарю Даля значений много. Самые близкие: *поставник* (псковс., тверск.) – шкаф, куда ставят пищевые продукты, и *поставня* (рязан.) – большая деревянная чашка.

15. *Прясло* – звено ограждения села (Словарь Даля).

16. *Пыжна* – мелкий лес, кустарник (Словарь Даля).

17. *Свясла* – соломенные жгуты, которыми обвязывают снопы (Словарь Даля).

18. *Сени скатые* – сени, покрытые не горизонтальным чердачным перекрытием, а наклонной кровлей.

19. *Тесьма расшитая ветловая* – точного значения нет. По мнению наших краеведов, вышитая тесьма с рисунком вроде веток ветлы.

20. *Шишикоперая лебеда* – трава лебеда или марь (*Chenopodium*).

Объяснений остальных слов мне не удалось найти. По мнению профессора из пединститута, фраза: «Тихих вод парагуш квельй курит люльку на излуке», возможно, обозначает туман, поднимающийся над мелким (квельй – слабый, вялый) ручьем.

Еще раз прошу извинения за задержку, но мне очень хотелось выяснить значение всех (подчеркнуто ею – Л.Ш.) непонятных слов, что, к сожалению, до сих пор сделать не удалось.

Поздравляю с наступающим Новым годом и желаю всего самого лучшего. 15 декабря 1963 г.» Подпись неразборчива.³ Оно пришло в Прагу 20 января 1964 года.

По-видимому, не случайно слово «Специалисткой» (по Есенину) написано с большой буквы. Мне кажется, что под ней она подразумевала А.А. Есенину, так как в это время переписка с заграницей всегда подвергалась цензуре и брались на заметку люди, которые ее поддерживали. А.А. Есенина изучала повесть С. Есенина «Яр», в которой было немало слов и выражений, употребляемых в родных местах Есенина в ином, а не в общепринятом значении.

Это подтверждается и тем, что А.А. Есенина в 1961 году работала над составлением словаря слов Есенина по его повести «Яр». Словарь был опубликован в 1962 г. и состоял из следующих слов:⁴

Аптечник – ромашка аптечная.

Дерюга – самый толстый, грубый холст из охлопьев.

Девятиречник (девятиречная, девятиречниковая) просфора – третья из пяти просфор, из которой, в подражание девятиапостольским чинам, вынимается девять частиц в честь святых.

«Жулик» – ср.: *жулькать* – издавать мокрый звук, гавкать, чмокать.

Завалинка – земляная насыпь вокруг избенных стен.

Завьялый – занесенный снегом или чем-нибудь иным.

Зазуленька (*зазуля*) – кукушка.

Зарукавник – короткая широкая кофточка с рукавами, которую надевали во время жатвы.

Затирка – ср. задирать косу – заровнять тряпьем (напилком).

Затонакать – бренчать; напевать про себя.

Зацветающие губы – покрывающиеся слизью.

Измусолить – извалять в грязи испачкать (слюною).

Клубоватый – похожий на клубок, шаровидный.

Коняшка – жеребенок (обычно не моложе одного года, не кобылка), а также молодой конь, которого еще не запрягают.

Корюзлый – сухой, вялый, дряблый, заскорузлый.

Ливянка – однозвучная гармоника, созданная в г. Ливны, пер-

³ ГАРФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 197. Л. 2, 3.

⁴ Есенин С.А. Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Гослитиздат, 1962. Т. 4. – С. 304–310.

воначально имела 8 мелодичных и 6 басовых клавиш, потом их количество увеличилось соответственно до 12 и 9.

Михрютика – домосед, нелюдим; неловкий, неуклюжий человек.

Оглоед – нахал, наглец, живущий за чужой счет, дармоед, мибоед.

Пегасый – пегий, с пятнами.

Подожок – палочка для ходьбы; трость подручная.

Полукрупка – мелкая махорка

Потращать – страшать, пугать.

Прошальга – пройдоха, проныра, выжега, продувной плут.

Промежски – простор, расстояние, промежутки между предметами.

Родимец – падучая младенцев, восполение мозга с корчами; паспрел, паралич.

Свитка – верхняя широкая долгая одежда с клиньями по талии.

Сиволапый – неуклюжий, грубый мужчина.

Хруптеть – ср.: *купаться и хрупнуть, хрипеть* – издавать хруст, хрустеть, хрястнуть, треснуть.

Указанные слова А.А. Есениной отличны от слов, присланных П.А. Остроухову.

К сожалению, П.А. Остроухов умер 15 февраля 1965 года и нам неизвестно, занимались ли пражские исследователи подготовкой «Словаря поэтического языка А.С. Есенина», так как их связь с СССР оборвалась.

А.А. Есенина продолжала свою работу и в 1979 г. были опубликованы ее новые 115 слов⁵. Я просмотрела их с письмом, которое написала Остроухову незнакомая женщина; только 4 слова были однозначно, но по-разному написаны.

В письме написано:

«*Куга-Куга* – полевое растение на торфяных болотах.

Кулижска – ровное место и безлесное (Словарь Даля).

Купырь – дягиль – зонтичное растение.

Лещуга (плакучая) – лещина, орешник.»

А.А. Есенина их написала так:

«*Куга* – болотное растение.

Кулижка – часть улицы перед домом, часть какой-либо площади.

⁵ Есенин С.А. Собрание сочинений: В 6т. – М.: Художественная литература, 1979. Т. 5. С. 305–309.

Купырь – луговая трава с резким пряным запахом.

Лещуга – грубая луговая трава, растущая в низинах».

Язык С.А. Есенина был действительно необычен и значение употребляемых им слов, выражений не всегда было можно объяснить даже по «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. Об этом же написала даже в письмах Остроухову неизвестная женщина «Из пасти впурга». Такого слова в словарях нет даже у Даля, это слово, придуманное Есениным. Сергей Есенин высоко ценил этот словарь, но высоко оценивал и себя.

«Вспоминая одну из встреч с Есениным, Н.Д. Вольпин спросила его, нет ли у него в лавке словаря Даля. И что же на это ответил Есенин:

– Почему спрашиваете?

– Да, поспорила, надо проверить... Вы разве никогда себя ни в чем не проверяете?

– Проверять? Зачем? – гордо добавил, – язык – это я.»⁶

Показанные мною листы, присланные П.А. Остроухову, говорят о том, что нашим есениноведам следует продолжить работу по определению значения слов языка С. Есенина: можно выяснить, что ещё удалось сделать, например, в Праге для того, чтобы составить, наконец, толковый «Словарь поэтического языка С.А. Есенина».

⁶ Вольпин Надежда. Свидание с другом. Юность. 1986. № 10. С. 94.

ГЕНЕАЛОГИЯ РОДА ЕСЕНИНЫХ

По материалам Рязанского областного архива

О.Л. Аникина

(Государственный музей-заповедник
С.А. Есенина, с. Константиново)

Современное есениноведение изобилует огромным количеством воспоминаний, основываясь на которых исследователи пытаются установить родственные взаимосвязи рода Есениных. Однако, как правило, эти воспоминания грешат неточностями, смещением дат и событий.

Безусловно, подобного рода исследования требуют изучения предмета на научной основе, с привлечением архивных материалов. Попытки такого научного анализа предпринимались еще в 70-е годы: исследователь Д.А. Соколов составил список ближайших родственников поэта, занимался этой проблемой и бывший сотрудник музея С.М. Прохоров, но все эти исследования носили эпизодический характер.

Нами была поставлена задача выстроить четкую линию родственных взаимосвязей семьи Есениных, используя архивные документы. Долгое время хранившиеся в Рязанском областном архиве, они были вне поля зрения специалистов. Систематическое изучение метрических книг села Константинова началось с 1985 года, в настоящее время их просмотрено более 80.

В данной статье мы представим лишь те материалы, которые выявляют родственные связи трех поколений рода Есениных. Архивные материалы помогут нам опровергнуть некоторые устоявшиеся представления о биографии поэта.

Одно из первых упоминаний о Есениных, сохранившихся в архиве, относится к началу XIX века. По метрическим книгам, 28 июля 1840 года в семье Иосифа (Осипа) Климентова (прадед С.А. Есенина) и его супруги Варвары Стефановой, крепостных крестьян княгини А.М. Долгоруковой, родился сын, которому при крещении дали довольно редкое имя Сила¹, мальчик прожил на свете только 1,5 года и скончался от кори².

¹ Государственный архив Рязанской области (ГАРО) Ф. 627. Оп. 249. Д. 141. 1840. Св. 90. Л. 710 об.–711.

² ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 155. 1841. Св. 103. Л. 670об.–671.

15 сентября 1843 года у супругов появляется сын Никита (будущий дед С.А. Есенина), восприемниками (т.е. крёстными родителями) которого становятся Лазарь Устинов и Федосья Антонова, таинство совершил священник Пётр Андреев³. В 1846 году 23 января новое прибавление в семье – родился ещё один сын Григорий⁴. В последующем он будет на военной службе, заслужит чин унтер-офицера, в течение почти 7 лет будет руководить всеми сельскими сходами как староста.

Единственной дочерью у Осипа и Варвары была Вера, которая родилась 9 сентября 1848 года⁵. В 17 лет она выйдет замуж за Павла Антоновича Горохова и будет всегда поддерживать тесные отношения с братьями.

Последний сын Яков родился в 1854 году⁶. Он проживёт дольше всех братьев и уйдёт из жизни в 1914 году. Яков Осипович, как и его брат, будет сельским старостой.

Осип Климентов проживёт только 49 лет, скончается в 1865 году «от водяной болезни», как записано в метрической книге⁷, супруга переживёт его на много лет и уйдёт из жизни в 1893 году⁸, успев посмотреть на внуков и правнуоков.

Фактическим главой семьи Никита Осипов стал в 22 года, болезнь отца заставила его стать взрослым ответственным человеком. Он, как и его отец, был крепостным крестьянином В.А. Олсуфьева, с несколькими сверстниками учился у местного священника Павла Миртова, был своеобразным «крестьянским адвокатом»⁹.

Грамотным, умным, твёрдым в поступках был Никита Осипов. Можно только строить догадки и предположения, почему он не создал семьи в 18 лет, как это было принято. На это у него были, наверное, серьёзные причины, и родители не настаивали, предоставив ему самостоятельно решить вопрос о выборе спутницы жизни.

³ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 164. 1843. Св. 110. Л. 34об.–35.

⁴ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 178. 1846–1861. Св. 119. Л. 1об.–2.

⁵ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 178. 1846–1861. Св. 119. Л. 73об.–71.

⁶ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 232. 1854. Св. 154.

⁷ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 292. 1865. Св. 201.

⁸ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 239. 1892–1897.

⁹ ГАРО Ф. 39. Оп. 1. Д. 242. 1879. Л. 124.

Не случайно гласит русская пословица: «От судьбы не уйдёшь». Уже зрелым, сложившимся человеком встречает он молодую девушку Аграфену (крестильное имя Агриппина) Артюшину, которая осталась сиротой в 13 лет и воспитывалась в доме своего старшего брата Митрофана Панкратовича. Он и его старший сын Николай занимались торговлей в селе, отпускали товары в долг. Никита Осипович иногда помогал им решать спорные вопросы, представляя их интересы в волостном суде.

Аграфена Панкратовна родилась в 1854 году¹⁰, её родителями были Панкрат Васильев и Акулина Иванова Артюшины. Настоящим радостным событием для всего села Константинова была свадьба, которая состоялась 26 октября 1870 года. Женихом был «...временно обязаный крестьянин Никита Осипов Есенин, православного вероисповедания, первым браком, 27 лет». Невестой – «...временно обязанная крестьянка Агриппина Панкратова, православного вероисповедания, первым браком, 16 лет». А вот поручителями перед Всевышним и людьми были: со стороны жениха Архип Трифонов (церковный староста, зажиточный, очень уважаемый человек в селе), Павел Антонов (супруг Веры Осиповны). Со стороны невесты: Митрофан Панкратов (брать невесты) и Яков Тимофеев (свояк Митрофана Панкратовича). Таинство совершали: священник Павел Миртов, диакон Иван Тихомиров, дьячок Николай Орлин, пономарь Трофим Успенский¹¹.

Какое-то время молодая семья жила в доме Есениных, а в 1874 году они начали строить свой дом¹². Уже через год после свадьбы, в 1871 году, у них появилась дочь Параскева¹³, став взрослой, она выйдет замуж за Фёдора Андреевича Ерошина. В 1873 году родился сын Александр (будущий отец С. Есенина). К сожалению, он не был крещён в храме села Константинова, а метрические книги соседнего села Кузьминское за этот год отсутствуют. В соседних ближайших сёлах Федякино, Щекино, Сельцы мальчика не крестили. Так что вопрос о месте и времени крещения Александра Есенина предстоит ещё выяснить.

¹⁰ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 232. 1854. Св. 154.

¹¹ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 323. 1870. Св. 132. Л. 526об.–527.

¹² ГАРО Ф. 465. Оп. 1. Д. 3. Л. 116.

¹³ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 328. 1871; 1875–1881. Св. 232. Л. 21об.–22.

В 1875 году новое прибавление в семье – дочь Анна¹⁴. Она проживёт 14 лет, скончается в 1889 году «от антонова огня»¹⁵. В 1877 году рождается ещё один сын Иван¹⁶. Он будет женат два раза и оставит после себя многочисленное потомство. В 1880 году появляется дочь Пелагея, которая проживёт только 2 года¹⁶. В 1882 году рождается Александра, которая скончается в 1886 году¹⁷.

Последний ребёнок в семье, Пелагея, появится на свет в 1885 году. Этот год будет не только радостным, но и очень трагичным. 27 февраля скончается глава семьи Никита Осипович от воспаления лёгких и 1 марта будет погребён на сельском кладбище¹⁹.

Вдова осталась с 6 детьми на руках. Можно только восхищаться мужеством и стойкостью этой женщины, сумевшей преодолеть многочисленные трудности, пережившей кончину мужа и смерть 3 дочерей, разлад сына Александра с его молодой женой. У неё были сложные взаимоотношения с невесткой, но женская мудрость позволила стать выше личной обиды, помогла сыну сохранить семью.

В 12 лет Александр Ясинин (так иногда писали его фамилию в бумагах) принимает ответственность за брата и сестёр. Осиротевшей семье помогают и Есенины, и Артюшины, они дают возможность мальчику окончить земскую школу и только тогда он уезжает в город на заработки. Можно предположить, как тяжело ему было привыкать к новым людям, иной жизни, оказаться вдалеке от родных и близких. Стойкость характера, жизнелюбие, добросовестность, скромность – вот отличительные черты характера Александра Никитовича.

В крестьянской среде всегда тщательно подбирали к подбору жениха и невесты. Этой традиции следовала и Аграфена Панкратьевна, лучшую девушку села хотела она выбрать в жёны своему сыну, но и чувства его она учитывала. Семьи Титовых и

¹⁴ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 328. 1871; 1875–1881. Св. 232. Л. 49об.–50.

¹⁵ Там же. Л. 154об.–155.

¹⁶ Там же. Л. 333об.–334.

¹⁷ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 236. 1882–1885. Л. 64об.–65.

¹⁸ Там же. Л. 161об.–162.

¹⁹ Там же. Л. 194об.–195.

Есениных были уже связаны родственными узами: после того как её племянница Анна Митрофановна Артюшина вышла замуж за Матвея Фёдоровича Титова, эти связи укрепились. Логично предположить, что Александр и Татьяна встречались на семейных праздниках в доме Матвея Андреевича, знали друг о друге не понаслышке.

Александр Есенин не был весельчаком, говоруном, гармонистом, но то, что он, живя в городе один, без родных, не пристрастился к выпивке, сумел преодолеть многие другие соблазны города и службы в мясной лавке, говорит о том, что он был очень похож на своего отца и, думается, испытывал серьёзные чувства к Тане Титовой.

Многолюдной, весёлой была свадьба, которая состоялась в селе Константинове 8 июля 1891 года. Жених: «...села Константинова, крестьянина Никиты Осипова Есенина, ныне умершего, сын Александр. Православного вероисповедания. Первым браком, 18 лет». Невеста: «Того же села, крестьянина Фёдора Андреевича Титова дочь Татьяна Фёдорова. Православного вероисповедания. Первым браком, 16 лет». Свидетелями перед Богом и людьми на венчании стали: «фейверкер Григорий Осипов Есенин и крестьянин Митрофан Панкратов Артюшин (оба дяди жениха), Пётр Стефанов Мочалин (брать жены Митрофана Артюшина) и Яков Осипов Есенин (дядя жениха)». Таинство совершили священник Иоанн Смирнов, диакон Трофим Успенский, псаломщик Николай Орлин²⁰.

Новая жизнь в семье Есениных началась у Татьяны Фёдоровны. Не успев привыкнуть к мужу, она остаётся одна со свекровью, деверем Иваном и своячницей Пелагеей. Очень не просто складывается её семейная жизнь, она осложняется и тем, что первые два года у супругов не было детей, а в этом случае всегда винили женщину.

Первый ребёнок у Есениных появился на свет 15 января 1894 года, назвали его Петром. Он проживёт на свете только 10 месяцев и скончается 19 ноября того же года²¹. Можно понять горе матери, отца, бабушек и дедушек. Рождение сына Сергея 21 сен-

²⁰ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 238. 1891. Л. 25об–26.

²¹ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 239. 1892–1897. Л. 101об–102; 156об–157.

тября 1895 года было радостным событием не только для родителей, но и многочисленной родни.

Крёстными родителями его стали: «Воспитанник Рязанской Духовной Семинарии 4 класса Дмитрий Орлов и села Константинова крестьянка Евдокия Ивановна Титова, жена Ивана Фёдорова». Крещение совершили священник Иоанн Смирнов, диакон Трофим Успенский, псаломщик Николай Орлин²².

Новое прибавление в семье произойдёт 4 июля 1898 года, на свет появляется дочь Ольга²³. Теперь можно точно утверждать, что до 1898 года Татьяна Фёдоровна жила в семье Есениных, ведь крёстной матерью девочки становится Пелагея Никитина Есенина. Если бы взаимоотношения в семье доходили до разрыва супругов, то по сложившемуся в есениноведении представлению, Агриппина Панкратовна вряд ли разрешила своей младшей дочери сделать это. Девочка будет радовать родителей 2,5 года, скончается 26 декабря 1900 года «от коклюша»²³.

Она не увидит своей сестрёнки Анны, которая родится 9 июня 1901 года²⁴, крёстным отцом её будет псаломщик Николай Александров Орлин. Это свидетельствует о том, что девочка родилась от законного брака, иначе член церковного причета не стал бы брать на себя ответственность за духовное развитие ребёнка. Малышка уйдёт из жизни через 38 дней. Таким образом документы свидетельствуют, что в июле Татьяна Фёдоровна находится в родном селе, Сергею 6 лет, он живёт с матерью. Можно предположить, что уезжает она в Рязань в начале осени 1901 года. Сопоставив даты жизни Анны и рождение Екатерины, легко увидеть, что супруги не жили вместе 3,5 года. Александр Разгуляев родился в ноябре 1902 года. В метрической книге села Константинова нет записи о его крещении. Поэтому можно утверждать, что материалы, касающиеся рождения А. Разгуляева, представленные в книге А. Панфилова «Константиновский меридиан», являются ошибочными. Согласно постановлениям Святейшего Синода 1885, 1902 годов священнослужитель нёс строгую ответственность за

²² ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 239. 1892–1897. Л. 174об–175.

²³ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 240. 1898–1902. Л. 12об–13; 179об–180.

²⁴ Там же. Л. 192об–193.

записи о рождении, он не давал ребёнку отчества, в подобных случаях записывалась только мать ребёнка. Ещё предстоит найти запись о рождении Александра в метрических книгах Рязани. Татьяна Фёдоровна нарушила брачный обет, но Александр Никитович преодолел обиду и боль, он не захотел, чтобы при живом отце мальчик рос сиротой: знал по себе, каково им быть. Можно предположить, что родные со стороны Есениных и Титовых сделали всё необходимое, чтобы примирить супругов, сказал своё слово и отец Иоанн Смирнов.

22 ноября 1905 года в семье Есениных появляется дочь Екатерина, крёстным отцом которой становится «крестьянин Сергей Александров Есенин»²⁵.

Новое прибавление у супругов произойдёт 16 марта 1911 года, рождается ещё одна дочь Александра, её крёстным отцом стал «диакон Трофим Успенский»²⁶. Своего последнего ребёнка родила Татьяна Фёдоровна 16 марта 1914 года, нарекли его Алексеем. Крёстным отцом его стал: «села Константина крестьянин Александр Фёдоров Титов»²⁷. Мальчик проживёт на свете 2 года, скончается 26 апреля 1916 года «от слабости»²⁸.

Таким образом на сегодняшний день, мы можем представить на основе архивных документов генеалогию рода Есениных.

В семье Александра Никитовича и Татьяны Фёдоровны Есениных было 7 детей: 3 сына и 4 дочери.

Введение в научный оборот строго выверенных данных о жизни семьи Есениных позволяет современному есениноведению с большей точностью представить детские годы С.А. Есенина, лучше понять ту среду, в которой он рос и формировался, раскрыть традиции и устои русской деревни XIX – начала XX века.

В заключение следует отметить, что работа по изучению генеалогии рода Есениных ведётся по сей день, хотя и представляет собой значительную сложность, т.к. архивных документов, касающихся крестьянского рода, гораздо меньше, нежели дворянского и купеческого родов.

²⁵ ГАРО Ф. 627. Оп. 249. Д. 241. 1903–1907. Л. 145об–146.

²⁶ Архив Рязанского загса

²⁷ Архив Рязанского загса

²⁸ Архив Рязанского загса

Память о С.А. Есенине. Проблемы сохранения наследия поэта

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА С.А. ЕСЕНИНА

К.П. Воронцов

(Государственный музей-заповедник
С.А. Есенина, с. Константиново)

Государственный музей-заповедник С.А. Есенина начинает свою историю со времени открытия на родине поэта в селе Константиново 2 октября 1965 года Дома-музея С.А. Есенина, согласно Распоряжению Совета Министров РСФСР за № 2878 от 28 июля 1965 года.

11 сентября 1970 года Приказом Министерства культуры РСФСР за № 737 Мемориальный музей С.А. Есенина был реорганизован в литературно-мемориальный музей С.А. Есенина.

Постановлением Совета Министров РСФСР за № 380 от 7 марта 1984 года музею был определён статус Государственного музея-заповедника, который является юридическим лицом и осуществляет свою деятельность в соответствии с актами действующего законодательства Российской Федерации и Уставом музея.

По своему значению музей-заповедник С.А. Есенина является одним из крупнейших мемориальных музеиных комплексов России.

Главным богатством музея-заповедника является мемориальная усадьба родителей С.А. Есенина с находящейся в ней бесценной коллекцией подлинных есенинских вещей, хранящих память о великом русском поэте. В ряду музеев такого порядка музей С.А. Есенина – один из немногих, где коллекция почти полностью состоит из подлинных вещей и обстановки, ранее принадлежавших родителям поэта и ему лично. Эти вещи, окружавшие Есенина в родительском доме, были свидетелями творческой работы поэта.

Дом в Константинове был единственным его домом, так как у него, «известного русского поэта», не было в городе своей квартиры или комнаты, и дом в Константинове напрямую стал для него символом земной жизни.

Для многочисленных поклонников поэзии С.А. Есенина его родное село Константиново давно стало символом Отечества, а родной дом – колыбелью его проникновенной поэзии. Из дальних странствий всегда возвращался он к покоям родного дома, откуда «отроком светлым» вышел поэт в этот мир исповедаться людям в своей большой и неподдельной любви к России.

Экспозиция мемориальной усадьбы Есениных воссоздаёт обстановку в том виде, в каком она была во время последних приездов Сергея Есенина в родное Константиново в 1924–1925 годах.

Музей-заповедник С.А. Есенина сегодня – это исторически сложившийся комплекс мемориальных строений, включающий в себя, помимо усадьбы родителей С.А. Есенина, церковь Иконы Казанской Божией Матери, Константиновское начальное земское училище, усадьбу последней помещицы села Константиново Лидии Ивановны Кашиной с сохранившимся «домом с мезонином».

Важнейшей составной частью комплекса является уникальная и неповторимая природа, которая своей красотой и совершенством взволновала талант, заложенный в Есенине от Бога. Только здесь мог родиться такой поэт, как Есенин, «выплеснувший всю душу в слова», покоривший всех людей, для кого понятия Родины и России – святое.

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольёт мне в грудь мою теплынь...

По редкому стечению обстоятельств, крестьянская усадьба Есениных, расположенная в самом центре села, соседствует с барской усадьбой Л.И. Кашиной. В непосредственной близости существуют два диаметрально противоположных мира, где различно всё: уклад жизни, интересы, мировоззрение, уровень культурных связей, быт и круг общения, – и одновременно соединено именем Есенина, фактами его жизни и творчества. Поэтому совершенно логично в структуре экспозиций музея-заповедника в

доме Л.И. Кашиной, прообраза Анны Снегиной, создан уникальный музей есенинской поэмы «Анна Снегина». Такого сочетания нет ни в одном из музеев-заповедников России.

Уникальным моментом в музее-заповеднике является наличие восстановленной Константиновского земского училища, в котором Есенин начинал свою учёбу, и сохранившейся Спас-Клепиковской второклассной учительской школы, окончив которую в 1912 году, Есенин получил звание «учителя школы грамоты». Экспозиции в школах рассказывают о системе образования и воспитания в начале XX века, о роли русских педагогов, таких, как Е.М. Хитров и В.А. Гусев, о высоких гуманистических традициях российского учительства, о поисках духовного пути молодёжи, о становлении творческой личности С.А. Есенина на начальном этапе формирования его как поэта.

Завершающим экспозиционным звеном является литературный музей в Научно-культурном центре музея-заповедника. Литературная экспозиция на основе многочисленных фотографий, документов и личных вещей поэта рассказывает о жизни и творчестве С.А. Есенина, о времени, в котором жил и творил поэт.

Кинозрительный зал НКЦ позволяет проводить научные конференции, поэтические вечера и литературно-музыкальные композиции песенно-инструментального ансамбля музея-заповедника «Радуница», который собирает и популяризирует песни на стихи Есенина и песни родины поэта.

Необходимой стала деятельность Выставочно-торгового центра музея. Проведение выставок художников и из фондов музея, продажа книг, сувениров с есенинской символикой и произведений народных художественных промыслов России – всё это хорошо дополняет экспозиционную структуру музея-заповедника С.А. Есенина.

Музей-заповедник сотрудничает с проектными институтами «Росспецпроектреставрация» и «Леспроект» (г. Москва), с творческой художественно-архитектурной мастерской В.А. Гаврилова (г. Санкт-Петербург). Результатом совместной работы стало осуществление ряда проектов, направленных на развитие музеино-го комплекса в Константинове – это разработка и реализация Генеральной схемы развития музея-заповедника, генерального пла-

на музеефикации и обустройства садово-парковой зоны и восстановления природного ландшафта в музее-заповеднике, разработка туристической инфраструктуры в музейном комплексе.

В настоящее время заповеднику принадлежит 22,3 га земли, в нём работают 120 сотрудников, 6 экспозиций принимают посетителей. Посещаемость в 2000 году достигла 150 тысяч человек и имеет тенденцию к дальнейшему росту, фонды музея насчитывают 32 тысячи экспонатов.

Здания, сооружения и другое имущество музея-заповедника находится в оперативном управлении и является собственностью субъекта Российской Федерации – Рязанской областной администрации.

Земли, на которых расположен музей-заповедник, относятся к землям историко-культурного назначения и находятся в его бессрочном пользовании.

Вопросы пользования земельными, водными и лесными ресурсами, а также осуществление хозяйственной, финансовой, кадровой деятельности, отношения с юридическими и физическими лицами регулируются Уставом музея-заповедника и законодательством Российской Федерации.

К настоящему времени частично восстановлены архитектурные комплексы усадьбы Л.И. Кашиной в Константинове и Спас-Клепиковской второклассной учительской школы.

Проводятся реставрационные работы на родительской усадьбе Есениных, восстанавливается колокольня церкви Иконы Казанской Божией Матери.

Работа научного коллектива музея-заповедника направлена на воссоздание есенинских мест в Рязанской области (Рыбновский и Клепиковский районы, г. Рязань).

Главным фактором, который определяет новый подход к планам развития музея-заповедника С.А. Есенина, является получение статуса природного заповедника и включение его в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В результате чего произойдёт значительное расширение территории, увеличение количества памятников истории, культуры, природы, повысится значимость музея-заповедника для национальной русской культуры, подни-

мется уровень постановки всей научно-исследовательской, научно-просветительской и фондо-хранительской работы.

Экспозиции литературного музея и Спас-Клепиковской второклассной учительской школы морально и физически устарели. Необходимо создание новых экспозиций на основе вновь разработанных экспозиционных концепций.

Большая часть музейных фондов нуждается в тщательном обследовании специалистами, консервационных и реставрационных работах.

Уровень охраны и защиты объектов и ценностей не соответствует современным требованиям безопасности, как по причине слабой материально-технической базы, так и вследствие несовершенства системы организации безопасности. Техническое оснащение систем охраны музейных зданий находится на низком уровне и нуждается в коренном усовершенствовании.

Важнейшей проблемой остаётся обеспечение сохранности музейных фондов, для чего необходимо построить фондохранилище и обеспечить нормальные условия их хранения, разработать и внедрить систему безопасности, применять для размещения музейных предметов современное музейное и выставочное оборудование.

Вместе с тем для расширения экспозиционных возможностей музея-заповедника следует продолжить комплектование музеиного фонда из всех возможных источников. Необходимо продолжить автоматизацию системы учёта музейных фондов.

Основным препятствием развития туристической деятельности являются:

- отсутствие в регионе в целом соответствующей туристской инфраструктуры, отвечающей современным требованиям;
- недостаточная реклама и слабая информация о туристских возможностях музея-заповедника;
- основным недостатком является отсутствие гостинично-го комплекса, в результате чего музей-заповедник способен оказывать только экскурсионные услуги, а не предлагать полный комплекс туристского обслуживания.

Учитывая современные условия и сложившиеся проблемы, в основу сохранения, восстановления и развития музея-заповедника должен бытьложен принцип формирования системы му-

зейно-усадебных (родительская усадьба Есениных, усадьба Л.И. Кашиной), культурно-исторических (Константиновское земское училище и церковь Иконы Казанской Божией Матери, Спас-Клепиковская второклассная учительская школа, школа грамоты и храм Преображения Господня), природно-исторических (Раменковская роща, Константиновские заливные луга за р. Окой, заливные луга рек Совки и Пры с сосновой рощей).

Памятники природы станут своего рода опорным каркасом, основой для планирования и проведения работ в музее-заповеднике.

Принципиальным является понимание усадьбы как единого целостного исторического явления во взаимосвязях всех компонентов усадебной жизни (хозяйство, архитектура, быт, культура и др.) как социально-экономического и духовно-культурного центра есенинского времени.

Основной целью музея-заповедника является сохранение и использование культурного и природного наследия уникальной историко-культурной и природной территории, создание на этой основе функционирующего целостного музейного, природоохранного, социокультурного и экономически обоснованного комплекса.

В конце 2000 года было принято постановление администрации Рязанской области «О развитии Государственного музея-заповедника С.А. Есенина на 2001–2005 гг.» Эта программа предусматривает комплекс мер, которые должны обеспечить сохранение памятников и памятных мест, связанных с именем С.А. Есенина, реализацию Генеральной схемы развития и Генерального плана музеификации и комплексного архитектурно-художественного решения музея-заповедника, получение на основе имеющихся проектов статуса природного музея-заповедника, развития музейной туристической инфраструктуры Есенинского музеиного комплекса на родине поэта.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН
В ВОСПРИЯТИИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
С.А. ЕСЕНИНА
(по материалам социологического исследования)

Н.Н. Бердянова

(Государственный музей-заповедник
С.А. Есенина, с. Константиново)

Представление о предназначении музея, его функциях менялось в процессе исторического развития общества. Если изначально он представлялся как хранилище материальных культурных ценностей, то уже в XX веке, наряду с основополагающими, приоритетной стала социальная функция, которая, к сожалению, зависела не от потребностей и запросов общества, а определялась политикой директивных органов, рассматривавших музей как орудие идеологического просвещения¹. В противовес такому процессу взаимодействия, складывающемуся годами, в последние десятилетия активно формируется понятие «коммуникативности», которое включает в себя развитие многообразных форм «общения» музея и общества. Музей – форум, площадка для сотрудничества, диалога культур, диалога посетителей и музейных сотрудников, которые пробуждают активность широкой публики и помогают ей осознать значение всего культурного и природного наследия человечества². И в этой беседе равного с равным, которая пришла на смену монологу служителя музея, важно мнение каждого, кто переступает порог музея, как непосредственного участника процесса постижения истории, культуры.

Знание и понимание своего посетителя позволяет работать целенаправленно, адресно, учитывая культурные и духовные потребности населения, что дает основу для формирования и развития музейной культуры общества. Поэтому, на наш взгляд, пер-

¹ Закс А.Б. Динамика социальных функций музеев СССР // Музеи мира. – М., 1991. – С. 51–62.

² Семененко Т.Н. Из опыта проведения социологических исследований в музеях за рубежом (1960–1980 гг.) // Проблемы теории, истории и методики музейной работы: Научные труды музея Революции. Вып. 24. – М., 1995. – С. 77–89.

вой ступенью на пути «узнавания» своего посетителя и его ценностной ориентации является проведение в музее социологических исследований, которые станут эффективным средством совершенствования музейной деятельности.

Исходя из этих соображений, в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина была разработана анкета, над которой велась совместная работа со старшим научным сотрудником музея Л.В. Калининой и специалистами кафедры социологии РГПУ им С.А. Есенина.

Проведенные исследования – первый, начальный этап многоцелевой работы в этом направлении, которая будет продолжаться и в дальнейшем. Одной из задач, которые мы ставили перед собой, было получение максимально полной информации о наших посетителях (возраст, пол, образование и др.). Особое внимание было уделено выявлению причин посещения музея, особенностей восприятия экспозиций и природного ландшафта, качеству сервисных услуг. Но одним из центральных, наиболее важным для нас, стал вопрос: «Что значит для посетителей музея имя С.А. Есенина сегодня, в наши дни?».

Всем хорошо известно, насколько разноречивым было отношение к личности и литературному наследию С.А. Есенина в XX веке как среди современников поэта, так и в последующие годы. Поэтому мнение участвовавших в опросе представляется нам как своеобразный исторический срез, который позволит подойти к определению уровня восприятия личности поэта, выявить подходы в понимании его судьбы и творчества нашими современниками. Кроме того, результаты анализа ответов, дадут пищу для размышления специалистам: есениноведам, педагогам, сотрудникам музея.

Итак, предварительно нами было проанализировано первые 227 анкет. Сразу отметим, что 24 % опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос. Из них 63 % респондентов – до 30 лет, а 37 % (каждый третий) – от 31 и старшее. Как видим, старшее поколение (условно) – люди зрелые, сохраняют в себе преданность поэтическим идеалам. Есенин и его творчество вызывает ответный отклик, ответную эмоциональную реакцию. О причинах того, что представители молодого поколения не смог-

ли сформулировать свое мнение, остается только гадать. Михаил Осоргин писал: «Поэзия Есенина могла раздражать, бесить, восторгать – в зависимости от вкуса. Но равнодушным она могла оставить только безнадежно равнодушного и невосприимчивого человека». Вряд ли молчание 15–30-летних – следствие их «равнодушия и невосприимчивости». Ведь они же и отвечают: «Это имя сопровождает нас с детства наравне с Пушкиным, позволяет испытывать гордость за свой Рязанский край»³, «Духовное наслаждение его стихами и песнями. Понимание природы глазами жильца деревни, а не города», «Поэзия Есенина для меня сегодня отражает мою любовь к природе, родине. С каждым годом я воспринимаю поэта как гения страны, в которой я живу», «Поэт, которого нужно читать, чтобы понять самому Россию, поэт, воспевающий красоту нашей родины».

На наш взгляд, отказ от ответа связан прежде всего с тем, что молодые люди не имеют желания и потребности к серьезному размышлению, анализу, формированию собственного мнения, личностного подхода в рассмотрении широких вопросов, связанных, в том числе, с проблемами культуры, искусства, отечественной истории.

Не следует рассматривать наши размышления как очередной «плач Ярославны», это всего лишь очередная констатация хорошо всем известного положения вещей, подтверждающаяся новым документальным материалом. Предлагаемые результаты – всего лишь выкадровка, промежуточные, предварительные итоги исследований. Но, как известно, капля воды содержит в себе информацию об общем состоянии реки. У молодежи уходит потребность обращаться к литературе, к живому художественному слову как источнику размышлений, поиску нравственных, этических ориентиров, возможности разобраться в философских, этических, социальных вопросах, да и в конце концов возможность получать эстетическое наслаждение от прочитанного. И это не дело вкуса, не вопрос индивидуальных литературных пристрастий, а дело воспитания и образования (мы имеем в виду прежде всего гуманитарное), вопрос приоритетов, которые определяет общество в целом. Насколько современное поколение молодежи завтра будет нравственным, душевно чутким, добрым и мудрым, насколько оно

³ Здесь и далее стиль и орфография ответов сохранены.

будет обладать глубоким мировоззрением, будет достойным гражданином страны, зависит в том числе и от того, читают ли оно уже сегодня Есенина, Цветаеву, Лескова, Бунина... И мы все, независимо от профессии, уже исходя из права старшинства, предполагаемого жизненного опыта, мудрости, за это ответственны. От нас также зависит, останутся строки есенинской поэзии достоянием поколения 40–80-х годов или их дети и внуки смогут и захотят открывать для себя все новые и новые пласты творческого наследия С.А. Есенина. Будем надеяться, что эти мысли вслух не станут грустным прогнозом, ведь 17 % опрошенных уже сделали хотя и робкий, но шаг. Большинство юношей и девушек до 20 лет на поставленный вопрос, что значит для них имя Сергея Есенина, отвечали: «великий», «известный», «любимый» поэт. Может быть, через свою любовь к «известным» и «великим», многократно цитируемым строкам Есенина они познают всю глубину поззии великого лирика.

Среди тех, кто высказал свое мнение, абсолютное большинство респондентов (24 % опрошенных) связывают имя С. Есенина с его творчеством, основными темами произведений поэта, а также миром его лирических образов, чувств, которые затрагивают самое сокровенное в человеке. Из них: 26 % – юноши и девушки от 16 до 20, 22 % – от 21 до 30 лет, 16 % – от 41 до 50, 14 % – респонденты, которым более 60 лет; 12 % – от 51 до 60, 10 % – от 30 до 40; 57 % – имеют высшее образование, 9 % – учащихся; 81 % – девушки и женщины, 19 % – юноши и мужчины.

Все они соотносят имя Сергея Есенина с понятиями *России, патриотизма, любви к родине*. Безусловно, эта тема – одна из главных в творчестве С. Есенина. Определяемая системой мировоззренческих взглядов поэта, она является ключом в понимании огромного пласта культуры, нравственно-этических, эстетических взглядов русского человека, русского народа: «Великий певец красоты и нежности России», «поэт, тонко чувствующий Родину», «он символизирует Русь изначальную и вечную», «через Есенина я лучше вижу и больше понимаю Россию», «я горжусь, что родился на этой земле, где жил Есенин, под названием Русь. И пусть нашу землю обокрали, разворовали, но в нас не смогли уничтожить душу». Мысли и переживания поэта, связанные

ные с Россией, своей малой родиной, вобравшие в себя всю глубину вековой кровной народной любви к своей земле, созвучны с чувствами и наших посетителей. Их ответы доказывают, что в своих стихах Сергей Есенин с особой силой и мощью выразил то, что каждый из нас хотя бы изредка чувствует в себе, но порой не может облечь в емкие и простые слова поэзии. Возвышенные, патетические ноты звучат даже в скучных и односложных ответах.

Для многих имя С. Есенина стало своеобразным символом того, что представляло наибольшую ценность как для самого поэта, так и для многих его соотечественников, пусть даже отделённых от него многими и многими десятилетиями. В этих словах выражена гордость за родину, за поэта, который открыл миру силу любви русского народа к своей отчизне. Отметим, что рязанцы (3 %) с особенной гордостью и чувством собственной сопричастности к имени поэта отзываются о своем земляке.

Завершая анализ этой группы ответов, еще раз обращаем внимание на то, насколько схожи в своих мнениях ответы зрелого и молодого поколений.

Очень ярко в ответах наших респондентов прослеживается тенденция *определить через творчество и личность поэта ментальное, характерное и свойственное русскому народу*.

Для 7 % отвечающих (среди них 70 % женщин, 60 % отдавших имел высшее образование, 46 % респондентов – мужчины и женщины в возрасте от 41 до 60 лет) С. Есенин – «...символ красивой русской поэтической души, широкой, открытой, искренней»; «...русская самобытность, русская духовность, широта души, соизмеримая с природными просторами»; «русская душа с ее взлетами и падениями, обнаженность мыслей и чувств, традиционно загадочная и открытая всему миру». Подобные ответы в этой группе позволяют считать, что для посетителей музея личность и творчество С.А. Есенина – яркое олицетворение национального, присущего русскому человеку, составляющее его суть. Респонденты выделяют ту струну, нерв, которые и определяет есенинскую «поэтическую походку»: «С. Есенин – символ любви к природе, Родине, к ее просторам, к женщинам, ко всему великому, простому, что заложено в русском человеке», «С. Есенин – душа России».

6 % опрашиваемых едини в том, что «С. Есенин – певец природы, ее красоты, великой значимости для личности человека», «Есенин очень актуален сегодня. Экология земли в каждом его творении. Он учит не забывать, что человек может жить только в единстве с природой, ибо природа создана Богом», «Сергей Есенин – это поэт, который прославил в своей поэзии Рязанскую землю, ее просторы, раздолье, красоту природы», «его имя ассоциируется с природой, потому что больше стихов о природе». Действительно, в творчестве С. Есенина как у одного из немногих поэтов эта тема раскрывается наиболее ярко и мощно. И каждый лирический пейзаж – особое, есенинское чувствование, проникновение в окружающий его мир. Именно в этой способности, проницательности и кроется дар видеть тайное в обыденном, чувствовать органическую связь двух сущностей – природы и человека. В связи с этим вспоминаются слова А.И. Солженицына, который писал: «Какой же слиток таланта метнул творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясенный, нашел столько слов для красоты – у печи, в хлеву, на гумне, за околицей – красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают». Интересно, насколько близко подошли в оценке гениального дара поэта великий современник и рядовые посетители музея. Безусловно, приблизиться к такому пониманию всем нам помогает и природа Константина, которая пробуждает глубинные переживания, возвышенные чувства и эмоции.

Другая часть опрашиваемых, выражая свое отношение к творческой биографии С. Есенина, обращается к облику Есенина-человека. Для 1% ответивших, Сергей Есенин – «умный красивый поэт», «поэт, муж Айседоры Дункан». Около 6% отвечающих, отмечая для себя притягательность Есенина – человека, пытаются проникнуть во внутренний мир поэта, личности тонкой духовной и душевной организации: «Есенин – человек, которого не поняли», «человек с открытой и ранимой душой». По всей видимости, эти респонденты – не только прекрасные знатоки поэзии С. Есенина, они также хорошо знакомы с его биографией, воспоминаниями современников, близких и родных поэту людей. Именно эти источники, наряду с самим творчеством С. Есенина,

помогают разобраться в сложнейших переплетениях его судьбы, трагических взлетах и падениях, сомнениях, ярких и поистине гениальных прозрениях.

Подобные ответы – штрихи к портрету посетителя государственного музея-заповедника С.А. Есенина: он не просто любопытствующий и ознакомленный, он – исследователь, соучастник тех глубинных раздумий, которыми жил поэт.

В 3 % ответов (90 % – девушки и женщины от 15 до 41 года, из них 50 % с высшим образованием) обнаруживается стремление идентифицировать собственный мир чувств, переживаний, размышлений с внутренним миром поэта: «что-то родное и близкое», «близок по духу», «российский человек, понятный каждому». Но есть и такое мнение: «Есенин – поэт, чьи произведения понятны негородскому жителю». Очень важно, на наш взгляд, видеть за внешней простотой, легкостью и доступностью в понимании идей, чувств, переживаний поэта глубину есенинской мысли, ее многогранность, многослойность. Ведь за парящей строкой кроется мучительный поиск ответов на сложнейшие жизненные вопросы, творческое переосмысление формирующегося тысячелетиями, веками мировидения наций и народов. Такая открытость, понятность – признак высокого мастерства, принадлежности к сонму избранных, сумевших о главном сказать с гениальной простотой.

Размышляя о личности Есенина, 7 % посетителей (из них 53 % – женщины; 55 % имеют высшее образование, 33 % – молодежь до 20 лет, 26 % – люди от 31 до 40 лет) рассматривают творческую судьбу поэта через призму бесконечного движения времени, развития истории. Они пытаются определить место поэта в прошлом и настоящем, тем самым давая оценку не только историческим событиям, свидетелем и участником которых был поэт, но размышляют и о дне сегодняшнем, проводя, возможно, несколько субъективные параллели с событиями начала века. «С. Есенин – символ Руси уходящей, символ борьбы», «Есенин – понимание России, близость времени Есенина и сегодняшних лет», «поэт, не понявший, как и многие другие, революции, несшей отрицательный смысл в истории нашего государства», «это проблемы, которые были и есть в настоящее время», «Есенин – старое время, в которое нас не было, и трудно понять, как в то время жили люди», «его творчество помогает понять жизнь тех времен»,

многому учит и помогает разобраться в современной жизни».

Каждая творческая личность, будь то писатель, музыкант, ученый, философ испытывает на себе с особой силой все противоречия стремительного движения времени, оттого и уход её, наверное, неизбежно скор. Как писала о Есенине М. Цветаева:

Много жил – кто в наши жил
Дни; все дал – кто песню дал

Как бы ни было грустно, но в самые сумрачные и лихие годы гений приходит в мир, чтобы пережить с ним все взлеты и падения, подарив этому миру новое слово, новое осознание происходящего.

Мы проанализировали лишь наиболее часто встречающиеся ответы наших посетителей. Кроме них встречаются и такие: *поэтичность, лиричность творческого наследия Есенина* выделили 3 % отвечающих («глубокий тонкий лирик», «великий лирик России»); *имя Есенина со своим поколением связывают* 2 % опрошенных, как правило, эти ответы дают люди старшего поколения.

В заключение хотелось бы привести серию наиболее характерных ответов: с одной стороны, самых коротких, односложных суждений, а с другой – серьезных раздумий и размышлений. Именно они, на наш взгляд, позволяют в некоторой степени наметить очертания восприятия жизни и творчества С. Есенина посетителями Государственного музея-заповедника С.А. Есенина.

1. Что значит для Вас сегодня имя С.А. Есенина?

«Поэт, родина, Россия, природа, история, талант, красота, красота слова, земляк»; «Сергей Есенин был и остается моим любимым поэтом. Многие его произведенияозвучны с моими чувствами, ощущениями. Мне кажется, что после посещения музея я стала лучше понимать не только творчество, но и жизнь Есенина, его мир»; «Это великий русский поэт – последний поэт деревни. Автор стихов самых лучших песен и романсов. Его творчество помогает понять жизнь тех времен, многому учит и помогает разобраться в современной жизни»; «Поэт Есенин – это душа народа, его стихи всегда глубоко трогают мое сердце, вызывает ощущение грусти оттого, что его не поняли в те времена, как бы много он еще мог сочинить»; «Великий певец красоты и нежности

России и души русского человека, сумевший с удивительной красотой и рельефностью отразить это в своем многогранном творчестве»; «Самозабвенная любовь к Родине, к родной Рязанщине. Сам образ Есенина пропитан дыханием любви, которая передается посетителям Константинова. Просто хочется жить и любить».

Подведем результаты предварительного анализа рассмотренных нами анкет:

1. Ответы, данные нашими посетителями, отличаются относительно широким диапазоном мнений, начиная от лаконичных (порой шаблонных, банальных) и заканчивая развернутыми объяснениями, высказыванием своего мнения, в которых кроются зачатки анализа творческой судьбы С. Есенина.

2. Абсолютное большинство отвѣтивших отмечают необычайную притягательность поэзии С. Есенина, созвучность лирических мотивов и образов с собственным мироощущением.

3. Половина респондентов выделяют в творчестве С. Есенина то главное, что составляет нерв его поэзии, определяет его поэтическое кредо, является сутью понимания и чувствования мира.

4. Очень важен, на наш взгляд, тот факт, что в ответах представителей разных социальных и возрастных групп много общего.

5. Творчество Есенина несет в себе нравственные ориентиры для всех поколений читателей.

Надеемся, что полученные в ходе анкетирования результаты помогут с практической стороны сотрудникам музея выстраивать свою дальнейшую работу, прежде всего в плане развития экскурсионно-лекционного и экспозиционного направлений.

Г. Иванов, современник поэта, высказал мнение, хотя и небесспорное, но пока подтверждаемое временем: «Беспространно оценят творчество Есенина те, на кого это очарование перестанет действовать. Возможно, даже вероятно, что их оценка будет много более сдержанной, чем наша. Только произойдет это очень нескоро. Произойдет не раньше, чем освободится, исцелится физически и духовно Россия. В этом исключительность, я бы сказал “гениальность”, есенинской судьбы. Пока родине, которую он так любил, суждено страдать, ему обеспечено не пресловутое “бессмертие”, а временная, как русская мука, и такая же долгая, как она, – жизнь».

ПАМЯТНЫЕ ЕСЕНИНСКИЕ МЕСТА РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ

Н.В. Обыденкин

(член Международного Есенинского
общества «Радуница», г. Рязань)

Среди многих вопросов биографии С.А. Есенина не до конца изученными являются места, в которых довелось бывать поэту в течение своей непродолжительной, но бурной и насыщенной событиями жизнью. При этом не менее важно, с кем и когда встречался поэт, где и по какому поводу в его честь установлены мемориальные знаки. Небезынтересно также выявить места, каким-то образом связанные с именем С. Есенина, хотя поэт в них никогда и не бывал. К примеру, установить города, в которых имеются улицы, библиотеки, театры, названные его именем, есенинские музеи, проживали или проживают его родственники или люди, хорошо знавшие поэта, и т. п.

Эта задача оказывается далеко не простой, как это может показаться на первый взгляд, особенно, если учесть, что её надо выполнить применительно не только к России, но и другим странам СНГ, Западной Европы, США, в которых также бывал поэт.

Первый, наиболее простой этап этой работы был, в основном, выполнен мною в конце 90-х годов и обобщён в буклете «Памятные есенинские места», вышедшем как приложение к газете Рыбновского района «Приокская новь» (№ 36–37. 1999. 21 октября).

В нём приведены те места России и стран СНГ, в которых бывал поэт и где в его честь установлены мемориальные знаки – памятники, бюсты, мемориальные доски или открыты музеи его имени. Это – Константиново, Спас-Клепики, Рязань, Дивово, Вологда, Орёл, Москва, Тула, Ташкент, Литвиново, Тбилиси, Мардакяны, Батуми, Санкт-Петербург.

В настоящее время параллельно с первым разделом этой большой общей темы проводится работа над вторым её разделом – выявить те места России и стран СНГ, в которых бывал поэт, пусть даже кратковременно. Эта часть работы значительно сложнее первой, так как счёт таких мест, возможно, пойдёт уже не на десятки, а на сотни.

В качестве примера можно привести перечень городов, которые проезжал С. Есенин, будучи санитаром военно-санитарного поезда № 143 в апреле – мае 1916 года. Так, при следовании из Петрограда на Юго-Западный фронт этот поезд проезжал Москву, Курск, Харьков, Мелитополь, Евпаторию, Севастополь, Симферополь. Обратно его путь пролегал через Синельниково, Киев, Казатин, Бахмач, Гомель, Могилёв, Оршу, Витебск, Ново-Сокольники. Можно с большой долей уверенности допустить, что во время дневных стоянок этого поезда поэт мог встречаться со своими знакомыми или местными собратьями по перу.

Ещё более внушительным выглядит этот перечень городов и станций при его поездках в Баку, Тбилиси, Ташкент и другие города. А ведь кроме этого поэт выезжал на Соловецкие острова, Мурманское побережье, родину А. Ганина – в деревню Коншино, в пригороды Москвы, Петрограда-Ленинграда и ряд других мест, в том числе и на рязанской земле. Помимо родины поэта и окрестных деревень, Спас-Клепиков, Солотчи, Рязани, это Зарайск, Дединово, Мошены, Коростово и другие. К сожалению, пребывание С. Есенина в этих местах не только не отмечено мемориальными знаками, но даже подробно не изучено.

Большой интерес и значимость представляют, на наш взгляд, исследования по третьему разделу темы – выявить места России и стран СНГ, связанные с именем С. Есенина. В связи с этим нельзя не сказать о таких городах как, Ялта, Омск, Саранск, Нижний Новгород, Липецк, Воронеж, город Северск Томской области, в которых работали или работают музеи великого лирика России. Недавно стало известно также, что родовые корни гражданской жены С. Есенина А.Р. Изрядновой уходят в село Приянки Кораблинского района Рязанской области. А в г. Иванове длительное время вплоть до своей смерти проживала вместе с семьёй её родная сестра С.Р. Изряднова (Назаретская), хорошо знавшая поэта по их совместной работе в типографии И.Д. Сытина.

И, конечно же, в перечень городов этого раздела входит и Рязань. Здесь в женском епархиальном училище в 1906–1912 годах учились подруги юности поэта А. Сардановская и М. Бальзамова, будущая супруга их брата Николая – Лидия Николаевна.

М.П. Бальзамова некоторое время также жила в Рязани, а её отец служил здесь в Троицкой церкви священником. Здесь же он и похоронен. В настоящее время в Рязани проживают родственники сестры Анны Сардановской – Серафимы. Это жена её сына Николая – Надежда Даниловна и её дочь (внучка Серафимы) Татьяна. Другая её внучка – тоже дочь Надежды Даниловны Валентина – проживает в Санкт-Петербурге, но ежегодно приезжает в Рязань. Сама же Серафима Алексеевна похоронена также на Рязанской земле, недалеко от г. Михайлова.

Надо вообще отметить, что изучение вышеуказанной темы может принести ещё очень много интересных дополнительных сведений из биографии нашего знатного земляка С. Есенина.

В свою очередь, они могут служить также основанием для открытия в ряде этих мест в его честь новых мемориальных знаков.

КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ИМЕНИ С.А. ЕСЕНИНА НА УКРАИНЕ

В.А. Соболев

(Руководитель центра им. С.А. Есенина,
г. Днепропетровск)

Открытие в Днепропетровске Русского культурного центра имени Сергея Есенина в декабре 2001 года началось с Есенинского фестиваля «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?». Были подведены итоги конкурса творческих работ, конкурса чтецов, проводившихся среди учащейся и студенческой молодежи г. Днепропетровска. Общественности была представлена программа фестиваля, которую мы приводим полностью.

Программа Есенинского фестиваля

7 декабря. День открытия Фестиваля. Работа выставок живописи и художественной фотографии под девизом «Есенинская Русь». Концерт мастеров искусств в Доме учёных.

8 декабря. Премьера моноспектакля «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» по произведениям Сергея Есенина (молодежный театр). Поэтический вечер из серии «Современники Есенина: Александр Блок и Владимир Маяковский» (Литературный музей).

9 декабря. Премьера спектакля «Дорогие мои, хорошие...» по драматической поэме Сергея Есенина «Пугачев» (Молодежный театр).

10 декабря. Поэтический вечер «Россия, вспомни о себе». Выступает поэт Виктор Дроников (Орел) (Литературный музей).

«Три жизни Айседоры Дункан». Премьера спектакля для драматической актрисы, балетной труппы и оркестра театра оперы и балета (в помещении Оперного театра).

11 декабря. Поэтический вечер «Сергей Есенин в украинских переводах» (Литературный музей).

Литературно-музыкальный концерт «Россия, Русь! Храни себя, храни!».

12 декабря. «Анна Снегина». Спектакль-концерт для драматического актера и симфонического оркестра (Русский театр им. М. Горького).

13 декабря. Поэтический вечер из серии «Современники Сергея Есенина: Марина Цветаева» (Литературный музей).

Лекция-концерт «Сергей Есенин в контексте русской и мировой культуры» (Дом учёных).

14 декабря. Большой театрализованный концерт «О Русь, взмахни крылами...».

Сценарий для чтеца, солиста и ансамбля народных инструментов (Дом учёных).

15 декабря. Научно-практическая конференция «Сергей Есенин: XX – XXI век». Приглашения к участию в конференции приняли города Харьков, Самара, Николаев, Одесса, Запорожье, а также сотрудники Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Константинове и Днепропетровский университет (кафедры русской литературы, кафедра журналистики), Высшие педагогические курсы (Дом учёных).

16 декабря. Второй день работы научно-практической конференции (Дом учёных).

Заключительный фестивальный вечер-концерт победителей и призеров фестивальных конкурсов, вручение им призов и подарков.

В концерте принимают участие мастера искусств России и Украины.

В 20-х числах декабря состоится вечер памяти «Сергей Есенин: предназначение расставание».

Надеемся, что ежегодный Есенинский фестиваль в Днепропетровске станет добной традицией на Украине, где у великого русского поэта огромное количество преданных почитателей.

ЕСЕНИН И ИНТЕРНЕТ. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО САЙТА

Ю.В. Лазарев

(Рязанский государственный педагогический
университет им. С.А. Есенина, г. Рязань)

Сегодня наряду с традиционными способами получения информации (телевидение, радио, печатная продукция) все большее значение приобретает всемирная информационная компьютерная сеть Интернет, объединяющая множество компьютерных сетей.

Интернет – сложная и высокотехнологическая система, позволяющая пользователю общаться с людьми, находящимися в любой точке мира, быстро и комфортно отыскивать любую информацию, публиковать для всеобщего обозрения данные. При этом существует несколько путей поиска информации: узнать уже готовый адрес, воспользоваться поисковой машиной, задав критерии для поиска, и путь свободного путешествия по ссылкам (долгий, но иногда дающий интересные результаты).

Первое, с чем пользователь сети сталкивается, – найти ссылки на ресурсы в Интернете, связанные с именем Есенина. Мы обращались к самым разным поисковым серверам. Пополнение информационных ресурсов Интернета происходит очень быстро и найти необходимую информацию становится все труднее. Один из способов – использование специальных поисковых систем, отыскивающих изменения информации в сети.

Простой поиск по ключевому слову «Есенин» дал следующие результаты: поисковый сервер Апорт выдал информацию о 928 серверах и 2000 документах, Yandex – о 936 серверах и 37879 документах. Rambler – о 3972 сайтах и 11845 документах.

Анализ полученной информации позволил выделить следующие группы ресурсов:

1. Библиотеки сочинений поэта (разные по полноте содержащегося материала), в редких случаях снабженные комментариями. Так, в публичной библиотеке Е. Пескина (<http://www.online>.

ru/sp/ell/russian/Esemn.Sergei/index.html) электронное издание соответствует собранию сочинений С.А. Есенина в 3 томах 1970 года издания.

2. Научные и научно-популярные статьи литературоведов, краеведов, любителей творчества поэта, размещенные на разнообразных сайтах. Так, на сайте факультета литературы Хакасского государственного университета (<http://philology.khsu.ru/index.html>) в библиотеке научных и научно-методических трудов имеются среди прочих статья Ю.Л. Прокушева «Слово о Есенине» (из собрания сочинений С. Есенина в 6 томах, 1977 г.) и учебное пособие С.Н. Кирьянова «Поэма “Черный человек” в контексте творчества С.А. Есенина и национальной культуры» (написанное на основе одноименного диссертационного исследования в 1998 г.).

3. Материалы, касающиеся различных сторон жизни и творчества поэта, в зависимости от основной тематики документа. Так, в «Библиотеке русской поэзии «Ковчег»» помимо произведений поэта есть краткая информация о С. Есенине и А. Дункан, истории их взаимоотношений (http://perfilov.narod.ru/ser_poetry/esenm/iJizn.htm). Сайт «“Хроники Харона”. Энциклопедия смерти» (http://xx.lipetsk.ru/win/txt/koi/txt/win/xx_2i_06_01.shtml) содержит материал о загадочной гибели поэта. А на сайте «Темные аллеи» (<http://www.gay.ru/art/literat/library/>) С. Есенин охарактеризован как человек с нетрадиционной сексуальной ориентацией и помещены некоторые из его стихотворений, посвященные Н. Клюеву, Р. Иваневу, А. Мариенгофу, В. Эрлиху.

4. Статьи энциклопедического характера (например, электронная версия БСЭ (<http://encycl.yandex.ru/>)).

5. Сочинения, рефераты, курсовые для школьников и абитуриентов, связанные с творчеством Есенина.

6. Виртуальные магазины, рекламирующие товары (книги Есенина и о Есенине).

Тематический сложный поиск информации о Есенине в названных поисковых системах по алгоритму: «культура и искусство» – «литература» – «русская поэзия XX века» позволил выявить большое количество сайтов о многих поэтах: М. Цветаевой, В. Высоцком, Н. Рубцове, Н. Гумилеве, В. Хлебникове и других.

Однако отдельного сетевого ресурса, посвященного Есенину, не обнаружено. Его жизнь и творчество относительно широко представлены на интересном сайте «“А в сердце светит Русь...” (творчество новокрестьянских поэтов)» (http://nk-poety.narod.ru/win/esemn/menu_esen.html). Есенин стоит там в ряду с Н. Клюевым, С. Клычковым, П. Орешиным, А. Ширяевцем. Здесь содержатся произведения (стихотворения, поэмы, письма), биографические сведения, воспоминания современников, библиографические справки, фотоархив.

Естественно, что подобный тематический путь поиска информации лишь в приблизительных чертах позволяет представить, как отражен Есенин в Интернете. Ведь в сеть постоянно, ежедневно поступает огромное количество нового материала и далеко не все авторы этих материалов сообщают поисковому серверу информацию о своих статьях, хотя для этого лишь следует заполнить небольшую форму.

Таким образом, анализ ресурсов Интернета в избранном аспекте показал, что в русскоязычной части Интернета содержится большое количество материалов, связанных с именем С. Есенина, широко представлено творчество (можно найти все произведения), имеются отдельные биографические материалы, научные статьи и монографии, анализирующие идейно-художественное своеобразие.

Материалы о Есенине пользуются большим интересом у пользователей Интернета (о чем свидетельствует анализ счетчиков посещений), но в то же время отсутствует специальный, отдельный сайт, посвященный жизни и творчеству Есенина, имеются материалы спекулятивного характера, ориентированные на низкопробного читателя, порочащие имя великого русского поэта.

Все это позволяет прийти к выводу о необходимости создания специального информационно-аналитического ресурса, имеющего аккумулирующий и объединительный характер. Инициатива в создании подобного сайта должна исходить как от учёных, так и от официальных структур, располагающих материально-техническими средствами, способных привлечь к его созданию спе-

циалистов в данной области, и поддерживать (обновлять) в течение длительного времени. Здесь могут быть объединены усилия Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, Института мировой литературы им. М. Горького РАН, Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина. Данный сайт не только смог бы обобщить все важное и интересное о жизни и творчестве Есенина, но и был бы самым обширным, оперативным источником информации о поэте.

Логическая структура сайта предполагает следующие возможные разделы, соединенные гиперсвязями: Биография, Творчество, Новое о Есенине, Библиография, Фотогалерея, На родине Есенина (посвященный Константинове и Государственному музею-заповеднику С.А. Есенина), Фонотека, Ссылки. Каждый раздел, в свою очередь, может состоять из нескольких рубрик (так, в разделе «Новое о Есенине» можно выделить рубрики, связанные с биографией, краеведением, научной жизнью, методикой изучения Есенина в школе). Стартовая страница должна содержать краткое информационное наполнение, анонсы разделов, элементы навигации (ссылки на все разделы сайта), список обновлений, информацию об авторах и адрес для связи.

Одним из необходимых условий востребованности, популярности сайта является его регистрация во всевозможных поисковых системах и информационно-тематических каталогах, а также использование баннерной системы обмена.

Считаю, что на начальном этапе нет необходимости в публикации всех произведений поэта, так как существуют доступные сетевые библиотеки, которые предварительно необходимо проверить на аутентичность.

В будущем возможна организация рассылок электронным подписчикам с аннотацией последних обновлений сайта.

От того, где именно будет опубликован результат, зависит посещаемость сайта и те возможности, которые можно будет реализовать, поэтому разместить его можно на сервере РГПУ им. С.А. Есенина.

Заметки и наблюдения

«А КОНИ, КОНИ!»

(об одном общем мотиве

в произведениях

А.С. Пушкина и С.А. Есенина)

В.И. Астахов

(Государственный музей-заповедник

С.А. Есенина, с. Константиново)

Творческая активность Александра Сергеевича Пушкина и Сергея Александровича Есенина во многом зависела от их настроения во время совершаемых ими конных прогулок, связанных с их жизнью и творчеством.

Физическое самочувствие во время таких передвижений по просторам хорошо знакомых им мест становилось источником повышенного эмоционального восприятия всего встреченного в пути, обогащало запас жизненных впечатлений, способствовало творческому вдохновению в работе над новыми произведениями.

Удивительно схожи по выражению чувств и мыслей стихотворения «Голубень» С.А. Есенина и «Осень» А.С. Пушкина, произведения, разделенные во времени создания почти столетием.

Стихотворение «Голубень» С.А. Есенин создает в 1917 году в возрасте двадцати двух лет. Тончайшее восприятие картин осенней природы, пробудившее у С.А. Есенина бодрое, умиротворенное, способствующее творческому вдохновению настроение, было навеяно впечатлениями от пребывания в родных местах в Константинове.

А.С. Пушкин также выразил свои чувства и переживания, приведшее его к творческому взлету во время Болдинской осени 1830 года, в стихотворении «Осень», созданном в 1833 году.

Радость общения с природой хорошо знакомых мест всегда сопровождала Александра Сергеевича Пушкина, будь то Михайловское или Болдино.

Как восторженно отзывался А.С. Пушкин об этом возбудителе своего активного творческого состояния.

«Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей ни души, езди верхом сколько душе угодно, пиши сколько вздумается. Никто не помешает.» — исповедовался поэт в письме к П.А. Плетневу по приезде в 1830 году в Болдино. И это предчувствие творческого вдохновения в Болдине превзошло все его ожидания.

О фатальной привязанности к скитаниям по дорогам отечества, во время которых рождались новые творческие замыслы, А.С. Пушкин с присущей ему иронией писал в стихотворении «Дорожные жалобы», созданном в 1829 году:

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

«Сюжеты» стихотворений С.А. Есенина «Голубень» и А.С. Пушкина «Осень» удивительно совпадают. Созвучна и ритмика стиха, в основе которой — амфибрахий. Как С.А. Есенин, так и А.С. Пушкин совершают прогулки на конях в пространствах родных и близких им мест поздней осенью. Поэты сливаются с миром природы, одновременно фиксируя в художественных образах и свое эмоциональное состояние.

А.С. Пушкин поведал читателям через представленные в стихотворении «Осень» близкие его сердцу и душе образы этого времени года, самого плодотворного для его творчества. И самым активным фактором в поэтическом восприятии осени для него явились конные прогулки на лоне природы:

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол и трескается лед.

Итогом этой прогулки является творческий взлет вдохновения — очередного счастливого мгновения в жизни поэта.

Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит, — то яркий свет льет,
То тлеет медленно, — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю
И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображением,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волнением,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне
Излиться на конец свободным проявлением —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давшие, плоды мечты моей
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Аналогичное пушкинскому творческое состояние испытывает многие десятилетия спустя С.А. Есенин, воссоздавая мир красок, запахов и звуков в стихотворении «Голубень».

Но в изобразительном арсенале С.А. Есенина в этом стихотворении в отличие от изобразительных средств у А.С. Пушкина, представленных в стихотворении «Осень», преобладают метафорические образы:

В прозрачном холоде заголубели долы
Осенним холодом расцвечены надежды
Молочный дым качает села.
Но ветра нет. Есть только легкий звон.

Динамика образа в этих есенинских строках передается в метафорах, представленных сочетаниями существительных с метафорическими эпитетами — прилагательными и глаголами.

Слитые воедино мотивы поэтического вдохновения и радости общения с природой находят органическое завершение в образе пути, открытого труду и творчеству.

В дорогу дальнюю, не к битве, не к покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькну в пятой златою,
И в короб лет улягутся труды.

ЦВЕТЫ В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА

В.С. Титова

(Государственного музея-заповедника

С.А. Есенина, с. Константиново)

С.А. Есенин признавался:

Я люблю родину,
Я очень люблю родину!¹

А Родина для поэта – прежде всего родная константиновская земля с ее не броской, но полной очарования природой, которую любил поэт безгранично. Леса, поля, рощи, холмы, цветы ... были милы и дороги его сердцу.

Весенний вечер, синий час.

Ну как же не любить мне вас,
Как не любить мне вас, цветы? (4, 170)

В письме близкому другу Г.А. Бениславской в 1924 году Есенин сообщил: «На столе у меня лежит черновик новой хорошей поэмы. Это, пожалуй, лучше всего, что я написал». (4, 296)

Повествование в поэме строится вокруг цветов. По-видимому, он специально не занимался цветами, однако обнаружил в этом вопросе достаточную осведомленность:

Шуми, левкой и резеда.
С моей душой стряслась беда.
С душой моей стряслась беда.
Шуми, левкой и резеда. (4, 170)

Левкой и резеда были дороги сердцу поэта в дни тягостных смятений его жизни. Душа цветка в его аромате. К сожалению, растения с душистыми цветками почти забыты. В цветочном оформлении редко встречаются левкой и резеда. Резеда пахнет тонко, нежно и скромно. Этот полузабытый цветок волновал сердца наших предков. Трогательно описал его К.Г. Паустовский: «Цветы чудились мне тогда живым существом. Резеда была бедной девушкой в сером заштопанном платье. Только удивительный запах выдавал ее происхождение».

¹ Есенин С.А. Собр. соч.: 6 т. – М., 1978. Т. 2. – С. 74. Здесь и далее цитирование по указанному собранию сочинений.

² Паустовский К.Г. Избранное. – М., 1956. – С. 487.

И сыпал на врага цветущие левкой. (4, 83)

Левкой ценится за нежный приятный аромат. А вот еще упоминание о душистых растениях:

Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятою. (1, 178)

Еще Плиний Старший считал, что запах мяты возбуждает работу мозга, поэтому римским студентам рекомендовалось носить венки из мяты. Мята и мятое масло широко используется также в парфюмерной промышленности и пищевой. Возможности мяты и мятного масла еще не исчерпаны. Не зря римляне дали этому, на первый взгляд, ничем не примечательному растению имя своей прекрасной нимфы – *Менты*, олицетворяющей для них человеческий разум.

С ценным медоносом – клевером или кашкой, который прячет свой душистый нектар в головках, встречаемся в следующих строках:

По меже, на переметке
Резеда и риза кашки. (1, 84)

В цикле «Персидские мотивы» находим упоминание о южном растении с сильно пахнущими цветами – олеандре.

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя. (3, 275)

По мнению К.Г. Паустовского, «с ним соединяется представление о море – далёком, тёплом, омывающем цветущие олеандрами страны». О всем известном вьющемся растении – душистом горошке поэт написал так:

Сердцу снится душистый горошек. (1, 269)

Полевые цветы

Ощущая себя, выросшим до зрелости, внуком купальской ночи, рождённым в травном одеяле, С.А. Есенин большее предпочтение отдаёт полевым цветам, которые впитали в себя ароматы и краски лета. Неброские растения северных краёв роднее сердцу поэта:

Я хочу быть отроком светлым.
Иль цветком с луговой межи. (1, 173)

Ах, колокольчик! Твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил... (4, 171)

Выйдешь на поляну, залюбуешься пёстрым разнотравьем,
среди которого то тут, то там кивают головками колокольчики.

В поэме «Цветы» С.А. Есенин признаётся, что синеокий
красавец особенно дорог сердцу поэта:

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василёк. (4, 174)

Сельчане, оставившие село, очень тяжело переносят разлу-
ку с природой. Этую грусть-тоску выразил Есенин так:

Васильками сердце светится,
Горит в нём бирюза. (1, 71)

Ты моё васильковое слово. (1, 267)

Милой простой ромашке поэт тоже отдаёт дань уважения:

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны. (1, 65)

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг. (1, 232)

Грезит над озером рыжий овёс,
Пахнет ромашкой и мёдом от ос. (1, 72)

Много легенд сложено о гвоздике, она стала любимым цвет-
ком у многих народов, стала талисманом. Восхищение поэта этим
цветком отражено в следующих строках:

Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам. (1, 284)

Народ всегда давал точные и меткие названия растениям.
Но, пожалуй, одно из самых точных он дал гвоздике: «Искорки».
Действительно, будто искры сверкают её цветки в зелёной густоте травы. За красоту и изящество гвоздику ещё называют «девичья красота», «кочетки», «слёзки». Растёт гвоздика в одних и тех же местах: на лугах и опушках, по склонам оврагов.

В стихотворениях поэта находим строки о наидревнейшем
растении – маке.

Много было роз,	Белая свитка и алый кушак
Много было маков. (4, 78)	Рву я по грядкам зардевшийся мак.
(4, 102)
Цветочек мой	Маком влюблённое сердце цве-
Цветик маковый. (3, 90)	тёт... (4, 102)
Уведу тебя под склоны	Плещет рдяный мак заката. (3, 90)
	Вплоть до маковой зари. (1, 66)

Самым красивым считается мак восточный. У многих народов мак является символом благополучия, счастья. Он представляется, прежде всего, как трепещущий алый или белый цветок. Существует мак голубой – уроженец Гималайских гор. На севере нашей страны цветут жёлтые полярные маки.

Поэт не жалеет для цветов красок, порой границы реального настолько размываются, что стираются переходы цветка к любимой женщине.

Ты – моё васильковое слово. (1, 266)

Чтоб с глазами она васильковыми. (1, 260)

А люди разве не цветы?
О милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова.
Как стебель тулово качая,
А это разве голова
Тебе не роза золотая? (4, 173)

Роза – «царица цветов»

Особые отношения сложились у поэта с розой, которая часто воспевалась романтиками. В поэзии Есенина «царица цветов» становится как бы образцом литературного штампа:

Лепестками роза расплескалась
(1, 296)	Слышишь, роза клонится и гнётся?
(1, 301)
Я милой голову мою
Отдам, как розу золотую. (4, 173)	Здесь розы больше кулака. (1, 264)
Много роз цветёт в твоём саду. (4, 124)	Розы ль мне то нашептали? (4, 268)

Губы к розам так и тянет, тянет. (1, 279)	И душа моя – поле безбрежное – Дышит запахом мёда и роз. (1, 240)
Розы лучше смертных дев. (1, 279)	Много роз склоняется и гнётся. (1, 296)
Розу белую с чёрной жабой Я хотел на земле повенчать. (1, 210)	У цветков спросил я в тихой чаще, И цветы сказали: «Ты почувствуй По печали розы шелестящей». (1, 296)
Розы, как светильники горят. (1, 290)	Тихо розы бегут по полям. (1, 282)
В Хороссане есть такие двери, Где обсыпан розами порог. (1, 288)	Красной розой поцелуи веют Лепестками тая на губах. (1, 275)

Трудно найти человека, который не любил бы розы. Сколько песен и стихов, сколько восторгов и любви с древнейших времён и до наших дней отдано этой недоступной красавице, этому колючemu чуду природы – розе. По христианской мифологии этот цветок воплощает в себе милосердие, милость, всепрощение, божественную любовь. Необыкновенное изящество, многообразие форм и красок, приятный аромат, обилие и продолжительность цветения отличают «королеву цветов». Цветок розы за красоту и аромат почитали с глубокой древности. Менялись вкусы, проходили увлечения на вновь открытые цветы, а роза всегда оставалась непревзойдённой «царицей цветов».

Родиной же «королевы цветов» считается Персия. Самой популярной темой персидской поэзии является красота весны и любовь соловья и розы. Если розу срывают, соловей вскрикивает. Использование образа розы на восточный лад встречается и у С.А. Есенина:

Обнимает розу соловей. (1, 301)

Слышишь, розу кличет соловей? (1, 301)

Итак, роза шествует от сердца к сердцу через века.

Лесные цветы

Не оставлены без внимания поэтом подснежники, которые первыми вступают в единоборство с суровой зимой, внезапно появляясь среди снега.

В деревьях березы, в цветы – подснежник. (1, 86)

В России очень любим ландыш – лучший цветок майского леса. Он источает тончайший, ни с чем не сравнимый аромат. Эти же чувства разделял и наш поэт:

Не жалейте же ушедших
Уходящих каждый час.
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у нас. (2, 50)
Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыша вспыхнувших сил. (2, 157)

Об этом маленьком серебристом цветке Н.Ф. Золотницкий писал: «Что может быть проще и в то же время прелестнее ландыша?! Несколько беленьких, как из фарфора, колокольчиков на длинном стебельке и пара светло-зелёных листьев – вот и всё, а между тем как это красиво, как изящно!»³. Испокон веков ландыш ассоциировался с чистотой, нежностью, верностью, любовью. Как очень ценное лекарственное средство его применяли не одно столетие. Научное название ландыша в переводе с греческого означает «лилия долин, цветущая в мае».

Эмблемой оживающей весенней природы является фиалка – красивый грациозный цветок. Имеет чудный, нежный запах и приятное сочетание лиловой окраски цветка с яркой зеленью листьев. Разноцветный фонтан фиалок не мог не восхищать С.А. Есенина:

И я, как страстная фиалка,
Хочу любить, любить весну. (3, 78)
Но измятая в книге фиалка... (1, 112)

Маргаритка

И милым маргариткам нашлось место в поэзии С.А. Есенина.

И в глазах завяли маргаритки,
Как болотный гаснет огонёк. (1, 26)

В переводе с греческого «маргаритка» – «жемчужинка». Она раскрывается одной из первых после восхода солнца. У многих народов маргаритка является эмблемой доброты и сердечности.

Лилия

Лилии, являющиеся по своим размерам, строению, окраске и аромату одними из красивейших цветов, употребил поэт в следующем сравнении:

³ Цит. по кн. Красикова С.М. Легенды о цветах. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 97.).

Чту я за лилии груди. (4, 194)

Сравнение с лилией – это дань романтическому вкусу и моде того времени. С яркостью июльского цветения лилии не многое может сравниться. Лилия получила название от древнегельского слова «ли-ли», что в буквальном смысле означает «белый–белый». Красота и изящество белой лилии находили отражение в народных песнях, легендах, былинах. На Руси чудная белая лилия считалась символом непорочности и чистоты, поэтому её часто дарили невестам. Чтилась лилия на Руси и как символ мира. По виду белая лилия холодна, строга, равнодушна.

Кубышка, белая кувшинка

Кувшинки, их сладкий аромат тоже вызывали определенные ассоциации:

Воду пьют из кружек и стаканов,
Из кувшинок также можно пить. (1, 256)

Но гораздо красивее белая кувшинка. Это прекрасное водное растение известно всем. «Царицу вод» у нас называют кувшинкой по форме завязи. В разговорной речи кувшинку часто неправильно называют водяной лилией. У С.А. Есенина читаем:

У побережья зелёного,
Наклонив головки нежные,
Перешёптывались лилии
С ручейками тихо звонными. (1, 94)

Из древней Греции дошли до нас предания о красивых водяных девушкиах – *нимфах*, напоминающих славянских русалок. У славянских народов белая лилия считалась не только прекрасным цветком, но и могущественным растением. Они называли кувшинку «одолень трава», верили, что она излечивает от многих болезней, оберегает от бед, охраняет людей во время путешествий.

Шафран

В цикле «Персидские мотивы», характеризуя Кавказ, поэт пишет:

Свет вечерний шафранного края. (1, 282)

Помирись лишь в сердце со врагом –
И тебя блаженством ошафранит. (1, 286)

Были времена, когда шафран ценился на вес золота и зачастую свидетельствовал о безумной расточительности римских императоров. Так император Гелиобал, прежде чем искупаться в пруду требовал, чтобы пруд надушили шафраном. К тому же владыка и его приближённые любили возлежать на подушках, набитых лепестками этого цветка. Родина растения – Европа, Азия.

**Цветущие кустарники и деревья
(жасмин, черёмуха, сирень, рябина, яблоня, калина)**

В поэме «Цветы» находим следующее признание поэта:

Я не люблю цветы с кустов,
Не называю их цветами.
Хоть прикасаюсь к ним устами,
Но не найду к ним нежных слов (4, 171)

Однако поэт не мог не отразить чарующей красоты жасмина, сирени, рябины...

Волнующе пахнет жасмином
Плетнёвый его палисад. (2, 63)

Волшебная красавица – сирень очаровала поэта чудными гроздьями и неповторимым ароматом:

На душе холодное кипенье.
И сирени шелест голубой. (2, 140)
Но болен я сиреневой порошкой. (2, 140)
Стройная девушка есть,
Вся, как сиреневый Май. (1, 67)
Ой ты, синяя сирень,
Голубой палисад. (1, 238)
Не жаль души сиреневую цветь. (1, 234)

С сиренью связано у нас воспоминание о весне, о чудном мае, когда пробудившаяся от зимы природа, покрывает деревья и кусты свежей благоухающей зеленью. Сирень родом, по преданиям, с Балканского полуострова или из Малой Азии. Четыреста лет назад привезли её в Вену, затем она стала быстро распространяться по всей Европе. По библейским канонам, она считалась и по сей день считается «древом рая».

Из душистых соцветий сирени получают эфирное масло. Лучшую оценку чаще всего получает масло сирени обыкновенной, которая растёт у нас под окном.

Есть у С.А. Есенина несколько красивых упоминаний о рябине:

И на рябине есть цветы,
Цветы – предшественники ягод,
Они на землю градом лягут,
Багрец, свергая с высоты. (4, 172)

Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном? (1, 267)

Ранней весной, после цветения черёмухи, возникает настоящее чудо – яблони в цвету.

Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде. (1, 68)

Всё пройдёт, как с белых яблонь дым. (1, 188)

Особенно весной хороша черёмуха, когда кажется, что стоит растение в белых тонких кружевах.

Спит черёмуха в белой накидке. (1, 236)

С древних пор черёмуха является символом среднерусского пейзажа, за это народ воспевает её в стихах и песнях. А вот есенинские строки об этой красавице:

Приглянулась поэту калина, украшенная белыми цветами весной. Стоит она торжественная, как невеста в белом платье. А

Цвела черёмуха,
Цвела сирень

Отзвенела ты черёмухой в степной
провинции. (1, 74)

Я учусь, я учусь моим сердцем
Цвет черёмух в глазах беречь. (1, 169)

Черёмуха душиста
С весною расцвела. (4, 80)

Слушать песни дождей и черёмух.
(1, 225)

Весной она бегала с Чукапом под
чёрёмуху и смотрела, как с чёрёмухи
падал снег. (5, 94)

Всё равно любимая отцветёт
чёрёмухой. (1)

Как будто кто
Черёмуху качает
И осыпает
Снегом у окна. (2, 115)

А степь, под пологом зелёным
Кадит чёрёмуховый дым. (1, 103)

Как метель, черёмух
Машет рукавом. (1, 98)

Сыплет черёмуха снегом. (1, 170)
Сыпь черёмухой, солнце-куст. (2, 68)

какие ароматные цветы!

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветёт,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поёт. (1, 94)

Целую так небрежно Калину губ. (1, 156)

У калины за жёлтым прудом. (4, 75)

Всё творчество С.А. Есенина – чувства, настроения, отношения между героями – напоено природой. Каждое растение выражает состояние души:

Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье. (2, 90)

Я пойду к обедне плакать на цветы. (1, 177)

Мечты цветут надеждой. (2, 28)

Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стёжку серую,
О, Русь, покойный уголок
Тебя люблю, тебе и верую. (4, 94)

Вот почему в произведениях нашего великого лирика так значимы и прелестны лесные, луговые, полевые и садовые цветы. Пристрастие к красоте и природе было важной частью его мироощущения. В лирических миниатюрах поэта оживает сирень, черёмуха, колокольчик... Цветы украшали жизнь Есенина, сопровождали его и в радости и в минуты отчаяния, обогатили поэтический словарь, придали поэзии особый колорит. Благодарные потомки, как и желал того поэт, помнят о нём, «как о цветке не повторимом».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН И ДЕТИ

Н.Н. Бессонова

(Рязанский государственный педагогический
университет им. С.А. Есенина, г. Рязань)

Проблема взаимоотношений Есенина с детьми в есениноведении практически не затрагивалась. Между тем в отношении к младшим проявляется Есенин как человек. «У моего Сергея две прекрасные черты – любовь к детям и к животным¹», – подмечает С.Л. Есенина-Толстая в письме к своей матери. Друг поэта П.И. Лагин вспоминает: «Просыпаюсь как-то утром, выхожу в соседнюю комнату, смотрю: Есенин сидит, углубившись в том избранных произведений Маркса, который он извлек из множества книг моей библиотеки. Удержанавшись от напоминания о том, что “ни при какой погоде” он “этих книг, конечно, не читал”, я поинтересовался тем, что же он читает,

– Да я уже вычитал из вступительной статьи замечательные вещи, – сказал он. – Как здорово Маркс относился к Генриху Гейне! Вот как надо обращаться с поэтами! А потом, – как Маркс любил детей, даже, играючи с ними, их на себе катал...

А чуть позже я увидел как Есенин играл с моей шестилетней дочерью и, встав на четвереньки, катал ее на себе»².

Покровительственное отношение поэта к детям проявилось в заботе о сестрах, которые были значительно моложе Сергея. Он «охотно плел младшей сестре Щуре платья из цветов, разных фасонов шляпы, приносил ее домой всю в луговых цветах»³. Став отцом, Есенин проявлял интерес к воспитанию сына: «качал его, убаюкивая, пел над ним песни» и, по воспоминанию А. Изрядновой, «заставлял» ее, «укачивая, петь»: «Ты пой ему больше песен»⁴. Есенин знал колыбельные песни и еще до рождения сына

¹ Комментарии к Полн. собр. соч.: В 7 т. – М., 1996. Т. 4. – С. 387.

² Чагин П.И. Воспоминания о Есенине // Жизнь Есенина. Рассказывают современники. – М., 1968. – С. 361.

³ Куняевы С.С. Жизнь Есенина. – М., 2001. – С. 36.

⁴ Изряднова А. Воспоминания о Есенине // Жизнь Есенина. Рассказывают современники. – М., 1968. – С. 54.

пробовал себя в их сочинении. Отрывок из детского стиш-ка «Гуси» сохранился в воспоминаниях Н.А. Сарданевского.

Бай, бай, детка,

Спи, спи крепко.

Пошли, гуси, вон, вон,

Детка любит сон, сон.

К своему первенцу поэт обратил строки небольшого стихотворения «Будь Юрием, москвич...»:

Будь Юрием, москвич,

Живи, в лесу аукая,

И ты увидишь сон свой наяву.

Давным-давно твой тезка Юрий Долгорукий

Тебе в подарок основал Москву.

Есенин посвящал стихи и детям своих знакомых. Так в 1925 году в газете «Бакинский рабочий» (№ 179. 10 августа) было опубликовано стихотворение «Голубая да веселая страна» (из «Персидских мотивов») с посвящением Гелии Николаевне Чагиной.

Голубая да веселая страна.

Пусть вся жизнь моя за песню продана,

Но за Гелию в тенях ветвей

Обнимает розу соловей.

В образе Гелии поэт увековечил шестилетнюю дочь П.И. Чагина, редактора газеты «Бакинский рабочий», которая называла себя «Гелией Николаевной» по имени некой актрисы.

В том же году в Баку появилось стихотворение, обращенное к «Весенней девочке Леле»:

Еще девочка ты, дочь степей,

Не знакомая с жизненным ядом.

Потому-то и хочется мне

Твоего недозрелого взгляда.

В 1924 году во время пребывания в профилактории он пишет шуточный стих для пятилетней девочки «Как должна рекомендоваться Марина», в котором очерчивает «маленький портрет», подмечает ее непосредственность, наивность, отражает психологию ребенка:

Ах, иногда в ударе я
Могу читать стихи...
Но больше всего нравится
Мне кушать «шыколат».

Нельзя назвать Есенина детским поэтом, но в его творчестве можно выделить ряд стихотворений, рассчитанных на восприятие ребенка. К 1916 году он подготавливает макет сборника «Зарянка» с подзаголовком «Стихи для детей».

Мир детства Есенину не был чужд, проблемы ребенка не оставляли его равнодушным. Особенно тяжело он переживал трагедию детского сиротства (в том числе потому, что и сам в детстве недополучил родительского внимания). В годы первой мировой войны поэт участвовал в создании коллективного сборника «Пряник осиротевшим детям».

В стихотворении «Сирота» воспроизводится традиционный сказочный сюжет о кроткой падчерице-сироте, завистливой сестрице и злой мачехе.

Не перечит Маша браны,
Не теряет дерзких слов,
А коварная сестрица
Отбивает женихов.
Злая мачеха у Маши
Отняла ее наряд,
Ходит Маша без наряда
И ребята не глядят.

Вслед за сказочной традицией Есенин завершает произведение историей женитьбы короля на несчастной красавице-сиротке.

Тема детского сиротства реалистично звучит в стихотворениях «Побиушка» и «Папиронники». Стихотворение «Побиушка» (1915) строится на противопоставлении «смеха веселого», льющегося серебром, плачу «девочки-малютки», голосок которой не слышен в шуме. Ключевой образ стихотворения – слезы сироты. Вызывает жалость несчастная девочка, стоящая на осеннем ветру и просящая кусок черствого хлеба у больших хором, где идет пир. Возникает невольная полемика о евангельскими словами Христа: «Просите, и дастся вам; ищите, и обрящите; толците,

и отверзется вам. Всяк бо прсяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отверзется».

Но в хоромах тот голос заглушает шум утех,
И стоит малютка, плачет под веселый, резвый смех.

В поздний период творчества трагедия детского сиротства трансформируется в тему беспризорства. Герои стихотворения «Папиросчики» – отчаянные сорванцы, карманники и веселые воры, но они же – романтики, мечтатели и фантазеры, которые «читают Пинкертон» и «бредят Нью-Йорком». Они по-детски талантливы, жизнерадостны, энергичны, порой беззаботны. Лишь голод и нужда заставляют их день-деньской сновать с лотками папирос по морозным улицам Москвы. «Грязных улиц странники / В забаве злой игры,» – оправдывает их поэт.

Сам Есенин не понаслышке был знаком с проблемами бездомных детей. Он встречался и разговаривал с ними в Тифлисе в коллекторе для беспризорных. Н. Вержбицкий так вспоминает эту встречу: «Сразу началась оживленная беседа. Она велась почти в товарищеском тоне.

Есенин начал с того, что очень правдиво рассказал, как сам был беспризорником, но потом нашел в себе силы расстаться с бродяжничеством, подыскал работу, выучился грамоте и вот теперь – пишет стихи, их печатают, и он неплохо зарабатывает»⁵.

Посещение коллектора произвело впечатление на поэта, потрясло его, вызвало возмущение: «Он говорил о том, что больше с этим мириться нельзя, невозможно дальше спокойно наблюдать, как у всех на главах гибнут, может быть, будущие Ломоносовы, Пушкины, Менделеевы, Репины!» Через три дня в газете «Заря Востока» появилась поэма «Русь бесприютная».

Мальчишки лет семи-восьми
Снуют средь штатов без прибора,
Бестелыми, корявыми костыми
Они нам знак
Тяжелого укора.

⁵ Вержбицкий Н. Воспоминания о Есенине // Жизнь Есенина. Рассказывают современники. – М., 1968. – С. 389.

Известно, что в последние два года жизни Есенин часто говорил о своем желании написать повесть о беспризорниках, которые в те годы буквально заполняли все большие города и железнодорожные узлы. «Это была его неутолимая, горестная тема», — замечает Н. Вержбицкий в своих воспоминаниях о поэте.

Любовь к детям, интерес к проблемам детства Есенин прошел через всю жизнь. От его внимания не ускользнула психология ребенка с его наивностью, чистосердечностью, верой в чудеса. Есенин и сам был в чем-то ребенком, сорванцом, хулиганом. В поэте жило мальчишеское начало, что отмечали хорошо знавшие его люди.

Посвящая стихотворения детям, он писал о красавице-весне, воробышках, белой березе, дремлющем под сказку сна лесе, сонной земле и рассвете, а сочиняя произведения о детях, он все-рьез задумывался о их будущем. И в этом ярко проявилась одна из удивительных граней личности С.А. Есенина как человека, художника и гражданина.

«ЕСЕНИНСКОЕ ОЗАРЕНИЕ». ТРАДИЦИИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА В ТВОРЧЕСТВЕ РЯЗАНСКИХ ЛИРИКОВ

Н.Н. Бердянова

(Государственный музей-заповедник

С.А. Есенина, с. Константиново)

Вопрос о есенинской традиции в русской поэзии XX века далеко не нов. Многие литературоведы семидесятых – восьмидесятых годов активно обращались к этой проблеме и добились в ее разработке немалых успехов. Художественный опыт Есенина является одним из живых действенных факторов развития современной поэзии, резонанс, который она получила в творчестве разных по своей художественной принадлежности авторов, дает право говорить о есенинской школе в современном литературном процессе. Сегодня есенинская традиция осмысливается как многогранная, «включающая в себя не только деревенские истоки и ориентацию на фольклорную поэтику, но и определенный тип мироощущения, особый склад души лирического героя, своеобразный метафорический строй поэзии»¹.

Достойное место в кругу духовных наследников С.А. Есенина занимает яркая плеяда современных рязанских лириков. На широком литературном материале, а в основу исследования лег анализ лирических произведений Евгения Маркина, Валентина Сафонова, Анатолия Сенина, Бориса Жаворонкова, Алексея Корнеева, Бориса Шишаева, Валентины Калашниковой, Нины Красновой, Александра Архипова, Александра Потапова, Валерия Авдеева, Нурислана Ибрагимова, мы попытались раскрыть характер и масштабы влияния поэзии С. Есенина на творчество современных поэтов.

В ходе работы мы выявили, что направления наследования есенинской традиции довольно многообразны. Они прослеживаются как по линии интерпретации тем и мотивов, так и в направлении образов, символов, приемов организации художественного пространства, поэтики цвета и звука.

¹ Шилова А.К. Традиции Есенина в современной советской поэзии. – Вологда, 1984.– С.9.

Так, в творчестве рязанцев авторское осмысление получают темы, ставшие квинтэссенцией поэзии великого русского лирика. Есенинская убежденность в стержневом значении темы родины, большой и малой, для любого художника заражает наших современников своей исповедальной искренностью. Образ родины в понятии Есенина заключает в себе огромный мир, предстает в самых разных смысловых планах: «как географическое понятие, историческое, реальное, духовная колыбель поэта, исток его творчества, как национально-социальная общность людей, соотносимая с понятием русский народ»². Поэтизация Родины, ее судьбы, необозримых красот, живительного всеобъемлющего воздействия, которая она оказывает на человека, стала также магистральной линией в творчестве рязанских авторов.

Обострение экологических проблем в современном мире определило возрождение интереса к проблеме взаимоотношений человека и природы, его неразрывной, «узловой завязки» с каждой частицей природного бытия, размышления о гармонии мира, диалектике современного взаимоотношения жителя земли с красотой природного «космоса». Вслед за великим земляком рязанские поэты разделяют тревогу за естественный нерукотворный мир, вольно или невольно ориентируются на есенинскую антitezу «живого» и «железного». Духовно-нравственные искания С. Есенина – зеркало внутреннего мира поэта. Они – точка отсчета философского осмысления нашими современниками есенинских мотивов возвращения к родным истокам, к памяти детства, утраты корней, соединяющих современного человека с изначальными основами бытия, осмысления жизни современной деревни, ее меняющихся устоев и печальных утрат. Тема деревни развивается рязанскими авторами и с позиции взаимодействия деревни и города – двух миров, противостоящих друг другу. Н. Краснова, А. Сенин, Б. Шишаев обращаются к Есенину, ощущая родственность своего мирочувствования с его любовью и милосердием ко всему миру. В творчестве Есенина и его последователей нередко обнаруживается общность целей, исканий путей художественного познания жизни.

² Воронова О.Е. Духовные искания С. Есенина. – Рязань, 1995.

Сходство мироощущения, внимание ко всему, что во главе с человеком является частью этого мира, боль и радость за происходящее рядом, любовь к малой и большой Родине – все это составляет устойчивый круг тем и основу общего духовного и творческого опыта разных поколений рязанцев.

Кроме того, они берут на вооружение есенинскую ориентацию на традиции фольклора и народно-поэтической этики. Многим оказался близок тип есенинского лиризма. Интимно-личностный контакт Есенина с миром воспринимается его последователями как средство поэтического самовыражения.

Есенинские открытия в области поэтики помогли рязанским авторам в создании собственных оригинальных образов. Интонации и образность русской песни, частушки, сказки дают себя знать в творчестве А. Сенина, Н. Красновой, А. Архипова, которые, как и Есенин, стремятся учиться поэтическому языку у «народа-языкотворца». Проведя сравнительный анализ есенинской поэзии и творчества современных поэтов-рязанцев, мы пришли к заключению, что они родственны по стилю, характеру поэтической образности, по глубине метафоричности. Останавливаясь на уже выработанных Есениным художественных принципах, вбирая то, что особенно близко каждому из них, творчески переосмысливая окружающее их пространство, поэты творят свой собственных художественный мир, до глубины пронизанный Есенинским светом.

Сергей Есенин, как яркая поэтическая индивидуальность создал в своей поэзии неповторимый мир, который строится по внутренне обусловленным нравственно-эстетическим законам. Как отмечают современные исследователи, художественный мир есенинской поэзии базируется «на принципах универсализма, метафоризма и космизма»³.

Образ крестьянской избы, родного дома, ставшим центральным в поэтической Вселенной Есенина, занимает не менее важное место в творчестве современных рязанских поэтов, но переосмысливается ими по-разному, в соответствии с их индивидуальным, поэтическим мировоззрением. Так например, видится он

³ Захаров А.Н. Поэтика С. Есенина. – М., 1995.

Евгению Маркину

Алексей Корнеев

Ты отстройся и воскресни,
Простая русская изба –
Моя родительская песня,
моя глубинная судьба.

Видно так уж, из странствий любых
Все дороги приводят к порогу.
И под кровлю родимой избы,
На ступеньки великих чертогов.

Лейтмотивным образом поэзии С. Есенина является, как известно, образ месяца, луны. Исследователями подсчитано, что в произведениях Есенина он встречается около трехсот раз, не менее чем в пятидесяти обличиях. Его основная функция – символизировать очень важную для поэта смысловую точку художественного пространства, связанную с отчим домом, с Родиной. Луна – свидетель всего происходящего в мире, это своеобразный природный фонарь, освещдающий человеческое и природное бытие. Она как бы действующее лицо, все видявшее и все понимающее. Хорошо известны есенинские образы месяца-жеребенка, месяца-щенка, хлебной ковриги и др. Так же многообразно разноликим предстает образ месяца в творчестве рязанских поэтов.

A. Сенин

Опадает белый цвет луны,
Кулики тоскуют за рекою,
Домовым за дымною трубою
Смотрит месяц в потемнев-
ший сад.

A. Архипов

Выйдет месяц и рот разинет:
Светом улицы залиты,
С неба кажется вся Россия
Садом в яблоках золотых!

Есенинскому образу месяца-луны сопутствует столь же характерный для поэта образ цветущего весеннего сада, также соотносимого с образом родного края.

Важнейшим законом поэтики знаменитого рязанца является всеобщий метафоризм. К здимому развернутому слову-образу приходят и рязанские поэты.

A. Корнеев

И лишь закат, как лисий мех,
Дразня собак над краем чаши,
Свисал на жесткий черствый снег.

A. Сенин

Словно блин в густой сметане.
Солнце жаркое в снегу.

Древесная, водная символика – основополагающие в творчестве Есенина. В поэтическом наследии рязанских лириков не

трудно заметить авторское пристрастие к образам бересы и рябины, ивы, липы, которые, как и у Есенина наделены женственным обликом: они напоминают то задумавшуюся о милом девушки, то тоскующую невесту, то истомившуюся ожиданием мать. И во всех этих образах просвечивает народно-поэтическая традиция, олицетворяющая в «древесных» чертах «женственный лик природы.»

Образ дороги, как символ жизни, духовных исканий, сопровождающих человека, символ постоянного движения, ухода и возврата – неизменный лейтмотив в поэзии С.А. Есенина. Этот ведущий мотив «вечно странствующего странника» связывает нитями преемственности есенинскую поэзию и лирические строчки Е. Маркина, в чьем творчестве лейтмотив нашел наиболее полное и последовательное выражение.

Дорога моя, дорога!
Мечта моя и судьба!
Я бредил тобою издавна,
ты с детства сводила с ума:
Ты вдруг уманила из дома
И домом стала сама.
Дорога ты, дорога!
Куда ж ты завела?
До старости – далеко, а молодость прошла.
Как витязь на распутье, на переломе лет
Судьбы своей распутываю
Полынnyй след.

Интересные переклички обнаруживаются и в плане цветовой поэтики. Цвет у Есенина не только запечатление природных явлений, это мироощущение, своеобразный символ, который помимо художественной выразительности заключается глубокое эмоциональное философское содержание. Есенинский голубой цвет – символ Родины, всего, что сливается с этим понятием в единое целое: «синий плат небес», «синие затоны рек», «дом, с голубыми ставнями», «в голубых накрепах сад» известны всем. Преобладающим цветом красочной палитры предстает синий и голубой и в творчестве рязанских поэтов.

Содержание

От редакционной коллегии	3
<i>Прокушеv Ю.Л.</i>	
Фундаментальные труды и исследования наследия	
Есенина: некоторые итоги и перспективы	
(к постановке проблемы)	5
<i>Художественно-философские основы</i>	
поэтического мира С.А. Есенина: истоки, традиции, связи	
<i>Захаров A.Н.</i>	
О художественной философии Есенина	25
<i>Шубникова-Гусева Н.И.</i>	
Есенин как писатель-притчеписец	39
<i>Воронова О.Е.</i>	
Легенда о Есенине-старообрядце и её местные корни	61
<i>Сафронов А.В.</i>	
Бродячая Русь и Сергей Есенин	78
<i>Самоделова Е.А.</i>	
Об особенностях Есенинской топонимики	81
<i>Архипова Л.А.</i>	
«...Ведь это же сплошная поэзия!»	
Русские пословицы и поговорки в языке С.А. Есенина	95
<i>Калинина Л.В.</i>	
Стихотворения, написанные С. Есениным	
в Константинове	107
<i>Мосунова Н.</i>	
Диалогизм в «маленьких поэмах» С.А. Есенина	
1917–1919 гг.	116
<i>Шапурина А.В.</i>	
Ф.И. Тютчев и С.А. Есенин. К вопросу о специфике	
религиозности пейзажной лирики	127
<i>Меки Э.Б.</i>	
Махновская коллизия в «Ледоходе» Пильняка	
и в «Стране негодяев» Есенина	131

<i>Жулин Д.В.</i>	
С. Есенин и М. Цветаева: к проблеме личных и творческих связей	147
<i>Кузнецова В.Е.</i>	
Марк Шагал и Сергей Есенин	152
Разыскания, находки, новые материалы	
<i>Субботин С.И.</i>	
Сергей Есенин в 1914–1916 годах. Новые биографические материалы	161
<i>Скороходов М.В.</i>	
О датировке ранних стихотворений С.А.Есенина в «Летописи»	184
<i>Юшкун Ю.Б.</i>	
Воспоминания К.Ф. Богоявленской. Публикация и комментарий	199
<i>Дроздков В.А.</i>	
Ассоциация вольнодумцев в Москве (новые разыскания)	217
<i>Шалагинова Л.М.</i>	
Новые материалы к «Словарю поэтического языка С.А. Есенина»	229
<i>Аникина О.Л.</i>	
Генеалогия рода Есениных. По материалам Рязанского областного архива	235
Память о С.А. Есенине.	
Проблемы сохранения наследия поэта	
<i>Воронцов К.П.</i>	
Концепция развития государственного музея-заповедника С.А. Есенина	242
<i>Бердянова Н.Н.</i>	
Сергей Есенин в восприятии посетителей государственного музея-заповедника С.А. Есенина (по материалам социологического исследования)	248

<i>Обыденкин Н.В.</i>	
Памятные Есенинские места России и других стран СНГ	257
<i>Соболев В.А.</i>	
Культурный центр имени С.А. Есенина на Украине	260
<i>Лазарев Ю.В.</i>	
Есенин и Интернет. К вопросу о необходимости создания специального сайта	262
 Заметки и наблюдения	
<i>Астахов В.И.</i>	
«А кони, кони!» (об одном общем мотиве в произведениях А.С. Пушкина и С.А. Есенина)	266
<i>Титова В.С.</i>	
Цветы в поэзии С.А. Есенина	269
<i>Бессонова Н.Н.</i>	
Сергей Есенин и дети	279
<i>Бердянова Н.Н.</i>	
«Есенинское озарение». Традиции великого русского поэта в творчестве рязанских лириков	284

А.С. Есенин и Ф.А. Бородин

Издательство АСТ, 2002 год, 128 стр., 120x180

ISBN 5-17-000000-0

Бумага офсетная, обложка - мелованный картон

Научное издание

Новое о Есенине.

Исследования, открытия, находки

Статьи и материалы научной конференции,
посвященной 106-летию со дня рождения С.А. Есенина,
2 октября 2001 г.

Корректор С.В. Артюшкина
Компьютерная верстка С.А. Феоктистов

Лицензия ИД № 03311 от 20.11.2000.

Подписано в печать 25.09.2002. Бумага офсетная. Формат 60x80/16.
Печать ризографическая. Гарнитура Times. Усл. п. л. 16,98. Физ. п. л. 18,25.
Тираж 500 экз. Заказ № 732.

Издатель Феоктистов С.А.
Россия, 390023, г. Рязань, ул. Циолковского, 4

Отпечатано в ООО «Интермета»
Россия, 390000, г. Рязань, ул. Каляева, 5

100 = 00

